

Ю. М. Мельников

**ИМПЕРСКАЯ
ПОЛИТИКА
США:**

***** ИСТОКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ю. М. Мельников

**ИМПЕРСКАЯ
ПОЛИТИКА
США:**

**ИСТОКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ББК 66.4 (7 США)

М 48

Рецензент — В. ТЕПЛОВ

Мельников Ю. М.

М 48 Имперская политика США: истоки и современность. — М.: Междунар. отношения, 1984. — 256 с.

В книге рассмотрены исторические истоки имперской политики и идеологии США, разоблачается агрессивный курс американского империализма второй половины 70 — начала 80-х годов. Убедительно показано, что именно авантюристическая гегемонистская политика Вашингтона привела к резкому обострению международной обстановки. Подчеркивается, что имперским притязаниям США противостоят твердая миролюбивая политика СССР, других социалистических стран, могучий фронт всех прогрессивных сил. Частично использованы материалы, опубликованные в работе автора «Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона».

Для специалистов-международников, лекторов, пропагандистов, читателей, интересующихся проблемами внешней политики США.

М $\frac{080400000-050}{003(01)-84}$ **22-84**

ББК 66.4 (7США)

Юрий Михайлович Мельников

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА США: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Редактор *Н. М. МАСЛОВА*

Оформление художника *В. П. ГРИГОРЬЕВА*

Художественный редактор *В. В. СУРКОВ*

Технический редактор *Т. С. ОРЕШКОВА*

Корректор *Л. А. СУРКОВА*

ИБ № 1065

Сдано в набор 16.02.84. Подписано в печать 11.06.84. А 05540. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,66. Уч.-изд. л. 15,45. Тираж 12 000 экз. Заказ № 145. Цена 1 руб. Изд. № 31-И/83. Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Садовая-Спасская, 20. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

© «Международные отношения», 1984

ВВЕДЕНИЕ

По мере приближения к историческому рубежу XX — XXI веков все более быстрым и разносторонним становится прогресс человечества. Современные могучие производительные силы, развитие которых ускоряется научно-технической революцией, требуют новых производственных отношений, систем организации, управления и труда. Национализация и огосударствление средств производства, его планирование и программирование распространились далеко за пределы социалистического мира, хотя они и не преобразуют радикально характер собственности и власти в капиталистических государствах. Международное разделение труда и интернационализация производства ведут к появлению новых форм и увеличению масштабов межгосударственного сотрудничества, обмена и коммуникаций. Решение глобальных проблем все настоятельнее требует объединения усилий всего человечества, всех стран независимо от их социально-политического строя.

Начиная с Великой Октябрьской социалистической революции неуклонно, хотя и в упорной борьбе, идет всемирный процесс социального и национального освобождения народов. После второй мировой войны на путь социализма или социалистической ориентации встал целый ряд государств в Европе, Азии, Латинской Америке и Африке. Число их продолжает расти. Сложилось и окрепло социалистическое содружество, превратившееся в самую динамичную силу современного развития.

В период с конца 40-х и до середины 70-х годов была в основном ликвидирована колониальная система капитализма. Народы бывших колоний завоевали политическую независимость, обрели чувство национального достоинства, усилили борьбу за экономическую самостоятельность, демократию и социальный прогресс.

На международной арене с небывалой прежде силой проявляются тенденции к возрастанию сознательности и активности народных масс, к распространению и утверждению

дению принципов суверенитета и равноправия наций, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела других стран, к налаживанию межгосударственного сотрудничества и укреплению безопасности. Огромного размаха достигло движение за перестройку на основе этих принципов современных международных отношений, за новый мировой экономический порядок, за совместное и взаимовыгодное исследование и освоение космоса, использование общего наследия человечества — богатств Мирового океана и т. д.

Растет и ширится борьба за мир и разоружение, против угрозы новой войны и гонки вооружений, за отказ от применения силы в международных отношениях, за ликвидацию очагов конфликтов, напряженности и военной опасности, за признание мирного сосуществования единственно реальной основой взаимоотношений государств с различным социально-политическим строем, альтернативой ракетно-ядерной войне, несущей разрушение человеческой цивилизации.

Значительное большинство из около 160 стран — членов ООН, участников других межгосударственных и общественных международных организаций и конференций систематически подтверждают свою приверженность высоким идеалам Организации Объединенных Наций, принципу мирного сосуществования, решениям хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принципам движения неприсоединения и т. д. Они принимают многочисленные резолюции с требованиями ограничить гонку вооружений, особенно ядерных, и перейти к реальному разоружению, полностью ликвидировать остатки колониализма и расизма, развивать всестороннее международное сотрудничество, обеспечить основные права народов и каждого человека, в первую очередь право на жизнь.

В новых условиях международного развития все большим анахронизмом выглядят попытки одной из великих держав — Соединенных Штатов Америки диктовать другим странам, а подчас и почти всему международному сообществу свои «правила поведения», навязывать собственный образ жизни, проводить курс на «сдерживание коммунизма», помешать развитию мирового освободительного процесса, использовать силу, прежде всего военную, для достижения своих империалистических целей. При этом чем больше расходится этот курс с реальным положением дел на мировой арене, тем все более авантюристическими

становятся действия американских правящих кругов. И по своей сугубо империалистической, экспансионистской и реакционной сущности, и по имперской великодержавной форме такая политика представляет собой ныне главную угрозу всеобщему миру и прогрессу.

Имперскую политику проводило в истории немало так называемых великих государств и деятелей, стремившихся к захвату и ограблению чужих территорий, подчинению и эксплуатации «туземных» народов. От Древнего Рима до Британской империи, от Чингиз-хана до Наполеона тянется летопись кровавых походов и сражений, бесчисленных жертв и разрушений, расцвета и падения «великих империй».

С вступлением капиталистической общественной формации в ее высшую и последнюю стадию развития — империалистическую — политика империалистических держав приняла всемирные масштабы, а ее содержанием стала борьба за передел мира, за мировое господство. Эта политика стоила человечеству двух мировых войн, унесших десятки миллионов жизней. Особенно дорого обошлась ему борьба против «третьей империи» Гитлера, решающую роль в разгроме которой сыграл Советский Союз и его героические Вооруженные Силы.

Возмущение народов империалистической политикой, приведшей к возникновению двух мировых войн, разгром ударных сил реакции — фашистских агрессоров, дискредитация расистской имперской идеологии господства над другими странами и народами в значительной мере содействовали повышению классового сознания трудящихся масс в капиталистическом мире, усилению их борьбы за национальное и социальное освобождение, дальнейшему углублению общего кризиса капитализма, всемирно-историческим изменениям в пользу социализма и мира.

Многое переменялось и продолжает меняться в мире, но неизменной осталась сущность империализма. С окончанием второй мировой войны фактически завершился период борьбы между отдельными национально, государственно обособленными группировками финансового капитала за мировое господство. Германские, японские и итальянские империалисты понесли серьезное военно-политическое поражение. Англия и Франция вышли из войны настолько ослабленными, что главной заботой их господствующих классов стало сохранение капиталистического строя внутри этих стран и остатков колониального господства за их пределами.

Но американский империализм, сравнительно молодой и наиболее хищный, выступил с притязаниями на передел мира в свою пользу и установление собственного мирового господства еще в последние десятилетия XIX века и с тех пор никогда не отказывался от мысли об «американском мире» — «Рах Америгана». Америка оказалась единственной империалистической державой, которая не только не пострадала, но и значительно обогатилась в годы второй мировой войны, увеличила свой экономико-технический и военно-стратегический потенциал, создала атомное оружие. И с классово ограниченной, националистической точки зрения ее господствующих кругов, все это должно было обеспечить теперь успех в реализации их давней мечты о наступлении «американского века» — «American Century».

Не успела высохнуть подпись американского представителя — генерала Эйзенхауэра на акте о полной и безоговорочной капитуляции «тысячелетнего великогерманского рейха», как Вашингтон начал свой отход от политики сотрудничества антигитлеровской коалиции, прежде всего переговоров и соглашений с СССР, к курсу на осуществление силового, имперского диктата в отношении остального мира, на установление «Рах Америгана».

Этот курс не принес Америке ни успеха, ни славы. Он вылился в длительную и бесперспективную борьбу против сил социализма, национального освобождения, социального прогресса и мира, в бесконечную гонку вооружений в тщетной погоне за достижением военного превосходства, во вмешательство во внутренние дела других государств, в многочисленные интервенции, в «грязную» войну во Вьетнаме. В результате серьезного поражения в этой войне, утверждения стратегического паритета между СССР и США, тяжелых внутренних социально-экономических последствий этого курса были развеяны многие иллюзии о «всесилии» и «преимуществах» Америки, о ее «мировых правах и интересах» и т. п.

И тем не менее в настоящее время правящие круги США с упорством, достойным лучшего применения, снова пытаются проводить глобальную имперскую политику. Причинами этой фанатичной приверженности подобной политике, погони за мировым превосходством и господством, стремления к созданию собственной всемирной империи являются безграничные империалистические притязания, которые американские господствующие классы пытаются подкреплять теориями «исключительности» и «исто-

рической миссии» Америки, возникшими вместе с появлением на свет заокеанской республики более 200 лет тому назад.

В настоящей книге основное место занимает исследование имперского характера американской политики, освещены ее исторические истоки, традиции и особенности с момента зарождения в конце XVIII — начале XIX века до сокрушительных поражений на рубеже 60—70-х годов XX в. В работе дается анализ причин и сущности современного «возрождения и расцвета» имперских притязаний американского империализма с середины 70-х годов. Ныне они стали основной угрозой не только для независимости и прогресса народов, но и для всеобщего мира и самого существования человечества.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ США

1. Формирование имперской идеологии и политики буржуазно-рабовладельческой Америки

На первый взгляд может показаться парадоксальным тот факт, что само революционное происхождение североамериканской республики явилось одним из источников зарождения ее имперского отношения к остальному миру. История, правда, знает немало примеров такого рода перерождений — республиканский Рим превратился со временем в Рим императорский, французская буржуазная революция 1789 года завершилась созданием наполеоновской империи. Более сложным и противоречивым явился процесс развития от американской революции конца XVIII века до превращения США в XX веке в главного, а затем и единственного претендента на мировое империалистическое господство, стремящегося к установлению «американского века», созданию «американской империи». Но и это перерождение, как бы ни отрицали и ни затемняли его апологеты американского империализма, является неоспоримым историческим фактом.

Самому своему появлению в качестве самостоятельного государства США обязаны одному из знаменательных революционных поворотов в развитии человечества. «История новейшей, цивилизованной Америки, — писал В. И. Ленин, — открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»¹.

Первая американская революция нанесла чувствительный удар по колониализму, свергла власть английской короны над значительной частью Северной Америки. Была создана новая молодая и независимая демократическая республика. Были потрясены устои монархического строя, господства сословной, наследственной аристократии как в Америке, так и в Европе. Американская антиколониаль-

ная и антифеодалная революция явилась непосредственной предшественницей Великой французской буржуазной революции, восстания латиноамериканских народов против трехвекового ига испанского абсолютизма. Идеалы войны за независимость США, в том числе провозглашенное в ходе ее право народов на революцию против внутренней деспотии и иноземного господства, длительное время воодушевляли борцов за свободу и независимость повсюду в мире.

При всем этом, однако, ни первая, ни вторая американские революции (гражданская война 1861 — 1865 гг.), будучи буржуазно-демократическими по своему характеру, не ставили и не решили проблем уничтожения эксплуатации человека человеком, социально-экономического и расового неравенства и угнетения. Первая отменила сословные привилегии, вторая — право рабовладения, но их место заняло господство частной собственности, богатства. Американские революции провозгласили формальное равенство граждан и наций, но не обеспечили их фактического равенства. Они, по существу, создали все условия для того, чтобы богатые становились еще богаче, а бедные — еще беднее. Не было обеспечено также волеизъявление народа в области внешней политики, которая обслуживала интересы господствующих классов — плантаторов и капиталистов. Буржуазно-демократическая, республиканская форма правления в Соединенных Штатах служила прикрытием для реакционной внутренней и внешней политики господствующих классов страны. Сохранение внешне демократических политических институтов, с одной стороны, способствовало поддержанию среди широких слоев американцев и населения других государств мнения, что и общественное устройство, и внешнеполитический курс США демократичны, что махинации власть имущих, их экспансионистские действия на мировой арене якобы представляют собой всего лишь временные нарушения или отступления от этой демократичности. С другой стороны, широко распространенные иллюзии об «американской демократии» использовались и используются правящими кругами для проведения эксплуататорской, расистской, интервенционистской, шовинистической, самой настоящей имперской политики. Всячески подавляя прогрессивные революционно-демократические тенденции в американском обществе, правящие круги США не только выхолащивали революционное содержание освободительных идей и лозунгов американской революции, но и

все чаще использовали их в своих узкокорыстных интересах как внутри страны, так и за ее пределами.

Сам успех первой американской революции, восторженные отклики на нее во всех передовых слоях многих стран мира в конце XVIII — начале XIX века, ее очевидное воздействие на ход событий в ряде стран — все это порождало законную гордость у ее участников — создателей молодой заокеанской республики. Однако эта гордость очень скоро начала перерождаться в великодержавные, националистические, миссионерские настроения среди руководителей и идеологов американской политики, широких кругов господствующей элиты и первых переселенцев в США. Возомнив себя монополистами в открытии новых путей для развития всего человечества, творцами «исключительного, образцового» государства, самозванно возлагая на себя роль «избранных богом» проповедников и носителей идеалов «демократии и свободы» для всех остальных стран и народов, эти круги все в большей мере становились проводниками идеологии и политики, получившей название «America First», т. е. «Америка прежде и превыше всего», «Америка первая во всем».

Уже в послании третьего президента США Т. Джефферсона конгрессу 4 марта 1801 г. говорилось о народе и правительстве Североамериканских штатов как воплощении «лучшей надежды мира», как о «владеющих избранной страной»². Идеи «исключительности» США, их «предопределения» быть образцом для других стран сыграли и до сих пор играют огромную роль в разработке и идеологическом прикрытии многих американских внешнеполитических планов и акций. Эти идеи были положены в основу теорий об «исторической миссии» США, призванных якобы приобщить к «благам американской демократии и цивилизации» в первую очередь окружающие Америку, а потом и все более отдаленные народы и территории, т. е. они стали мощной движущей силой внешней экспансии и имперских притязаний молодой заокеанской республики.

Появившись на мировой арене как молодая революционная, антиколониальная сила, США в результате классово ограниченной, узкоэгоистической политики утвердившихся у власти плантаторско-рабовладельческих и буржуазных кругов быстро перерождались в «обычную», проводящую экспансионистский курс державу. Они очень скоро отказались, по существу, от всяких попыток изменить характер существовавших международных отношений. Более того, они поспешили приспособиться к этим отно-

шениям, признав их «вечными и естественными», и приняли активное участие в борьбе великих держав XIX века за территориальные приобретения и создание собственной империи.

«После 1800 года американцы могли позволить себе уже подумать о других целях помимо простого выживания, — отмечается в одной из документированных историй американской дипломатии. — Они заинтересовались имперскими идеями и языком... Американцы XIX века продолжали говорить о национальной безопасности, но они представляли ее себе как оказание противодействия другим странам в захвате тех земель, на которые зарились они сами»³.

Несомненно, что провозглашенные в первых основополагающих внешнеполитических документах США принципы раздела мира на американскую и европейскую системы, изоляционизма, нейтралитета по отношению к Старому Свету первоначально отчасти отражали стремление заокеанской республики укрепить свою независимость, самостоятельное положение в мире и внутренний порядок, извлечь торговые и другие выгоды из благоприятного географического положения страны. Однако плантаторы-рабовладельцы, а также молодая буржуазия Америки были заинтересованы не только в том, чтобы защитить Соединенные Штаты от посягательств со стороны их бывшей метрополии и других более сильных в то время государств, но также и в расширении сферы своего территориального, политического и экономического господства. По свидетельству американского историка А. Уэйнберга, уже в годы войны за независимость в США возникла мысль о «способности американцев не только захватить территории с помощью вооруженной силы, но и удержать их за собой в качестве колоний»⁴.

Еще в первые годы существования американской республики среди ее правящих кругов возникла и утвердилась идея о неразрывной связи внутреннего благосостояния страны с ее внешней экспансией и «приобретениями». «Мы не упрочим своего положения, — утверждал один из руководителей внешней политики США С. Адамс, — до тех пор, пока Британия не уступит нам того, что указующий перст Природы (!) предназначил нам для обладания, или до тех пор, пока мы не вырвем у нее этих владений»⁵. Адамс имел в виду Канаду и другие территории, не входившие в 13 первоначальных штатов Америки.

Обеспечение «внутреннего порядка» с помощью созда-

ния все расширяющейся территориальной империи являлось не просто мечтой наиболее мессиански настроенных «отцов-основателей» Америки. Эта идея возникла на основе утверждения в конце XVIII века в значительной части США плантаторско-рабовладельческой системы хозяйства и политического преобладания в Вашингтоне представителей этой системы, прежде всего из южных штатов.

По меткой характеристике К. Маркса, интересы рабовладельцев служили «путеводной звездой» как во внутренней, так и во внешней политике страны. Признанной целью США явилось завоевание все новых и новых областей для расширения плантаций, распространения рабства и укрепления господства плантаторов-рабовладельцев⁶. Захват новых территорий был «экономическим законом» самого существования и развития рабства.

Наряду с экономическими политические мотивы также были важнейшим фактором, стимулировавшим экспансионистские настроения плантаторов Юга США. Образование новых рабовладельческих штатов позволяло им сохранять свои господствующие позиции в верхней палате конгресса — сенате, в котором независимо от численности населения каждый штат был представлен, согласно конституции, двумя сенаторами, в то время как в палате представителей более быстро растущие и заселяемые северо-восточные и другие свободные от рабства штаты получали все большее количество мест.

Наконец, вовлекая часть населения в экспансионистский поток, насаждая джингоистскую, имперскую идеологию и политику, господствующие круги открывали еще один клапан для выхода накапливавшегося среди народа недовольства, «удовлетворяли» его стремление к переменам и т. д. «Только приобретением и надеждой на приобретение новых территорий, а также пиратскими набегами удается примирять интересы... «белых бедняков» с интересами рабовладельцев, давать безопасное направление их беспокойной жажде деятельности и прельщать их перспективой самим когда-нибудь стать рабовладельцами»⁷.

Курс на создание обширной рабовладельческо-буржуазной империи с помощью политики силы и экспансии фактически возобладал в Вашингтоне с начала XIX века. Этот курс обосновывался как особыми «правами, интересами и миссией» США, которые изображались в качестве носителя «революционного наследия», идей антиколониализма, «свободы и демократии», так и откровенно экспансионистскими, геополитическими, расистскими и другими

имперскими теориями или теми и другими вместе в зависимости от прагматических потребностей и складывавшейся обстановки.

Очевидно, что, строя далеко идущие планы территориальной, политической и торговой экспансии, руководители США конца XVIII — начала XIX века учитывали такие благоприятные для них факторы, как географическая удаленность Нового Света от Старого; нарастающий подъем национально-освободительной борьбы латиноамериканских народов и популярность среди них идей антиколониализма и республиканизма; ослабление в Западном полушарии позиций европейских держав — Великобритании, Франции, Испании и России в результате противоречий и войн между ними; рост антимонархических настроений. В этих условиях спекуляции на революционном наследии США, украшивание их внешней политики с помощью антиколониалистской и республиканской фразеологии несомненно способствовали достижению экспансионистских целей правящими кругами Соединенных Штатов.

Таким образом, уже с начала XIX века лозунги «антиколониализма» и «освобождения» стали применяться американской дипломатией для подрыва позиций Испании, Великобритании и Франции в Латинской Америке, а позднее и в других районах мира, для распространения там своего влияния и господства. При этом собственно американские колонизаторские устремления и захваты всячески оправдывались и маскировались прежде всего теми же мифами об «исторической миссии» США по приобщению других стран и народов к «самой передовой американской цивилизации». В. И. Ленин отмечал, что подобная двуличная тактика является типично империалистической: «говоря, например, о «мире без аннексий», всякая буржуазия имеет в виду аннексии своего соперника и «скромно умалчивает» об аннексиях, уже произведенных ею самою»⁸. Именно Соединенные Штаты Америки, опоздавшие к территориальному разделу мира, спекулируя на памяти о своем революционном прошлом, проявили особенно большой размах и искусство в «разоблачении» тех самых чужих грехов, в которых они, чем дальше, тем все больше, становились повинны сами. Лозунг «антиколониализма» явился одним из главных орудий борьбы господствующих кругов США за передел мира в свою пользу, средством маскировки собственных огромных территориальных приобретений. С его помощью также создавались военные, финансовые и прочие протектораты, обширные

сферы влияния и господства, которые составили в целом весьма солидную американскую «невидимую» империю.

Одним из главных объектов экспансии США в XIX веке стали американские, а затем и тихоокеанские владения испанской империи, уже давно вступившей в стадию заката и являвшейся одной из слабейших европейских держав. Внимательно наблюдая за обстановкой в Европе, представители американских буржуазно-рабовладельческих кругов были далеки от выводов о необходимости полного освобождения испанских колоний и их становления в качестве самостоятельных государств. Напротив, они ставили цель предотвратить такого рода изменения или переход этих стран под господство какой-либо другой более сильной европейской державы. И то и другое помешало бы захвату бывших испанских владений самими США.

Еще будучи послом во Франции, Т. Джефферсон писал одному из своих друзей в 1786 году: «Нашу конфедерацию следует рассматривать как гнездо, из которого вся Америка, Северная и Южная, должна быть заселена. Мы обязаны, в интересах всего великого континента, держать его в своих руках, вырвав у испанцев. Эти страны (т. е. другие американские. — Ю. М.) не могут находиться в лучших руках, чем наши. Я боюсь, что испанцы слишком слабы, чтобы удержать их до тех пор, пока подоспеет время нашего заселения, когда мы проглотим их одну за другой»⁹.

Испанская империя была, таким образом, избрана первым «умирающим», наследником которого объявлял себя Вашингтон. Вмешавшись в сделку Испании с Францией о продаже последней Луизианы в 1803 году, США, используя глубокую вовлеченность Наполеона в европейские войны и угрожая присоединиться к его врагам, сумели добиться от Франции «переуступки» им этой территории, размеры которой составляли почти половину всей тогдашней площади Соединенных Штатов.

Огромное «стимулирующее» воздействие приобретения Луизианы на всю последующую историю страны, на внешнюю политику, идеологию и мышление господствующих классов США бесспорно. Как писал американский историк Дж. Фостер, присоединение Луизианы «сделало приобретение Флориды *необходимостью* (курсив мой. — Ю. М.). Оно привело к аннексии Техаса, к мексиканской войне, к погоне за новыми рабовладельческими территориями... к нашим тихоокеанским приобретениям, к строительству трансконтинентальных железных дорог, к требованию иметь канал через перешеек, к покупке Аляски, к аннек-

сии Гавайских островов. Оно открыло нам великие торговые возможности за пределами Тихого океана в Японии, Китае и на островах. Оно утвердило нашу судьбу в качестве великой мировой державы...»¹⁰. Данное «обоснование» необходимости дальнейшей экспансии США характерно для имперского мышления правящих кругов Соединенных Штатов.

Как быстро и полно трансформировались революционно-демократические лозунги войны за независимость в имперские по своему существу притязания этих кругов, можно видеть на примере выступлений председателя палаты представителей и яркого проповедника экспансионизма Г. Клея. Выступая в конгрессе в конце марта 1818 года, он уверял своих слушателей в том, что «после того, как Испанская Америка станет раз и навсегда независимой, какие бы формы правления ни были созданы в различных ее частях, все они будут вдохновляться американскими чувствами и американской политикой... Мы (т. е. США.— Ю. М.) являемся для них великим примером... Они воспринимают наши принципы, копируют наши институты и во многих случаях используют язык и чувства наших революционных деклараций»¹¹.

Наряду с лозунгом «America First» большую роль в формировании имперской идеологии и политики США сыграл специфический культ авантюризма и насилия, развившийся с ранних пор среди многих американцев, занимавшихся морским промыслом, скваттерством и охотой, сталкивавшихся в ходе своих флибустьерских экспедиций с англичанами и голландцами, с индейцами и мексиканцами и др.

Параллельно с формированием американского культа и политики силы как необходимых орудий для достижения имперских целей вырабатывалось все более пренебрежительное отношение к «слабым» странам и народам, которые рассматривались в качестве объектов американского патернализма и «защиты». Не случайно теории «баланса сил», политики силы в самых различных вариантах стали оказывать уже с конца XVIII века быстро увеличивавшееся воздействие на все внешнеполитическое мировоззрение и практику США, отражая имперские, агрессивные устремления их господствующей элиты, подчас намного опережая рост реальных экономических, дипломатических и военных возможностей страны. Особенно активно США пытались заполнять «вакуумы силы и власти», возникавшие, по мнению Вашингтона, там, где ослабевало чье-либо

иностранные влияние или «авторитет» местных властей и где существовали разнообразные «американские интересы».

Развернув систематическое наступление на индейские племена, которые большей частью или истреблялись, или оттеснялись все дальше на Юг и Запад, Вашингтон объяснял каждый жестокий поход против аборигенов прежде всего необходимостью обеспечения... «спокойствия» на уже захваченных и принадлежавших США землях. Ссылки на потребности безопасности и обороны с давних пор служат экспансионистам в качестве одного из излюбленных аргументов в пользу широких карательных экспедиций, «превентивных» военных действий против их соседей, даже самых мирных, а главное — достаточно слабых, для того чтобы агрессор мог быть уверенным в безнаказанности.

Расистские имперские амбиции с самого начала также не были чужды господствовавшему в стране плантаторам, категорически отказавшимся еще в ходе войны за независимость от освобождения рабов-негров. Как полагал один из их представителей сенатор Бентон, захват земли у индейцев, да и у других народов находился в полном соответствии с «намерениями создателя», так как они якобы являлись «низшей расой»¹².

Своего рода синтезом идей национальной «исключительности» и правомерности неограниченного экспансионизма США стала доктрина «национального интереса» как главного руководящего принципа американской политики. Выдвинутая «отцами-основателями» еще в конце XVIII века, эта доктрина и поныне остается одним из главных идеологических обоснований имперских притязаний США на вмешательство в дела других стран и народов, на установление своего господства над ними.

Выдвижение «общенационального интереса» в качестве руководящего принципа внешнеполитической активности служит господствующим классам США также для укрепления их внутреннего «тыла», для ослепления пролетариата и других угнетенных тружеников «патриотическими иллюзиями»¹³. Насаждение национализма, сочетающего лжепатриотизм с пренебрежением к другим народам, во многих случаях используется господствующей элитой для того, чтобы представлять свою узкокорыстную политику как якобы отражающую «народную волю» и мобилизовать общественное мнение на поддержку реакционного внешнеполитического курса, заглушать и подавлять внутреннюю оппозицию ему.

Опираясь на доктрину «национального интереса», еще «отцы-основатели» США замыслили грандиозные планы раздела мира на две части — американскую и европейскую и превращения первой из них, по существу, в сферу монопольного господства североамериканцев. Так, министр финансов первого правительства США А. Гамильтон довольно отчетливо сформулировал эти планы, рассуждая о «великой американской системе, недоступной для чьего бы то ни было влияния с другого берега Атлантического океана и способной диктовать условия отношений Старого и Нового Света»¹⁴.

Свое наиболее полное выражение замысел о разделе мира на американскую и европейскую системы нашел в доктрине Монро — одной из основополагающих для внешней политики США с 20-х годов XIX в. и до наших дней*. Провозглашенная в послании президента Монро конгрессу 2 декабря 1823 г., эта доктрина по своему содержанию и форме представляла весьма сложный синтез, с одной стороны, идей и лозунгов республиканизма, антиколониализма, невмешательства, оборончества и солидарности, а с другой — панамериканизма, великодержавного шовинизма и экспансионизма. При этом отдельные прогрессивные элементы доктрины Монро со временем все больше затухали и все более очевидной становилась ее основная цель — превращение Северной и Южной Америки в империю янки. «Удачно сформулированная, появившаяся в благоприятный момент... — писали известные американские историки супруги Бэрд, — доктрина Монро сразу приобрела мощное воздействие на мировую политику, значительно превосходившее военную силу... американской республики... Эта доктрина удовлетворяла все фракции в Соединенных Штатах. Демократы видели в ней защиту революционных принципов в духе Томаса Джефферсона, а аграрные империалисты читали между ее строк обещание свободы рук на Юго-Западе. Федералисты, отыскивая в доктрине гарантии того, что латиноамериканские порты будут открыты для их предпринимательской деятельности, добавляли свою долю радостной похвалы ко всеобщему одобрению»¹⁵.

Провозглашая доктрину Монро, США официально и

* Министр обороны К. Уайнбергер ссылаясь, в частности, на эту доктрину для оправдания агрессивных планов и действий США против Сальвадора, Никарагуа, Кубы, Гренады и других латиноамериканских стран.

единолично взяли на себя миссию обособления Западного полушария от остального мира, «защиты» его от возможных попыток европейских держав захватить новые или реставрировать утраченные здесь колониальные владения, создания под своей эгидой так называемой американской системы государств. Сама форма доктрины, т. е. односторонней декларации, изложенной в данном случае в послании президента США американскому конгрессу, как бы предоставляла Вашингтону полную свободу действий, не связывая его с другими странами никакими международными соглашениями и нормами. Эта форма, нашедшая широкое применение в процессе формирования внешней политики США, давала возможность американскому правительству в каждом отдельном случае применять или не применять ту или иную доктрину в зависимости от текущей ситуации, его интересов и соотношения сил, приспособлять ее к потребностям правящих кругов США, заново толковать, дополнять, расширять и т. п. Односторонние доктрины, являясь одним из самых наглядных проявлений великодержавного, имперского мышления этих кругов, используются ими для достижения своих экспансионистских целей. «Первостепенной целью доктрины Монро, — писал один из специалистов по латиноамериканской политике США Ч. Уэртенбейкер, — была не оборона Латинской Америки, а защита интересов самих Соединенных Штатов, и все последующие интерпретации придавали ей любое значение, какое только мы выбирали... Во имя Manifest Destiny (идея особой, избранной роли Америки. — Ю.М.) доктрина Монро была превращена в доктрину экспансии»¹⁶.

Фактически США самовольно брали на себя «обязанности» представителя и покровителя других стран и народов, говорили на весь мир от их имени, даже не справившись предварительно об их согласии и мнении на этот счет. Присвоив право выступать от имени обеих Америк и диктовать правила поведения Европе, Вашингтон, по существу, открывал себе путь к установлению контроля над связями между Новым и Старым Светом, к постепенному вытеснению из Западного полушария европейских держав-соперников, к распространению здесь своего влияния и господства — политического, экономического, культурного и военного, к созданию собственной колониальной империи под вывеской «американской системы».

«Мировая история не сможет представить примера, — утверждал в заключение своего послания конгрессу прези-

дент Монро, — который имел бы какое-либо сходство с прогрессом, достигнутым нами во всех важных областях, образующих счастье нации... В первое время половина территории в пределах наших признанных границ была необитаемой и дикой. С тех пор была присоединена новая территория огромных размеров... По всей этой территории наше население распространялось по всем направлениям, и образовывались новые штаты, число которых почти равно числу тех, которые составляли первый костяк нашего союза. Эта экспансия нашего населения и присоединение новых штатов оказали счастливейшее влияние на высшие интересы союза. Это в огромной мере увеличило наши ресурсы и прибавило нам силу и достоинство державы, признанной всеми»¹⁷.

Столь откровенная проповедь «исключительности» североамериканской плантаторско-рабовладельческой буржуазной республики, ее строя и политики, изображение территориальной экспансии как фактора, оказывающего благодетельное влияние на мощь и процветание США, столь неприкрытое отождествление интересов нации с захватом новых земель и богатств, несомненно, были призваны обосновать имперские притязания Вашингтона, способствовать дальнейшему росту великодержавных, шовинистических настроений в стране. Во многом доктрина Монро выполнила свое предназначение.

Плантаторы-рабовладельцы и растущая буржуазия Соединенных Штатов были фактически едины в стремлении к безграничной территориальной экспансии. Противоречия между ними возникали преимущественно по вопросам устройства и развития захваченных территорий, направления дальнейшей колонизации, раздела богатства и власти в создаваемой ими совместно американской империи. Южане выступали в первую очередь за агрессию, направленную против Мексики, Кубы, стран Карибского бассейна и других государств Латинской Америки, за использование захваченных земель для выращивания хлопка и других плантационных культур, за применение рабского труда, против «свободы и демократии» капиталистической системы. Северяне же в основном предпочитали распространение господства США в западном и северном направлениях, выступали против превращения приобретаемых территорий в рабовладельческие штаты, за свободное предпринимательство, фермерство и наемный труд как наилучший, с их точки зрения, способ вовлечения земли и капитала в высокоприбыльный оборот.

Притязания североамериканцев на захват и освоение сначала Северной, а затем и Южной Америки содействовали разработке и выдвигению доктрины «естественных границ». Вместе с ее дальнейшим развитием — концепцией «подвижной границы» эта доктрина стала одним из главных идейных «обоснований» территориальной экспансии США в XIX веке, когда они колонизовали огромные пространства североамериканского континента путем освоения не столько диких, незаселенных земель, сколько принадлежавших индейцам, мексиканцам, а также ранее колонизованных некоторыми европейскими государствами земель.

Доктрина «естественных границ» включала в обобщенном виде и «оборонительные», и экономические, и политические, и религиозные, и прочие доводы в пользу произвольного установления границ Соединенных Штатов и их передвижения в зависимости от развития страны, общего положения в Северной Америке, событий в Европе и т. д. Первоначально, например, в качестве «естественной границы» США назывались Аллегань, затем она «по воле providения» была расширена до реки Миссисипи и Мексиканского залива, после чего, руководствуясь «цивилизаторскими» соображениями, ее передвинули к Скалистым горам. Однако, как «пророчески» указал в своем выступлении в конгрессе 24 января 1823 г. Бейлиз, один из проповедников доктрины «естественных границ», и эта линия является далеко не окончательной: «Если мы достигли Скалистых гор, то для нас было бы неразумно (!) не перейти через узкое пространство, которое отделяет эти горы от океана, чтобы обеспечить преимущества значительно большие, чем те, которые дает вся территория между Миссисипи и этими горами. Наша естественная граница — это Тихий океан. Растущая волна нашего населения должна и будет катиться до тех пор, пока воды этого великого океана не ограничат нашу территориальную империю. Тогда два океана будут омывать наши берега, торговое благосостояние мира будет наше, и воображение с трудом сможет оценить силу, величие и власть, которые ожидают нас»¹⁸.

В рассуждениях Бейлиза и ему подобных следует отметить ряд моментов. Прежде всего это крайне расширительная трактовка «естественных границ» США, передвижаемых по континенту вместе с волной их переселенцев и солдат. Примечательно, что при этом более ранние «оборонительные» мотивы все чаще сменялись откровенно

агрессивными, великодержавными, имперскими притязаниями на «силу, величие и власть» в масштабах уже не только Западного полушария, но и всего мира. Предвосхищая в какой-то мере будущие буржуазные апологетические теории о роли «подвижной границы» в становлении и «расцвете великой американской демократии», Бейлиз прямо связывает «процветание» Америки с ее непрерывным территориальным расширением. Но при этом, в отличие от приверженцев мифов об «особом», «свободном» развитии сперва плантаторско-буржуазной, а затем капиталистической заокеанской республики, он откровенно заявляет о формировании территориальной империи и выражает надежды на создание в дальнейшем торговой, т. е. экономической американской империи. «Естественная граница» США должна была устанавливаться там, где их территориальная экспансия наталкивалась на твердое сопротивление других государств и народов, и продолжать протискиваться в тех направлениях, на которых это сопротивление было недостаточно сильным и решительным.

Вслед за захватом ряда испанских владений и индейских земель в восточной части североамериканского континента в первые десятилетия XIX века США развязали одну из наиболее несправедливых и захватнических войн в истории — против Мексики из-за Техаса и других богатейших и обширнейших районов — Аризоны, Юты, Калифорнии и др.

В ход снова была пущена одна из классических систем расширения американской территориальной империи: заселение де-факто чужих земель выходцами из США — обоснование их «прав на самостоятельное существование» — «добровольное» присоединение новых территорий к метрополии. В 1835 году американские колонисты в Мексике подняли открытый мятеж и при полной поддержке США провозгласили в 1836 году образование рабовладельческой республики Техас.

Именно в это время в США был сформулирован и произнесен знаменитый лозунг о «предопределении (манифесте) судьбы» («Manifest Destiny»). Хотя философия «предопределения» складывалась постепенно на всем протяжении первой половины XIX века, этот лозунг был впервые употреблен летом 1845 года редактором «Демократического обозрения» Дж. Салливаном в связи с требованием аннексии Техаса. Согласно приверженцам теории «предопределения судьбы», возмужалый американский народ обратил свое лицо «в сторону взошедшего солнца.

Часть американцев приобрела с помощью справедливых переговоров законные владения в Техасе; другие прошли пустыни и пересекли горы, чтобы добывать пушнину и заниматься честной торговлей. Но их права были высмеяны и флаг оскорблен некомпетентными и бесчестными мексиканскими властями... В таких обстоятельствах молчание было позором, мир — глупостью, аннексия — добродетелью»¹⁹.

Идеология «предначертания» оказала влияние на мировоззрение довольно широких слоев населения страны. «К 1850-м годам, — признает известный историк М. Курти, — «предопределение судьбы» стало частью американского патриотизма, литературы и фольклора, политической философии и идеалов»²⁰.

С захватом и освоением Калифорнии, Орегона и других западных штатов, по мере дальнейшего расцвета философии «предопределения» Тихий океан, который совсем недавно еще рассматривался как «естественная граница» США, начинал все чаще характеризоваться как безграничная сфера интересов американского мореплавания, торговли, рыболовства, китобойного и пушного промысла, сверхприбыльной контрабанды, в том числе опиумной, и миссионерства, а главное — как прямой открытый путь в Азию, как, наконец, где-то в будущем великое «американское озеро».

Правда «теоретические» притязания влиятельных группировок в США на господство над Тихим океаном еще больше, чем в Западном полушарии, опережали их практические возможности в этом направлении. Это, однако, мало смущало даже официальные круги страны, которые заранее стремились зарезервировать как можно больше «прав» и «интересов» для США в тихоокеанском регионе, подготовить и здесь почву для последующей экспансии и захватов, не отстать от европейских держав в грабеже и эксплуатации народов Азии.

Еще в 1842 году, распространяя фактически действие доктрины Монро далеко за пределы Западного полушария, президент Тайлер заявил о «преимущественной заинтересованности» США по сравнению со всеми другими державами в Гавайских островах ввиду их «гораздо большей близости к американскому, чем к какому-либо иному, континенту», а также вследствие того, что из всех кораблей, заходящих в гавайские порты, $\frac{5}{6}$ составляют торговые и китобойные суда, осененные звездно-полосатым флагом. Подчеркивая успешный прогресс коренных жителей остро-

вов в направлении «цивилизации» и упрочения их внутреннего порядка, Тайлер объявил о решимости США выступить против любой «попытки других держав... захватить острова в свое владение, колонизировать их и подорвать местное правительство»²¹.

Выступление США против колониальных притязаний других держав на Гавайи было нужно им, разумеется, отнюдь не ради сохранения их независимости, а для утверждения собственных экспансионистских «прав и интересов». «Гавайские острова окажутся наиболее важным приобретением, которое мы можем сделать на всем Тихом океане, — доносил начальству в 1851 году адмирал Дюпон, — приобретением, тесно связанным с установлением нашего торгового и морского верховенства на его просторах»²².

«Защитив» Гавайские острова от притязаний своих соперников, Вашингтон тут же принялся подрывать то самое местное правительство, которое он взялся «охранять от иностранной угрозы», и делал это с таким успехом, что уже в 1893 году американские поселенцы на Гавайях свергли это правительство, создали «независимую республику» и обратились с просьбой принять ее в состав США.

Настаивая на необходимости всемерного развертывания торгово-финансовой экспансии в тихоокеанско-азиатском направлении, ее апологеты усиленно призывали в то же время правительство США к оказанию необходимой военно-стратегической поддержки для осуществления этой экспансии. Они требовали принудить азиатские народы к заключению неравноправных договоров, которые обязывали бы их уважать американский флаг, открыть свои порты и земли для иностранной торговли, капитала, миссионерства, не посягать на жизнь и имущество американцев, устанавливать для них режим экстерриториальности. Более того, создание американских опорных пунктов и баз на Тихом океане и побережье Азии объявлялось важнейшим условием «обеспечения безопасности» мореплавания, снабжения флота, оказания помощи потерпевшим кораблекрушение, «цивилизованного обращения» азиатов с иностранцами и т. д.

Одним из наиболее колоритных американских «первооткрывателей» Дальнего Востока, ярым проповедником и одновременно проводником экспансии США на Тихом океане с помощью силы был известный коммодор военно-морского флота Мэтью Перри. Именно он советовал, например, американскому правительству поспешить с захватом островов Рюкю и Тайвань, используя которые «можно бу-

дет наладить американскую торговлю с Китаем, Японией, Кохинхиной (Вьетнамом. — Ю. М.)... Камбоджей, Сиамом (Таиландом. — Ю. М.), Филиппинами и островами, находящимися в соседних морях», а при наличии достаточного количества военных кораблей — и «командовать портами Китая», «установить свое господство над северо-восточным входом в китайские воды»²³.

Господствующие круги США строили все новые и все более грандиозные планы создания огромной американской империи, охватывающей все Западное и даже часть Восточного полушария. Манифест судьбы стал, например, во время избирательной кампании 1860 года излюбленной темой выступлений видного республиканца, будущего государственного секретаря в правительстве Линкольна — У. Сьюарда. «Судьба призвала американский народ, — утверждал он в одной из своих речей, — катить непреодолимые волны своей экспансии к ледяным границам Севера и встретиться с восточной цивилизацией на берегах Тихого океана». Торговая и мореходная активность США в тихоокеанском бассейне уже «создала необходимость приобретения новых позиций — быть может, зависимых территорий или колоний (!) в этом районе»²⁴. В должное время, уверял Сьюард слушателей другого своего выступления, латиноамериканские республики и Канада будут вовлечены в «величественный» американский союз, центром которого станет древняя столица ацтеков — город Мехико.²⁵

Однако период территориальной экспансии, создания континентальной империи США подходил к концу, отмеченному приобретением Аляски. Внутренний конфликт и его последствия — гражданская война 1861 — 1865 годов, Реконструкция Юга, освоение Запада, развитие вширь и вглубь американского и мирового капитализма и вступление в стадию империализма — все это во многом изменило движущие силы, характер, формы и направления экспансионистской активности США. Но от прошлого оставались широко распространенные и глубоко укоренившиеся лозунги «исключительности» Америки, ее «превосходства» над остальными странами и народами, нашедшие свое выражение в доктрине Монро и идее «господства над Тихим океаном» и т. д.

2. Вступление американского империализма в борьбу за мировое господство

Быстрое развитие американского капитализма и переход его в стадию империализма, превращение США к концу XIX века в экономически самую крупную, передовую и мощную державу привели к дальнейшему усилению имперской направленности американской идеологии и политики, придали имперским притязаниям Соединенных Штатов еще более воинствующий характер и подлинно всемирные масштабы, одной из их важнейших целей стало завоевание экономического господства.

Один из поклонников социального дарвинизма, англосаксонского расизма, американской «демократии» и бизнеса Дж. Фиске выступил, например, с утверждениями, что «Соединенные Штаты путем естественного отбора стали высшей нацией» и «американцы, показав себя наиболее приспособленными, естественно и логически станут править более слабыми и менее приспособленными народами». Превознося американцев как «высшую расу» и их конституционные учреждения, он предрекал, что американская федеральная и «свободнопредпринимательская» система послужит в будущем образцом организации всего человечества и что «на обоих полушариях земли будут господствовать охотники за долларами»²⁶.

Как бы обобщая аргументацию различных апологетов мирового господства США — от лжедемократов и лжеученых до откровенных расистов и империалистов, проповедник Дж. Стронг заявил, что «американская раса, обладающая непревзойденной энергией, имеющая за собой всю силу и величие несметных богатств, представляющая... величайшую свободу, чистейшее христианство и высочайшую цивилизацию (такие же выражения используют, кстати, и нынешние претенденты на имперскую гегемонию Америки. — Ю.М.)..., двинется на Мексику, на Центральную и Южную Америку и дальше на острова океана»²⁷. В конечном же счете этот верный слугитель бога и доллара молился о том, чтобы в ходе осуществления своего «предначертания» американцы развили в себе «особые агрессивные черты», которые позволили бы им привить свои учреждения всему человечеству и распространить свое господство на весь земной шар.

Завидуя всем существовавшим и существующим империям, от Римской до Британской, и стремясь разработать наиболее отвечающую положению и возможностям Аме-

рики стратегию борьбы за мировое господство, большинство военных теоретиков США конца XIX века придерживались мнения о необходимости сделать главную ставку в этой борьбе на военно-морской флот.

Наиболее известным апологетом использования морской силы в качестве важнейшего орудия американской экспансии стал адмирал Мэхэн, в значительной мере обобщивший в своих работах мечты и планы многочисленных сторонников имперского милитаризма США. «В нашем детстве мы граничили только с Атлантикой, — писал он в конце XIX века, — в годы юности мы передвинули нашу границу к Мексиканскому заливу; сегодня зрелость заставит нас на берегах Тихого океана. Неужели мы не имеем права или не слышим призыва к продвижению дальше — в любом направлении?»²⁸

Ссылаясь на пример Великобритании, Мэхэн утверждал, что только тот, «кто владеет морем, владеет и всем миром», что без могущественного флота ни одна страна не может называться великой державой и оказывать должное влияние на мировую политику. «Флот, чьей важнейшей сферой действия является война... — это политический фактор наивысшего значения», — утверждал он и настаивал, чтобы США немедленно занялись созданием сильнейшего в мире военно-морского флота. Мэхэн подчеркивал также «необходимость» обеспечения за Америкой господствующих стратегических позиций на морях, и в первую очередь строительства под их единоличным контролем канала между Тихим и Атлантическим океанами. Если превращение Карибского бассейна во «внутреннее море» США наряду с захватом Вест-Индии и Гавайев должно было предшествовать развертыванию ими борьбы за господство над Тихим океаном, то завоевание последнего, по мнению адмирала, явилось бы решающим шагом к установлению мировой гегемонии Америки.

Милитаристские и джингоистские призывы Мэхэна и других апологетов имперской силовой стратегии не оставались безответными. При президентах Ч. Артуре, Г. Кливленде и Б. Гаррисоне США по величине и мощи своего военно-морского флота передвинулись с 12 на 3 место в мире. В этот же период они «незаметно» установили свою юрисдикцию более чем над 50 небольшими островами, разбросанными по просторам Тихого океана (Уэйк, Эндербери, Галледо, Пальмира, Хаулэнд, Гарднер, Морел и др.). Эти новые захваченные территории должны были служить США опорными пунктами и базами для их боевых и тор-

говых кораблей, для дальнейшего расширения сферы их «прав и интересов», экономической и военно-политической экспансии. Как заявил министр флота Б. Трэси в интервью нью-йоркской газете «Уорлд» 26 ноября 1891 г., океан станет будущим плацдармом американской империи и США будут править им, а для занятия господствующего положения среди остальных держав «колонии представляют величайшую важность».

Стремясь к установлению монопольного господства США над Новым Светом, к созданию здесь собственной империи и вытеснению отсюда европейских держав, правящие круги США в 1895 году вмешались в венесуэло-английский конфликт, а в апреле 1898 года развязали войну с Испанией, первую в истории империалистическую войну за передел колоний, сфер влияния и мира.

Молодой американский империализм бросил вызов сначала одной, а затем другой старой колониальной державе, открыто предъявив свои имперские «права» на Западное полушарие. В ноте государственного секретаря Р. Олни, направленной Великобритании и требующей от нее согласия на арбитраж Вашингтона в связи с ее конфликтом с Венесуэлой из-за определения границ Британской Гвианы, говорилось: «В настоящее время США фактически являются хозяином нашего материка, и их законы обязательны для подданных, которые находятся под их покровительством. Почему? Не только потому, что они (США. — Ю.М.) проявляют бескорыстную дружбу или добрую волю по отношению к ним. И не просто по причине своей высокой репутации как цивилизованного государства, не потому, что мудрость и справедливость являются неизменными характеристиками всех поступков Соединенных Штатов. А потому, что в дополнение ко всем остальным причинам неограниченные ресурсы США наряду с изолированным положением делают их хозяином ситуации и фактически неуязвимыми перед лицом любого из государств и всех их вместе взятых»²⁹. Столь ханжеская и вместе с тем воинствующая декларация, составленная целиком в имперском стиле и вошедшая в историю под названием доктрины Олни, представляла собой, по существу, очередное новое толкование и дальнейшее развитие доктрины Монро, соответствующее росту силы и притязаний господствующих кругов США.

Государственный секретарь США давал понять участникам происходившей в конце XIX века схватки за окончательный раздел и передел мира между крупнейшими коло-

ниальными державами, что американский империализм считает Новый Свет сферой своего монопольного хозяйничанья, что борьба, происходящая «за приобретение Африки», не может быть перенесена в Южную Америку: «Единственные наши нынешние соперники в мирное время так же, как и враги в войне, оказались бы в этом случае расположенными у самых наших (т. е. американских. — Ю. М.) дверей»³⁰.

Таким образом, все активнее вовлекаясь в борьбу за передел мира и мировое экономическое господство с другими империалистическими державами, США прежде всего пытались вытеснить их из Западного полушария, создать здесь прообраз своей будущей всемирной империи.

Ободренные успехом доктрины Олни (Великобритания предпочла под угрозой войны с США согласиться на их арбитраж) и воспользовавшись новым подъемом освободительной войны кубинского народа против испанских колонизаторов, господствующие круги США развязали в апреле 1898 года войну с Испанией. Разгромив одряхлевшую испанскую монархию, они постарались «освободить» и Филиппины. «Я не хотел Филиппин и не знал, что делать с ними, когда они свалились нам в качестве дара божьего... — уверял президент Маккинли. — Я ходил по ночам по комнатам Белого дома... падал на колени и просил всемогущего бога ниспослать мне просветление и руководство. И вот однажды ночью оно снизошло на меня... мне стало ясно, что, во-первых, мы не можем вернуть их Испании — это было бы трусливо и нечестно; во-вторых, мы не можем отдать их Франции или Германии, нашим торговым соперникам на Востоке, — это было бы плохим бизнесом; в-третьих, мы не можем предоставить их самим себе — они не готовы для самоуправления и там установится анархия и плохой строй, значительно худший, чем при испанцах; в-четвертых, нам не остается ничего другого, как только взять острова целиком и воспитать филиппинцев, цивилизовать и обратить их в христиан...»³¹

В то время как один из создателей американской империи ханжески «обосновывал» захватническую политику США божественными предначертаниями, оборонными и прочими «высокими» мотивами, другие ее апологеты более откровенно провозглашали подлинные и далеко идущие цели американского империализма. «Филиппины наши на веки вечные, — восклицал, например, сенатор Беверидж. — А сразу же за Филиппинами расположен необъятный китайский рынок. Мы никогда не отступимся ни от того, ни от

другого... И мы не отречемся от своего участия в миссии нашей расы по цивилизации мира, доверенной нам богом... как избранному им народу, призванному вести остальных к обновлению мира... Тихий океан — наш океан... И Тихий океан — это океан торговли будущего. Большинство следующих войн будут битвами за торговлю. Держава, господствующая на Тихом океане, следовательно, будет господствовать над миром. А с приобретением Филиппин этой державой станет — и навеки — американская республика». Полемизируя с последними могиканами буржуазной демократии и пацифизма, считавшими, что территориальные захваты противоречат либеральным и изоляционистским заветам «отцов-основателей» республики, Беверидж утверждал далее: «Основатели нашей нации не были провинциалами. Их география распространялась на весь мир.., и они знали, что, куда пойдут наши корабли, туда же может последовать и наш флаг.., что республика, которую они создают, должна, подчиняясь законам нашей распространяющейся расы, по необходимости развиваться в еще большую республику... И таким образом наши отцы вписали в конституцию эти слова о... создании империи, если хотите, не ограниченной географией или климатом или чем-либо другим, кроме как жизненной силой и возможностями американского народа»³².

Вслед за Филиппинами США окончательно аннексировали Гавайи, Самоа и ряд других тихоокеанских островов. Стремление к новым земельным захватам и расширению своей «видимой» империи оставалось присущим американскому империализму, влиятельным кругам господствующей элиты США. Но в силу вполне весомых причин идеология, политика и стратегия открытой территориальной экспансии стали на рубеже XIX — XX веков отступать на задний план в борьбе правящих кругов Америки за установление ее мирового господства. Все большее значение и масштабы принимали планы и акции по созданию «невидимой» американской империи путем распространения экономического, политического или военного влияния, господства, «протекции» США над другими странами и народами. При этом апологеты молодого американского империализма, в отличие от первоначальных проповедников прямых территориальных захватов, сразу же выступили с притязаниями на создание не континентальной или охватывающей обе Америки (Северную и Южную) империи, а на установление «Рах Америгана», т. е. мирового господства США.

Видный американский политолог Дж. Чейз писал в свя-

зи с 200-летием США, что Америка, будучи нацией, рожденной «в ответ на притеснения и коррупцию старой Европы», все более становилась страной, приверженной тому экспансионизму, который «сделал ее мировой державой»³³.

Убежденность в «избранности» США, в «исключительности» их географического положения и исторического развития, в их «предназначении», в превосходстве американского образа жизни, «демократии» и т. п. с новой силой распространялась в стране, особенно по мере бурного роста ее технико-экономического и торгово-финансового потенциала, формирования крупнейших монополий. Лозунг «Америка для американцев» сменяется требованиями «всего мира для американцев», выхода США на мировую арену, открытия всех других стран для свободной деятельности американского капитала, использования силы для поддержки американских претензий на те или иные владения, сферы влияния, «опорные пункты», рынки сбыта, источники сырья и т. д.

Ярким примером планов создания «долларовой империи» США может служить книга одного из первых стальных магнатов США Э. Карнеги «Торжествующая демократия». «65 миллионов американцев, существующих ныне, — писал этот магнат со свойственным ему и другим представителям господствующей элиты США имперским замком, — могли бы скупить 140 миллионов русских, австрийцев и испанцев или, купив богатую Францию, сохранили бы еще карманные деньги для приобретения Дании, Норвегии, Швейцарии и Греции». В будущем же, пророчествовал он далее, настанет день, когда «500 миллионов, все как один американцы, имеющие одно общее гражданство, станут господствовать над всем миром ради его же собственного блага»³⁴.

Мистер Карнеги, очевидно, считал себя большим мастером не только в области производства стали, но и в деле предопределения судеб Америки и всего человечества. Но даже рабочие его собственных предприятий, зачисленные им в 65 миллионов «торжествующих демократов», не оценили должным образом широкомасштабных планов своего хозяина, ибо у них не хватало долларов на то, чтобы свести концы с концами, не говоря уже о «покупке» других стран. Это они организовали знаменитую стачку в Гомстедде, вылившуюся в длительную, тяжелую и подчас вооруженную борьбу против нанятых мультимиллионером Карнеги штрейкбрехеров, сыщиков, полиции и национальной гвардии. Она как раз совпала по времени (вторая по-

ловина 1892 — начало 1893 г.) с подготовкой и выходом в свет книги Карнеги.

Стремление к экономической экспансии и господству становится важнейшей движущей силой внешней политики Вашингтона по мере относительного «переполнения» страны товарами и капиталом, которые начали интенсивно переливаться через национальные границы в поисках наиболее прибыльных сфер приложения на мировом капиталистическом рынке. В конце концов весь мир рано или поздно должен был стать, по расчетам американских монополий, неограниченным полем их свободной деятельности, «невидимой» империей. «Мы должны, — говорил, например, сенатор Беверидж, — основать по всему миру торговые посты как пункты для распространения американских товаров. Мы должны покрыть океаны нашими торговыми судами. Мы должны выстроить флот, соответствующий нашему величию. Большие самоуправляющиеся колонии, несущие наш флаг и торгующие с нами, вырастут возле наших торговых постов... И американское право, американский порядок, американская цивилизация и американский флаг укрепятся на доселе мрачных, залитых кровью берегах»³⁵.

Завоевание мирового экономического господства, создание американизированной экономической империи выдвигалось как главная задача США не только в силу приобщения их к общемировой межимпериалистической борьбе за такое господство, но и по ряду других специфических причин. Ликвидация рабовладельческого сектора в экономике страны и окончательный переход всей власти в руки финансово-промышленных кругов предопределили некоторые изменения направлений, форм, задач и методов внешней экспансии США. В то время как плантационно-рабовладельческое хозяйство не могло существовать без постоянного территориального расширения, для капиталистической экономики важнее было приобретение новых рынков и источников сырья, сфер приложения капитала. Резкое увеличение масштабов экономической экспансии США не было, однако, связано с необходимостью формальной аннексии территорий стран, ставших объектами такой экспансии. Ведь правительства этих стран не закрывали американским капиталистам доступа к своим рынкам, природным богатствам и трудовым ресурсам. И если при рабовладельческо-плантационной системе прямой территориальный захват предшествовал экономическому освоению новых земель, то при капитализме такой захват возможен, но не обязателен для установления экономического господства над этими

землями и их эксплуатации. В капиталистической системе экономическое завоевание подчас создает условия для последующего если не формального, то фактического господства одних государств над другими.

Другим обстоятельством, способствовавшим развертыванию в конце XIX века в первую очередь экономической экспансии США, являлось завершение территориального раздела мира между другими колониальными державами — Англией, Францией, Германией. Пока молодая американская буржуазия осваивала североамериканский континент, ее соперники занимались борьбой и разделом между собой обширных районов Африки и Азии.

В то время как США уже обгоняли эти державы по масштабам и темпам своего экономического роста и научно-технического развития, они сохраняли еще значительный перевес над Америкой в соотношении военных сил и пользовались более выгодным геостратегическим положением в борьбе за мировое господство конца XIX — начала XX века.

Правящие круги США вынуждены были также считаться с внутренней и внешней оппозицией дальнейшим территориальным захватам со стороны пацифистских демократических сил собственной страны и поднимающихся революционного, национально-освободительного, антивоенного и антиимпериалистического движений в различных районах и странах мира. Более «незаметная» — экономическая экспансия встречала гораздо меньшее сопротивление, и, как правило, для ее осуществления требовалось меньше людских и материальных жертв, чем для территориальных «приобретений», особенно вдали от метрополии. К тому же колониальные захваты за пределами Северной Америки и тем более Западного полушария разоблачали многие из уже утвердившихся стереотипов и мифов американской внешней политики об ее «изоляционизме», «антиколониализме», «альтруизме», «демократизме» и т. п.

Не случайно, доктрина «открытых дверей», провозглашенная государственным секретарем Д. Хэем 6 сентября 1899 г. применительно к Китаю, стала одним из важнейших орудий в проведении дальневосточной, а затем и мировой политики США. Она строилась на учете особенностей складывавшейся в Азии обстановки, а также быстро растущего экономического потенциала американских монополий. По существу, эта доктрина обуславливала требование «равных возможностей» для всех иностранцев в Китае. При этом ставилась цель подорвать позиции главных империалистических соперников США, открыть путь американскому

проникновению в их владения и сферы влияния сначала в Китае, а потом и в других странах.

В разгар борьбы за раздел Китая между Англией, Германией, царской Россией, Францией и Японией США выступили, по крайней мере на словах, за сохранение его территориальной целостности, против установления в Китае «закрытых» зон, изображая из себя «друга» китайского и других азиатских народов, «антиколониальную» силу и т. п. При этом тщательно маскировался тот факт, что наиболее сильный экономически американский капитал фактически стремился «мирно отвоевать» Китай у своих конкурентов, превратить его целиком в открытое поле своей деятельности, в формально независимое, а на деле включенное в «невидимую» империю США государство. Действительное отношение американского империализма к китайскому народу было наглядно продемонстрировано его участием в вооруженной иностранной интервенции в Китае в 1900 году.

Господствующие круги США, по существу, первыми пошли во все более широких масштабах на введение в практику новой разновидности колониализма — установление «невидимого» имперского владычества с помощью экономического засилья, финансовых и военных «протекторатов», насаждения послушных марионеточных режимов, обеспечения «права на вмешательство при чрезвычайных обстоятельствах» и т. д. «Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма,— писал В. И. Ленин,— необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»³⁶.

Перенесение внимания с открытой колонизации на «невидимые» завоевания отнюдь не ограничивало, а, наоборот, вело к расширению вмешательства США во внутренние дела других стран, использования силы для осуществления своих целей. Так, погоня за рынками, источниками сырья, поиски новых сфер приложения капитала, влияния и господства в Западном полушарии и азиатско-тихоокеанском регионе, выход Америки на мировую арену побудили Вашингтон форсировать решение уже давно поставленной

американскими экспансионистами задачи сооружения канала между Тихим и Атлантическим океанами, дающего большие экономические и стратегические преимущества США. При этом снова были пущены в ход подлинно имперские, интервенционистские, вероломные методы и средства. Вытеснение европейских держав из Центральной Америки, в данном случае Великобритании, запугивание и шантаж независимого латиноамериканского государства — Колумбии, инспирирование «панамской революции» в 1903 году и демонстрация силы — посылка военных кораблей в район событий, чтобы обеспечить себе условия для сооружения межокеанского канала и господства над ним, — все это факты, свидетельствующие о том, что Соединенные Штаты не брезгают никакими средствами для достижения своих имперских целей.

С наступлением XX века политика «большой дубинки», экспансии и интервенций стала обычной в отношении США к государствам Латинской Америки, особенно центральноамериканским. Более того, эта политика была соответствующим образом теоретически «обоснована» и возведена Т. Рузвельтом в ранг официального дополнения к доктрине Монро. Согласно этому дополнению, США выражали намерение стать своего рода арбитром в урегулировании различных конфликтов между европейскими и латиноамериканскими государствами из-за пограничных вопросов, выплаты долгов, получения концессий и т. д. Они брали на себя функции не только «защиты» территориальной неприкосновенности латиноамериканских государств, но и гаранта выполнения ими своих международных обязательств, поддержания их внутреннего порядка, опеки над их финансами, таможнями и т. д. Таким образом, Вашингтон выступал одновременно в роли попечителя, судьи и полицейского в отношении стран Западного полушария под предлогом, с одной стороны, предотвращения вмешательства в его дела европейских держав, а с другой — «незрелости», «нецивилизованности» латиноамериканских народов. «Хронический беспорядок или бессилие, в результате которых происходит общее ослабление уз, связывающих цивилизованное общество, — заявил Т. Рузвельт в своем обращении к конгрессу 6 декабря 1904 г., — могут в Америке (Северной, Центральной и Южной. — Ю. М.), как и повсюду, в конечном счете потребовать вмешательства какого-либо цивилизованного государства, и в Западном полушарии приверженность США доктрине Монро может вынудить их, помимо своего желания (!), в вопиющих слу-

чаях, вызванных такими беспорядками или бессилием, сыграть роль международной полицейской силы»³⁷.

Т. Рузвельт и стоявшие за ним господствующие круги США уже не вспоминали больше о солидарности с борьбой латиноамериканцев за независимость, об американском антиколониализме и демократизме. Они говорили и действовали в отношении большинства стран Западного полушария как наместники североамериканской империи, относились к ним как к завоеванным, покоренным «варварским» государствам, которых надо и опекать, и наказывать, одновременно нещадно эксплуатируя их человеческие и материальные ресурсы ради обогащения господствующей элиты метрополии.

Практические последствия дальнейшего развития доктрины Монро, принципов панамериканизма и патернализма правящими кругами США в конце XIX — начале XX века выразились, по признанию американского журналиста Ч. Уэртенбейкера, в том, что «страны Латинской Америки принуждались к избавлению от их задолженности Европе с помощью займов, полученных от банков США... Центральная Америка и Куба были аннексированы, если не физически, то в финансовом отношении. Чтобы защитить свои займы, долговые претензии или нефтяные интересы, мы (т. е. США. — Ю. М.) высаживали морскую пехоту и брали в свои руки управление таможнями на Гаити, в Санто-Доминго и Никарагуа; устраивали революцию в Гондурасе; вели войну с Мексикой; смотрели сквозь пальцы на флибустьерские экспедиции, организовывавшиеся ради выгоды финансовых кругов; признавали правительства, посаженные этими кругами; активно поддерживали режимы, которые мы признали. К 1924 году финансы почти половины латиноамериканских республик находились под большим или меньшим контролем США»³⁸.

Распространяя все дальше за пределы собственной территории свои интересы, господствующие круги США, однако, все больше сталкивались с растущим противодействием других великих держав, а главное — народов многих стран, не желавших мириться с господством «долларов и канонерок» и становиться подданными американской империи.

В кругах американской финансовой олигархии, промышленников, политиков, идеологов, дипломатов и военных издавна существовали и существуют два главных направления в области идейного обоснования и пропаганды имперского курса США. Оба они преследуют, по существу, одну главную стратегическую цель — создание всемирной амери-

канской империи, установление «Рах Americana» или «American Century», но более или менее расходятся в средствах, методах и формах ее достижения. Представители первого из этих направлений — «откровенные империалисты» — считают не только возможным, но и необходимым открыто провозглашать эту цель, говорить и вести себя в имперском стиле. Они полагают, что таким образом максимально используется мессианский идейно-психологический фактор, с одной стороны, для вовлечения в это «великое предприятие» всех «патриотически настроенных» американцев, а также союзников и сателлитов США, а с другой — для подавления воли к сопротивлению, устрашения противников американского империализма. Они верят в то, что открытая ставка на завоевание мирового господства способствует объединению усилий всего военно-политического аппарата США, максимальной мобилизации всех ресурсов страны для осуществления имперских планов.

Сторонники другого направления, напротив, опасаются, что открытое признание экспансионистских замыслов США, распространяющихся на весь мир, оттолкнет от Вашингтона многие страны, усилит их решимость к сопротивлению этим замыслам, а также породит широкую внутреннюю оппозицию со стороны еще верящих в американскую «демократию» граждан. Поэтому представители этого направления — «идеалисты», или «моралисты», предпочитают облачать подобные замыслы в различного рода «международные проекты», изображать США самой великодушной державой, заботящейся о мире и процветании всего человечества. Наиболее агрессивные и циничные действия американского империализма по захвату и эксплуатации чужих территорий, по подавлению национально-демократических движений они или вообще замалчивают, или пытаются прикрыть лицемерными декларациями о «свободе», «цивилизации» и т. п.

Откровенных и «стыдливых» апологетов американского империализма объединяла, однако, не только общая стратегическая цель, но и взаимодополняемость и заменяемость их идейно-политических воззрений и установок. В американской истории немало случаев, когда наиболее ярые джингоисты начинали клясться в своей верности идеалам мира и прогресса или, наоборот, проповедники «моральной миссии» Америки вдруг «проговаривались» о ее притязаниях на мировую имперскую корону. Среди главных причин подобного смешения стиля и тактики — конкретная внутри- и внешнеполитическая обстановка, ее оценка в Вашингтоне,

выбор соответствующей линии в политике и пропаганде и т. д.

Одним из первых и наиболее ярких представителей «идеалистического», или «морального», направления в американской политике и идеологии стал президент В. Вильсон. Этому кумиру американских либералов и мещан были столь же свойственны мечты об установлении мировой гегемонии США и склонность к использованию силы и интервенций против неугодных Вашингтону правительств, а также народов Мексики, Коста-Рики и других стран, как и откровенным империалистам вроде Т. Рузвельта. Но Вильсон предпочитал формулировать свои имперские притязания несколько более осторожно, чем апологеты дипломатии «доллара и канонерок», однако, как и они, распространял их на весь мир. Еще до вступления на пост президента Вильсон выражал мнение, что «дни изоляции» для Америки миновали и что «достигшие зрелости Соединенные Штаты должны взять на себя бремя (!) управления миром»³⁹.

В высокопарные и ханжеские фразы о дружбе, мире, демократии и чуть ли не самопожертвовании Вильсон облек и свои планы создания всемирной американской империи по образу и подобию самих США, и первый «крестовый поход» против только что рожденной молодой Советской Республики.

Воспользовавшись относительным истощением воюющих сторон в первой мировой войне, правительство Вильсона в начале 1917 года выступило со своими предложениями о мире, предусматривавшими фактически установление гегемонии США в мировом масштабе. Главным среди них было предложение о создании так называемой всеобщей лиги мира, в которую США «соглашались» войти, порывая с традицией формального невовлечения в военные и политические дела и конфликты других континентов, завещанной «отцами республики». «Вильсон верил, — писал Д. Чейз, — что новые глобальные обязательства Америки возникли «не как заранее разработанный нами план (как это в действительности было. — Ю. М.), а как замысел бога, который вел нас по этому пути»... Американский флаг, как он выразился, — это „флаг не только Америки, но и всего человечества“»⁴⁰.

После того как «мирная инициатива» Вильсона была отклонена другими державами, США вступили в апреле 1917 года в первую мировую войну на стороне Антанты под фальшивым лозунгом «спасти мир для демократии», а на деле, чтобы завоевать его для американских монополий.

«Наше правительство, — комментировал официальную декларацию об объявлении войны известный американский ученый Л. Денни, — обладало достаточным разумом, чтобы не добиваться в результате войны территориальных или мандатных приобретений, зная, что наша растущая невидимая экономическая империя была более мощной, выгодной и менее уязвимой, чем устаревшая политическая империя Великобритании»⁴¹.

Правительство Вильсона, однако, не учло, что даже значительно ослабленные в экономическом отношении другие державы — победительницы в первой мировой войне — Англия, Франция, Италия, Япония — обладают серьезной военной силой и политическим влиянием и не согласятся на установление мировой гегемонии Америки, что эта гегемония неприемлема для народов мира, в какие бы формы она ни облачалась. А главное — правящие круги США игнорировали тот факт, что с победой Великой Октябрьской социалистической революции в России и появлением на мировой арене Советской Республики, с расколом мира на две противоположные общественные системы империалистические международные отношения, мировой капитализм в целом оказались в состоянии общего кризиса. Первое в мире социалистическое государство заявило о решительном отпоре империалистической агрессии, провозгласило ленинскую политику мирного сосуществования.

На возникновение государства нового, социалистического типа американский империализм ответил, с одной стороны, прямым участием в вооруженной интервенции против Советской власти с целью ее «удушения в колыбели», а с другой — усилением своей псевдодемократической и лжепатристической кампании за создание «нового мирового порядка» под эгидой США, нашедшей выражение, в частности, в 14 пунктах Вильсона, проекте Лиги наций. Однако все попытки Вильсона реализовать планы установления мировой гегемонии США в 1918—1920 годах потерпели окончательный провал с разгромом иностранной интервенции в России. Об этом также свидетельствовали дипломатические поражения и уступки американской делегации на Парижской мирной конференции, выступление в американском сенате против его «идеалистической» политики так называемых изоляционистов, а фактически сторонников полной свободы для односторонних действий Америки на мировой арене, не связанных никакими международными организациями, договорами, и т. д. Опровергая обвинения в изоляционизме, один из лидеров оппозиции вступлению США в Лигу наций

сенатор Генри Кэбот Лодж заявил: «Мы хотим... быть свободным государством без каких-либо ограничений в своих поступках, преисполненным возрожденным духом национализма. Это не изоляционизм, а свобода действовать так, как мы считаем необходимым и справедливым, не изоляционизм, а просто ничем не связанная и беспрепятственная свобода великой державы решать самой, каким путем идти»⁴².

Отказ от попытки «управлять миром» и бороться против Советской России с помощью Лиги наций отнюдь не означал, таким образом, отречения от планов мировой экспансии и лидерства США. Напротив, это было торжество сторонников откровенно имперской внешней политики США, пренебрежения к позициям и мнениям других государств, расширения и укрепления американской империи повсюду, где для этого есть хоть какие-то возможности и американский империализм имеет перевес экономической, военной и политической силы.

Именно на 20-е годы пришелся расцвет «американизма», основывавшегося на экономическом процветании США того периода и вобравшего в себя веру в «особую миссию» Америки, в ее превосходство над всеми остальными странами, в ее «право» игнорировать их позиции и интересы. «Мы, американцы, сделали больше для развития человечества за полтора столетия, чем все народы мира вместе за всю их историю... — утверждал президент У. Гардинг. — Да сгинут мечты интернационалистов и большевиков... мы провозглашаем американизм и приветствуем Америку»⁴³.

Одним из наиболее ярких апологетов «американизма» являлся крупный предприниматель, сначала министр торговли, а затем президент США (1929—1932 гг.) Г. Гувер. «Он видел будущую Америку, — писал о нем Л. Денни, — как империю нового типа, экономическую всемирную империю, созданную на основе передового бизнеса, связанную узами торговли и кредита, проникающую во все страны, побеждающую в конкуренции все другие нации»⁴⁴. Именно Гувер объявил целью своей жизни «уничтожение Советской России», а впоследствии выступил против союза между СССР и США в войне с фашистскими агрессорами. И именно при Гувере мировой экономический кризис 1929—1933 годов, сильнее всего поразивший США, нанес серьезнейший удар по всем иллюзиям об американской «исключительности», «процветании», «американизации» мира и создании всемирной «империи бизнеса».

Крах расчетов на экономическое завоевание мира не

означал, однако, отказа американских империалистов от дальнейшего участия в борьбе за мировое господство. Наоборот, кризис 1929—1933 годов стал одним из главных факторов ее нового усиления, перехода от «мирной» империалистической конкуренции к военной борьбе с целью ликвидации соперников, окончательного отказа США от изоляционизма, их активнейшего вовлечения в мировую политику и в развернувшиеся на международной арене события.

Противоречия и столкновения США с другими империалистическими державами в борьбе за мировое господство, их антисоветская политика сыграли значительную роль в назревании и развязывании второй мировой войны. Готовясь к ней, правящие круги США усиливали военные приготовления и проводили комбинационную политику «нейтралитета» и «баланса сил», рассчитанную, во-первых, на поощрение фашистских агрессоров к нападению на Советский Союз, а во-вторых — на их столкновение с Англией и Францией. В господствующих кругах США рассчитывали, что в результате взаимоистребительной войны между этими державами все они будут в такой степени ослаблены, что не смогут оказать серьезное сопротивление установлению мира на наиболее выгодных для американского империализма условиях. Президент Ф. Д. Рузвельт заявил в своем послании конгрессу 3 января 1940 г., что Америка призвана сыграть «руководящую роль в тот момент, когда наступит время для восстановления всеобщего мира»⁴⁵.

Видя, что гитлеровская Германия и милитаристская Япония создают наиболее серьезную угрозу для интересов и безопасности Америки, и идя на все большее сближение со странами, подвергшимися нападению фашистских агрессоров или вступившими в конфликт с ними, господствующие круги США тем не менее в первую очередь заботились о достижении собственных империалистических целей во второй мировой войне, хотя и маскировали их, как обычно, различными декларациями о «борьбе с тоталитаризмом», «защите демократии» и т. д. Даже по отношению к своему ближайшему союзнику — Великобритании они прежде всего проводили линию на то, чтобы извлечь все возможные для себя выгоды из ее тяжелого военного положения, заполучить ее колониальные богатства. «Англичане... не будут больше иметь достаточно сил для того, чтобы сохранить без посторонней помощи всю свою империю, — информировал высокопоставленный американский дипломат Н. Дэвис посла США в Канаде Д. Моффата. — Мы будем фактически наследниками этой империи»⁴⁶. «В лучшем случае, — вторил

Дэвису президент Национального промышленного бюро В. Джордан, выступая в начале декабря 1940 года перед американской Ассоциацией банкиров-инвесторов, — Англия станет младшим партнером в новом англосаксонском империалистическом альянсе, в котором... США будет принадлежать главенствующая роль. К югу в нашем (т. е. Западном. — Ю. М.) полушарии и к западу — на Тихом океане империя (американская. — Ю. М.) прокладывает себе путь... скипетр переходит к Соединенным Штатам»⁴⁷.

Не только Великобритания, но и другие европейские державы вместе с их колониальными владениями, по замыслам ряда американских политиков и идеологов, должны были в той или иной форме «объединиться» с США под их эгидой. Наибольшую популярность и практическое применение приобрел проект создания обширного объединения развитых капиталистических государств — Атлантического союза. Он был выдвинут американскими идеологами К. Стрейтом, У. Липпманом и др. и нашел свое отражение в ряде книг и официальных документов («Атлантическая хартия»), и по сегодняшний день содержащиеся в нем идеи сохраняют основополагающее значение для внешней политики Соединенных Штатов.

Имперские замыслы Вашингтона, связанные со второй мировой войной, распространялись фактически на весь мир и находили свое отражение как в многочисленных высказываниях, книгах и документах, так и в конкретных внешнеполитических и военных планах и акциях США. Миллионер и издатель Г. Люс в своей на шумевшей брошюре призывал, например, американцев осознать, наконец, что XX век — это «американский век». «Он наш, — восклицал Люс, — не только потому, что мы живем в нем, но и потому, что это первый век Америки как господствующей в мире силы»⁴⁸.

Уже во время второй мировой войны в США получили широкое распространение теории о том, что быстро растущая на военных заказах экономика США будет нуждаться в послевоенные годы в новых обширных и «свободных» рынках, в огромном импорте сырья и т. д. Эти теории нашли отражение в ряде проектов создания «Pax Americana», разработанных в недрах ведущей внешнеполитической организации американского монополистического капитала — нью-йоркском Совете по международным отношениям. Они оказали определенное воздействие на послевоенные внешнеполитические программы, подготовленные различными правительственными учреждениями в Вашингтоне. Как

писал один из директоров совета И. Боумэн, Соединенные Штаты должны оставаться «арсеналом демократии» до момента победы: «Они не могут отказаться от такой роли. Они должны принять на себя всемирную ответственность... Мерой нашей (т. е. американской. — Ю. М.) победы будет мера нашего господства...» Боумэн утверждал также, что после войны США будут нуждаться в новой, «расширенной концепции интересов безопасности Америки» и эта концепция включит в себя районы, «стратегически необходимые для контроля над миром». Еще более откровенно выразился другой член совета — генерал Д. Стронг, заявив, что США должны культивировать такой взгляд на всемирное урегулирование после войны, который даст им возможность продиктовать собственные условия, возможно равнозначные установлению «Pax Americana»⁴⁹.

В обстановке второй мировой войны, когда военные действия охватили значительную часть континентов и океанов, все больше представителей господствующей элиты США склонялись к мнению, что их послевоенная гегемония должна не просто носить характер экономического господства и политического руководства в рамках «свободной» капиталистической экономики, а должна быть закреплена военно-стратегическими средствами. В их воображении мировая экспансия американских капиталов, товаров, «демократии», идеологии, культуры и пр. должна была обеспечиваться способностью США в любой необходимый момент использовать свою военную, полицейскую силу для подавления всякого сопротивления ей, и прежде всего антиимпериалистических, освободительных выступлений. Стремясь распространить границы послевоенной американской империи на все новые страны и районы мира, ее апологеты лживо отождествляли целостность этой империи с нуждами «национальной безопасности и обороны» США, вступивших в «трансокеанский период» своего существования. Так, геополитик Э. Кальбертсон настаивал на предоставлении им военных баз по всей Латинской Америке, а также в Исландии, Гренландии, на островах Мадейра и Зеленого Мыса, на Азорских, Канарских и Курильских островах, на Хайнане и Тайване (Формозе), в Корее и в Новой Каледонии. «Единственной эффективной и эшелонированной защитой американского континента, — утверждал Э. Кальбертсон, — является сеть вооруженных, непотопляемых авианосцев, покрывающая на тысячи миль огромные просторы океана. В этой укрепленной сети будут дислоцированы новые типы кораблей и сверхбоевых са-

молетов... В Атлантике эта сеть опояшет берега Европы и Африки... На Тихом океане она образует мост от Пёрл-Харбора и Трука — через Филиппины и Нидерландскую Вест-Индию до Индокитая и Таиланда на азиатском континенте. Практически вся эта гигантская цепь баз уже построена, и большинство из них уже или скоро будут заняты американцами. Обладая такой стратегической зоной, США будут в состоянии... осуществлять быстрые и эффективные интервенции как в Европе, так и в Азии»⁵⁰.

В то время как вторая мировая война со вступлением в нее СССР окончательно превратилась из империалистического конфликта в освободительную борьбу народов против фашистского агрессора, не останавливавшегося ни перед какими преступлениями в погоне за мировым господством, влиятельные круги США, по существу, вынашивали весьма близкие по духу замыслы создания собственной мировой империи. С их точки зрения, финалом второй мировой войны мог стать только германский или американский «мир». На достижение именно последнего направляли они в первую очередь свои мысли, планы и действия. Имеются лишь «две альтернативы устройства будущего мира — германский порядок или американское урегулирование... — утверждал, например, бывший торговый атташе США в Берлине Д. Миллер. — ...Только одна великая страна будет обладать машинным оборудованием, сырьем, финансами и энергией, чтобы заново построить послевоенный мир. Одна Америка будет обладать силой, ресурсами и руководством, которые необходимы для этого... Никто не попытается помешать нам»⁵¹.

Проимперские, великодержавные силы оказывали давление на внешнюю и военную политику США в период второй мировой войны, результатом чего явились затяжки с военными поставками в СССР и открытием второго фронта в Европе, попытки решать некоторые вопросы союзнической стратегии и послевоенного урегулирования без участия Советского Союза и т. д. Однако в целом эти силы потерпели серьезное поражение. Решающая роль СССР в разгроме фашистских агрессоров, подъем освободительной борьбы народов, сложившиеся к концу войны мировая обстановка и соотношение сил, преобладание реалистической тенденции в правительстве Ф. Д. Рузвельта — все это привело к торжеству политики сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, к их победе и заключению ряда важнейших соглашений об организации послевоенного мира на демократических мирных основах.

3. Расцвет и крах доктрины и политики «американского века»

Изменения, происшедшие в мире в результате разгрома фашизма и ослабления сил империалистической реакции, рост и укрепление мирового социализма, выступления национально-освободительных движений знаменовали начало нового этапа общего кризиса капитализма. Международное развитие в послевоенный период вызвало резкое недовольство всех приверженцев установления мирового господства Америки.

Сперва исподволь, а потом все более открыто, опираясь на значительно выросший в результате войны экономический и военный потенциал, они приступили к развертыванию нового раунда борьбы за реализацию доктрины «американского века». Их расчеты в значительной мере строились при этом на иллюзиях о «слабости» экономики и «непрочности» политического строя Советского Союза, на мифе об СССР как «источнике и организаторе» всех прогрессивных национальных и социальных выступлений и изменений в мире, изоляция и подрыв которого приведут якобы к автоматическому краху всего мирового коммунизма, ставшего главным препятствием на пути к созданию американской империи. Шовинистически настроенные империалистические круги США были убеждены в том, что потерпевшие поражение или сильно ослабленные войной остальные капиталистические державы безропотно подчинятся их гегемонии и примут со своей стороны участие в борьбе с мировым коммунизмом, которая, помимо всего прочего, поможет закреплению этой гегемонии. Они явно преуменьшали возможности и перспективы развития других государств, в огромной степени переоценивая в то же время военный, экономический, научно-технический, морально-политический потенциал самих США. Особенно преувеличивалось ими значение таких факторов, как обладание Соединенными Штатами атомным оружием, стратегической авиацией и сильнейшим военно-морским флотом, присутствие американских вооруженных сил во многих регионах мира и т. д.

Первым исполнителем воли имперски настроенных кругов господствующей элиты США после второй мировой войны стало правительство Г. Трумэна, придерживавшегося воинствующе шовинистических и антисоветских взглядов, исповедовавшего веру в «божественное предначертание» Америки. Насаждение в течение предшествующего

развития Соединенных Штатов мифов об их «исключительности» и «исторической миссии» было одним из важных факторов, способствовавших развертыванию послевоенного глобального «крестового похода» американского империализма за мировое господство. Главными движущими силами этого похода выступили американские монополии, реакционные военные и политические круги страны.

Для обоснования неизбежности наступления «американского века» руководители и идеологи внешней политики США стали выдвигать сразу же после завершения второй мировой войны тезисы об «ответственности» Америки за весь мир и перед всем миром, распространять чуть ли не на весь земной шар сферы американских «жизненных интересов», произвольно раздвигать рубежи «национальной безопасности» и т. д. Однако фактически за «заботой» о всеобщем мире, благосостоянии и безопасности самой Америки скрывались старые доктрины «манifestа судьбы», «предопределения» одной из якобы «богом избранных» держав решать судьбы остальных стран и народов. «Америка, — утверждал в апреле 1946 года один из творцов послевоенной политики США сенатор Ванденберг, — обязана вести себя как мировая держава № 1, каковой она и является. Нам должно принадлежать моральное руководство миром»⁵².

«Мы не достигли еще ни одной из главных целей, за которые воевали во второй мировой войне, — заявил помощник государственного секретаря Хилдринг в своей речи о «мире как вызове (!) американскому руководству», произнесенной 13 октября 1946 г. на съезде Американского легиона в Сан-Франциско. — Война не была выиграна... Если мы должны выполнить свои обязанности лидера на мировой арене, то нам следует быть и сильными, и щедрыми... Мы принялись за определение судеб миллионов людей...»⁵³

Одним из отражений имперского подхода США к послевоенным международным отношениям стала геополитическая теория школы «реальной политики», на долгие годы возобладавшая в Америке. Согласно этой теории, в результате второй мировой войны сложилась «биполярная» система мира. Одним ее «полюсом» является «сверхдержава № 1», наделяемая почти всеми возможными добродетелями, т. е. США, а вторым — другая «сверхдержава» — СССР, характеризующаяся как «экспансионистская», «тоталитарная» и т. п. Между этими «полюсами» возникли в результате разгрома одних и ослабления других держав в Западной

Европе и на Дальнем Востоке, подрыва колониальных метрополий и «незрелости» народов Азии и Африки многочисленные «вакуумы силы». И чтобы их не заполнила вымышленная «агрессивная советская сила», США должны первыми взять эти «вакуумы» под свой контроль. Таким образом, не только возводилась новая клевета на СССР и обосновывались «права» США на безграничную экспансию и интервенции, но и фактически отрицалась способность к самостоятельному развитию остальных государств и народов, которым авторы теории отводили роль пассивного объекта в борьбе двух «сверхдержав».

По мере все ускоряющегося крутого поворота Вашингтона от союзнической политики периода второй мировой войны к одностороннему курсу на установление «американского мира» все более очевидными становились основные направления реакционной внешней политики США и методы, которые американский империализм избирал для осуществления своих имперских замыслов.

С одной стороны, выдвигалась задача изолировать, ослабить Советский Союз, а если удастся достичь значительного военного превосходства над ним, то и нанести СССР решающее поражение, тем самым устранить его как основное препятствие на пути всемирной экспансии США, как главного союзника всех прогрессивных, антиимпериалистических сил. Вашингтон фактически нарушил соглашения государств — участников антифашистской коалиции о послевоенном мире. Ярый антисоветизм и антикоммунизм стали такими же неотъемлемыми элементами послевоенной глобальной политики США, как доктрины «американского века» и силы.

С другой стороны, Вашингтон взял курс на подчинение себе остальных капиталистических стран. При этом одним из главных средств такого подчинения стало их вовлечение в «борьбу с угрозой мирового коммунизма», которая использовалась США для раздувания в капиталистических странах страха перед этой мифической угрозой, с тем чтобы вынудить их разорвать связи с СССР и, таким образом, ослабить их политические и экономические позиции перед лицом растущих гегемонистских амбиций Америки.

Шантаж и диктат, в том числе по отношению даже к крупным империалистическим державам — Англии и Франции, бесцеремонное вмешательство во внутренние дела союзных государств, игнорирование их суверенитета, навязывание своих стандартов мышления и поведения остальному миру стали отличительными чертами послевоенной

политики США. Пользуясь тяжелым экономическим положением многих пострадавших от войны стран и их зависимостью от «помощи» США, американские монополии получили давно желанный доступ к их рынкам, сферам приложения капитала, источникам сырья.

Главным средством закрепления гегемонии США в капиталистическом мире и борьбы против Советского Союза стала военная сила в самых различных ее формах, начиная от атомной бомбы и собственно американской армии и кончая системой военно-политических союзов, баз на чужих территориях, авианосцев и подводных лодок в Мировом океане и т. д. Таким образом, создавалась новая, невиданная еще в истории глобальная империя, связанная узами классовой, экономической, военной, политической, идеологической зависимости. «Американская империя, — писал один из наиболее откровенных ее апологетов Д. Бернхэм, — уже существует..., простирается на запад столь далеко, чтобы включить в себя в настоящее время и в предвидимом будущем Японию. Филиппины не вышли из состава империи в результате получения юридической независимости... Многие острова Атлантического и Тихого океанов, безоговорочно подчиненные США с помощью их военных и морских баз, также являются частями уже существующей американской империи. По этой же причине те районы Африки и Европы, где господствуют вооруженные силы США, в свою очередь входят, по крайней мере в настоящее время, в империю. Обе Америки уже лежат внутри нее... Канада в терминах политической реальности также должна быть включена в состав американской империи... Имперская политика, следовательно, не является чем-то новым для США»⁵⁴.

Разумеется, такого рода рассуждения Д. Бернхэма и других «откровенных империалистов», считавших, что лозунги империи и силы лучше мобилизуют и направляют Америку на выполнение ее мирового «предначертания», чем пустые фразы о мире, свободе и демократии, отличались во многом от официальной риторики руководящих кругов и деятелей США, вынужденных хотя бы на словах в какой-то мере считаться со своими союзниками и другими странами, мировым общественным мнением, поддерживать мифы об американском «бескорыстии, великодушии, бремени ответственности» и т. п. Однако заявления Бернхэма и ему подобных в значительной степени выражали в наиболее грубой и открытой форме вожделения и цели довольно широких кругов финансовой олигархии и воен-

но-промышленного комплекса, ультраправых организаций и политического руководства США, включая Белый дом, Пентагон, государственный департамент и т. д.

При знакомстве с рекомендациями Бернхэма, осуществление которых, по его мнению, должно было привести к уничтожению коммунизма и созданию всемирной американской империи, сразу бросается в глаза их сходство со многими официальными установками и заявлениями руководящих деятелей США, принадлежащих как к демократической, так и к республиканской партии, причисляющих себя как к либералам, так и к консерваторам. Вот каким образом Бернхэм формулировал свои рекомендации: «1. Следует признать, что мир не является и не может быть целью внешней политики (в марте 1947 г. президент Трумэн объявил, что американцы ценят «свободу еще более высоко, чем даже мир»; в январе 1981 г. государственный секретарь Хейг снова подтвердил, что для господствующих кругов США «есть вещи поважнее, чем мир»! — Ю. М.). 2. Следует отбросить прочь и остатки доктрины «равенства наций». Соединенные Штаты должны быть готовы сделать открытую заявку на мировое политическое лидерство (такая «заявка» неоднократно делалась и делается на всех официальных уровнях. — Ю. М.). 3. Подобным же образом доктрина «невмешательства во внутренние дела других стран», представляющая собой уже немногим более, чем словесную чепуху, должна быть отвергнута полностью. В тех случаях, когда затрагиваются проблемы мировых политических отношений, следует делать ставку на быструю, решительную и массивную интервенцию, а не на невмешательство («тайное» или открытое вмешательство США — от подготовки государственных переворотов до широкомасштабных военных интервенций — стало нормой для американских действий на международной арене в послевоенный период. — Ю. М.)... 8. Наконец, данная политика может принести ожидаемые плоды только в том случае, если США будут способны и готовы использовать силу (этот совет был уже излишним, так как за политику силы, прежде всего военной, в том или ином ее виде выступали и выступают практически все американские государственные деятели. — Ю. М.)»⁵⁵.

Официальное провозглашение послевоенного курса американского империализма на борьбу за установление своего мирового господства состоялось в марте 1947 года. В двух своих выступлениях — 6 марта в Байлорском университете в штате Техас и 12 марта в конгрессе США

(последнее вошло в историю под названием доктрины Трумэна) — президент изложил основы политики «мира по-американски», или «американского века».

Трумэн заявил в Байлорском университете, что даже больше, чем мир, американцы ценят свободу. При этом особо выделив преданность свободе предпринимательства, он подчеркнул: «Она является неотъемлемой частью того, что мы называем американизмом». И тут же Трумэн выразил намерение действовать решительно, чтобы помешать любой другой системе хозяйства, кроме американизированной капиталистической, «стать моделью следующего века»⁵⁶.

Неразрывно связав капиталистические экономические «свободы» с политическими, Трумэн фактически объявил, что для Вашингтона неприемлемы не только социально-экономические уклады, исключаящие «свободу частно-предпринимательской деятельности», но и политические режимы, созданные не по «образу и подобию американской демократии». Под прикрытием «свободолюбивой» риторики он, по существу, ультимативно потребовал от остальных государств принять американское общественное устройство и образ жизни в качестве единственной устраивающей господствующие круги США перспективы развития послевоенного мира. В заключение президент еще раз подчеркнул «решимость» и «готовность» США к мировой «ответственности» и «лидерству», к борьбе за такой «международный порядок, в котором будут сохранены мир и свобода»⁵⁷.

Решимость господствующих кругов США выступить в поход за осуществление программы насаждения во всем мире угодных американскому империализму экономических и политических порядков была подтверждена Трумэном в его обращении к конгрессу с призывом оказать немедленную помощь режимам в Греции и Турции. Фактически в этом обращении излагались глобальные притязания и принципы имперской, реакционной и агрессивной политики США применительно к конкретному региону. Провозглашая свою доктрину, Трумэн распространил сферу «жизненных интересов» и «безопасности» США на стратегически важные и богатые сырьем, особенно нефтью, районы Ближнего Востока и Средиземноморья вплоть до границ Советского Союза. Одновременно под предлогом борьбы с «угрозой тоталитаризма» он провозгласил намерение американского империализма «защищать свободные страны» от «прямой и косвенной агрессии», имея при этом в

виду подавление революционно-освободительных движений. Таким образом, США самовольно брали на себя роль мирового полицейского, гаранта целостности всего капиталистического мира. Отмечая, что революционная борьба, в огне которой родились сами Соединенные Штаты, ставилась доктриной Трумэна вне закона, американский историк Д. Флеминг писал: «Отныне ставились под запрет революции, несмотря на то что многие сотни миллионов людей еще влачили жалкое существование под гнетом деспотизма... Трумэн высказался от имени основной массы американских консерваторов и вступил в союз с реакцией на всем земном шаре... Доктрина Трумэна была фактическим объявлением войны (народам, ведущим борьбу за свое национальное и социальное освобождение.— Ю. М.)»⁵⁸.

В соответствии с доктриной Трумэна США не только брали «под защиту» капиталистический мир, но и распространяли свои откровенно захватнические притязания на его ключевые, с точки зрения стратегии Вашингтона, регионы, которые нужны были американскому империализму для укрепления и расширения своей всемирной империи. Тот, кто «сидит на клапане ближневосточной нефти, может контролировать судьбу Европы»,⁵⁹ откровенничал сенатор Брюстер в беседе с министром обороны США Форрестолом 2 мая 1947 г.

Курс на установление мировой диктатуры американского монополистического капитала, провозглашенный в мартовских выступлениях Трумэна, игнорировал международные соглашения, права и интересы других стран и народов и соответствующие решения ООН. Руководство США делало ставку на военную силу и интервенционизм как средства осуществления имперских целей послевоенной американской политики. Скрыть это не могли никакие лживые и безответственные обвинения в адрес Советского Союза, его внешней политики. Обосновывая свои имперские устремления необходимостью «сдерживания» СССР, якобы стремящегося к мировому господству, Соединенные Штаты развязали «холодную войну» против стран социализма, рассчитывая, что в атмосфере антисоветского, антикоммунистического психоза им будет легче осуществлять свои гегемонистские планы. «Результатом второй мировой войны, — писал один из американских исследователей имперской политики США Д. Суомли, — была не советская гегемония, как упорно утверждали пропагандисты холодной войны, а именно американская гегемония. К 1969 году почти половина вооруженных сил США, насчитывавших

3407 тыс. человек, находилась за пределами страны. В той или иной степени Пентагон «присутствует» по крайней мере в 68 иностранных государствах.... Военно-морские силы США патрулируют во всех океанах, и на каждом континенте находятся американские военные миссии. Американский бизнес является решающим экономическим фактором во многих странах мира. Стремления и цели американских «реалистов», которые давали теоретическое обоснование американской политике силы, глубоко проникнуты духом империализма. Они использовали жупел антикоммунизма для оправдания „Рах Америгана”»⁶⁰.

Империалистский импульс в послевоенной политике США оказался столь сильным, что и из «успехов», и из поражений этой политики делался один и тот же вывод о необходимости ее продолжения и усиления. Несмотря на провал попыток «сдерживания» и атомного шантажа СССР и мирового революционного и национально-освободительного движения, появление и становление все новых социалистических и молодых независимых государств, ликвидацию атомной монополии США и их поражение в Корее, Вашингтон не отказался от глобальной антикоммунистической политики. Напротив, с маниакальным упорством он делал ставку на новые усилия с целью достичь военного превосходства над СССР, раздуть гонку вооружений, сплотить «в борьбе с коммунизмом» весь капиталистический мир и проводить в этих условиях все более агрессивную, интервенционистскую политику. Этому же содействовали расширение сферы деятельности и влияния транснациональных компаний, военно-промышленного комплекса США, вовлечение все новых капиталистических стран в сеть экономико-технической и военно-политической зависимости от Америки.

Американский империализм организовал в огромных масштабах перекачку в США материальных и человеческих ресурсов не только из развивающихся, но и развитых капиталистических стран. Это во многом способствовало поддержанию в первые послевоенные годы превосходства США в области экономики, науки и техники, более высокого уровня жизни, чем в других капиталистических государствах. Имело большое значение и то, что США, в отличие от своих основных конкурентов, не только не пострадали в ходе второй мировой войны, но, напротив, обогатились.

Получая огромные прибыли и сверхприбыли, американские монополии могли выделять некоторую часть на

подкуп рабочей и чиновничьей «аристократии», фермеров, мелкой и средней буржуазии.

Главным носителем идей «американского века» стал наряду с господствующей элитой так называемый средний слой, составляющий «белую англосаксонскую Америку». Среди этих групп американского населения больше всего распространились и пользовались популярностью традиционные лозунги «манифеста судьбы»: «Америка превыше всего», «Америка — сверхдержава № 1», — а также антикоммунизма и политики силы.

Захлестнувшая Америку к концу 40-х годов апологетика «американского века» и силы была вызвана действием многих факторов: историческими традициями, опасениями упустить «золотой век» мирового господства США, разгулом маккартизма и милитаризма, джингоизмом имущих американцев и т. д. Ослепленные классовыми предрассудками и антисоветизмом, иллюзиями об американском превосходстве и всемогуществе, стремясь к власти и обогащению, правящие круги США упорно продолжали курс на завоевание мирового господства.

Пытаясь превзойти своих предшественников в проведении подобного курса, республиканская администрация Эйзенхауэра — Даллеса объявила целью своей политики «освобождение» социалистических стран от социализма, угрожала им атомным «массированным возмездием» в отместку за... новые победы революционных, национально-освободительных сил на периферии капиталистического мира, требовала «неограниченной свободы деятельности» для американских монополий.

Особую роль в распространении и увековечении американского империалистического господства в мире администрации Трумэна и Эйзенхауэра отводили НАТО и другим военно-политическим союзам (межамериканский пакт, АНЗЮС, Багдадский пакт, СЕАТО) под эгидой США. Для того чтобы эти союзы могли выполнить свое предназначение, американская администрация прежде всего стремилась расширить их функции, поставив перед ними наряду с военными самые широкие политические, идеологические и другие задачи. «Организация Североатлантического договора... — заявил государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес 25 апреля 1956 г., — содержит в себе возможности огромного развития. Она была, конечно, задумана в первую очередь как военная коалиция, и этот аспект организации остается жизненно важным. Но НАТО может и должна сделать большее... Все наши народы ис-

поведуют религиозную веру, которая делает ненавистным для них атеистический материализм. Мы имеем общее чувство моральных ценностей. Наши политические институты преимущественно отражают демократические концепции... Наши экономики подобны друг другу. Мы все верим в частную собственность и поощряем ее»⁶¹.

Добиваясь полной «американизации» стран НАТО, Даллес в то же время мечтал о распространении этого союза на весь капиталистический мир или по крайней мере о глобальной системе аналогичных объединений капиталистических государств. Он заявил в одном из своих выступлений в сенате, что сеть американских обязательств по безопасности (двусторонних и многосторонних военных соглашений) мало-помалу охватила уже всю «периферию коммунистического лагеря»⁶².

Пытаясь навязать свое господство и образ жизни другим государствам и народам, правительство Эйзенхауэра — Даллеса проводило авантюристическую политику «балансирования на грани войны». Оно инспирировало контрреволюционные выступления в ГДР, Польше, Венгрии, добилось принятия ФРГ в НАТО, «освободило» от прогрессивных режимов Иран и Гватемалу, пошло по пути вмешательства в дела стран Индокитая и Ближнего Востока, содействовало созданию новых военно-политических блоков, призванных укрепить их гегемонию в капиталистическом мире и замкнуть военно-стратегическое «окружение» СССР и других социалистических государств и т. д. Однако это были пирровы победы американского империализма.

Грубое вмешательство Вашингтона в дела других стран, его откровенное пренебрежение к интересам и мнениям молодых освободившихся и нейтральных государств и даже ближайших своих союзников, его угрозы развязать «в любой момент, в любом месте по своему собственному выбору» термоядерную войну, неоднократное провоцирование им острейших международных кризисов, акцентирование военной силы как орудия глобальной политики США — все это усиливало сопротивление американскому империализму. Особенно серьезной критике как сугубо нереалистичные и опасные подвергались основные доктрины республиканской администрации — «массированного возмездия», «отбрасывания коммунизма», установления американизированного «мирового порядка».

Укрепление экономической и оборонной мощи СССР и других социалистических стран, их единство и координи-

рованность их миролюбивой политики, поддержка этой политики широкими кругами мировой общественности и правительствами все большего числа стран, идущих по пути независимости и прогресса, конец традиционной стратегической неуязвимости Америки в связи с появлением межконтинентальных бомбардировщиков и ракет — все эти и другие факторы способствовали подрыву основ имперского мышления и политики США. Достижения советской экономики, науки и техники, успехи СССР и других социалистических стран в развитии торговли и других форм сотрудничества со многими развитыми и развивающимися государствами в значительной мере поколебали стереотипы и мифы об американской «исключительности» и «превосходстве» во всех областях. Эти достижения и наряду с ними рост конкуренции со стороны стран Западной Европы и Японии ликвидировали фактическую монополию США на предоставление займов и кредитов, передовых видов оборудования и технологии, патентов и лицензий, которая позволяла им в первые послевоенные годы держать в зависимости, полуколониальном положении обширные районы мира.

Возникновение международных отношений нового типа и их воздействие на мировую политику вынуждали американских империалистов «модернизировать» свою имперскую политику, маневрировать, отступать. «В течение многих лет, — писал в конце пребывания у власти правительства Эйзенхауэра еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — американцам говорили, что это их век — век, в котором США получают должное как мировой лидер. Только 15 лет тому назад казалось, что это предсказание должно исполниться... Сегодня все переменялось. Советская Россия снова встала на ноги, чтобы оспаривать американское лидерство в одной области за другой... Только 10 лет тому назад государства Европы восстанавливались с помощью миллиардов американской помощи... Сегодня Западная Европа сильна своей собственной мощью»⁶³.

Под давлением ряда факторов мирового развития в правящих кругах США уже в конце 50-х годов возникли и усилились колебания и разногласия относительно стратегии и тактики, орудий и средств американской антикоммунистической имперской политики. Хотя сущность и основные цели этой политики оставались неизменными, хотя предпринимались все новые усилия, чтобы подвести под нее достаточную материально-стратегическую базу, в то же время в Вашингтоне начинали временами проявляться

тенденции к внесению тех или иных коррективов, к использованию в ряде случаев более гибких методов в проведении этой политики, а главное — к некоторому ограничению имперских претензий, с тем чтобы избежать слишком больших издержек своего курса, прежде всего опасности атомной войны с СССР.

Выдвинутая правительством президента Дж. Кеннеди программа «новых рубежей» во многом исходила из необходимости признания США новых мировых реальностей и приспособления к ним. Она была направлена не только на то, чтобы силой воспрепятствовать развитию нежелательных для американского империализма международных событий, процессов, прежде всего революционных, но и поставить их под свой контроль, ограничить приемлемыми для Вашингтона рамками. Форсируя наращивание и подготовку вооруженных сил США для ведения любых видов войн — от антипартизанской до термоядерной, администрация Кеннеди делала в то же время заметный упор и на «мирные» методы «борьбы с коммунизмом», расширения и укрепления сферы американского господства.

В этой связи особо выделялся «великий проект» создания Атлантического сообщества, провозглашенный президентом Кеннеди в конце 1961 года. Он, по существу, предусматривал торговое, экономическое, а затем и политическое объединение сначала США и Западной Европы, а впоследствии всех развитых и развивающихся капиталистических государств, скрепленное к тому же и узлами военных блоков.

В качестве первого шага к осуществлению этого проекта правительство Кеннеди предложило конгрессу принять новый Акт о расширении торговли в 1962 году. Он предусматривал предоставление президенту таких полномочий, которые позволяли ему сокращать на взаимной основе американские тарифы до 50% на целые товарные категории и полностью отменять тарифы на те товары, совместная торговля которыми США и ЕЭС составляла 80% или большую долю мирового обмена. Причем, согласно принципу наиболее благоприятствуемой нации, эти сокращения тарифов в дальнейшем должны были распространяться на всех остальных торговых партнеров США. «Этот билль, — подчеркивалось в послании Кеннеди конгрессу, — сделает возможным фундаментальное, далеко идущее и уникальное изменение в наших отношениях с другими индустриальными государствами, особенно с другими членами Атлантического сообщества. Как НАТО было беспример-

ным явлением в военной истории, так это мероприятие беспрецедентно в экономической»⁶⁴.

Таким образом, Кеннеди снова использовал старую атлантическую идею для попытки создать вслед за НАТО, ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) и др. такое атлантическое объединение, которое охватывало бы все страны «западной цивилизации», было бы спаяно единством идеалов и практических интересов, стало бы господствующим мировым центром силы и находилось бы под руководством и контролем могущественнейшего из своих членов — США.

Вместе с тем Кеннеди включал в свой «великий проект», содержащий немало «мирных», «либеральных», «взаимовыгодных» и прочих предложений, и такую задачу, как противодействие политике неприсоединения, самостоятельного развития освободившихся стран. В опубликованном в поддержку «торговой инициативы» Кеннеди докладе Гертера — Клейтона прямо признавалось, что непосредственной целью США в борьбе с коммунизмом является «контроль над странами», в которых проживает 1500 млн. человек (данные начала 60-х гг.) и которые «занимают половину суши земного шара, главным образом в тропиках и далее к югу. Они обладают огромными природными ресурсами... Нужно показать оспариваемым странам, что их наилучшие интересы требуют, чтобы они ассоциировались в этом историческом процессе (создания Атлантического сообщества. — Ю. М.)»⁶⁵.

Программа реализации «великого проекта» Кеннеди выглядела примерно следующим образом: во-первых, пока конгресс рассматривает и принимает Акт о расширении торговли, Великобритания вступает в «Общий рынок», в результате чего пресекаются тенденции к экономической обособленности и протекционизму отдельных районов капиталистического мира — в наибольшей степени в отношениях Британского содружества наций и Западной Европы с Африкой; во-вторых, создается «внутреннее» экономическое Атлантическое сообщество, своего рода хозяйственный механизм НАТО, в котором наиболее выгодное положение (в силу множества оговорок акта 1962 г. о «предохранении» и «содействии» американской экономике) займут США; в-третьих, устанавливаются аналогичные торговые и другие узы между Атлантическим сообществом и периферией капиталистического мира, и, наконец, в-четвертых, весь «свободный мир» превращается в огромное поле деятельности для частной инициативы, постепенно ин-

тегрируется экономически, а затем и в других областях жизни под эгидой американского империализма.

Вынашивая проекты объединения капиталистических государств, правительство Кеннеди в то же время взяло курс на проведение дифференцированной политики в отношении стран социализма, целью которой было подорвать единство социалистического содружества, вызвать желаемые для американского империализма изменения их политики в направлении «либерализации», т. е. разложения социалистического строя, разрыва с СССР.

Выступая 13 июля 1962 г. с речью в защиту политики, направленной на поддержание и распространение «свободы» «без создания условий, которые могли бы вызвать термоядерную войну», один из авторов проекта Атлантического сообщества Д. Болл достаточно откровенно изложил суть подхода правительства Кеннеди к проблеме взаимоотношений мирового капитализма и социализма. Он заявил, что США должны постоянно обладать огромной военной силой, совершенствовать атлантическое партнерство, содействовать молодым государствам в достижении «способности сопротивляться давлению и искушениям со стороны коммунистического блока (давно доказано, что давление на них оказывают не социалистические страны, а силы международного империализма во главе с США. — Ю. М.)». Но это не будет чисто «оборонительная, пассивная» политика, наподобие «сдерживания» или создания «крепости свободного мира», ибо одновременно, подчеркнул Болл, США будут стремиться «содействовать силам изменения внутри коммунистических стран», создавая для этого «эффективные полюсы притяжения» в капиталистическом мире⁶⁶. Иначе говоря, американские реакционные круги строили свои расчеты на том, что мировой капитализм должен расти, укрепляться, а система социализма слабеть и распадаться, в результате чего входящие в нее страны одна за другой поглощались бы американским империализмом, создаваемым им Атлантическим сообществом. Разумеется, такого рода расчеты строились на песке и игнорировали реальные процессы международного развития, сложившееся в мире соотношение сил.

Характерно, что, оказывая подчас внешние знаки внимания и уважения другим странам и их представителям, Кеннеди и его окружение в то же время усиленно культивировали образ великой, щедрой, справедливой, мудрой и сильной Америки во главе с идеальным — молодым, энергичным, великодушным, всезнающим и т. п. — лидером, ок-

руженным не менее блестящей свитой соратников, помощников и советников. Пропаганда подобного образа помогла не только маскировке подлинного содержания политики «новых рубежей», но и распространению иллюзии о своего рода американском «просвещенном абсолютизме» как в США, так и за их пределами.

Своими декларациями и проектами лидеры политики «новых рубежей» во многом содействовали определенному подъему великодержавных, имперских настроений в Америке. Но реальная действительность ставила перед ними тем более серьезные препятствия, чем более грандиозные планы, наподобие «великого проекта», они разрабатывали и провозглашали.

Настойчивые попытки правительства Кеннеди теми или иными путями реализовать проект Атлантического сообщества разбивались одна за другой, наталкиваясь на «европеизм» деголлевской Франции, отказ Индии и многих других стран следовать по американскому пути развития, кризисы политики «новых рубежей» в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке и т. д. Более того, после карибского кризиса, в октябре 1962 года, президент Кеннеди признал необходимость улучшения советско-американских отношений, дезавуировал, по крайней мере на словах, идею «Рах Америка».

Внутри самой Америки более «либеральные», гибкие, «мирные» и замаскированные методы проведения глобальной имперской политики, включавшие в себя отдельные компромиссы и соглашения с контрагентами США на мировой арене, вызвали резкое недовольство и сопротивление со стороны шовинистически и воинствующе настроенных влиятельных реакционных кругов. Само убийство Дж. Кеннеди, очевидно, явилось результатом заговора против него представителей крайне правых, расистских и антикоммунистических сил.

Под давлением этих сил, с одной стороны, и стремясь превзойти своего предшественника в реализации планов американского мирового лидерства — с другой, новая администрация демократов во главе с Л. Джонсоном снова выступила с крайне авантюристическими притязаниями на имперскую гегемонию США в мировых делах. Этому способствовало также относительное усиление военного и экономического потенциала США в первой половине 60-х годов и переоценивание этого и ряда других факторов их внутри- и внешнеполитического положения правящими кругами страны.

Сочинителями очередных теорий, «обосновывающих» претензии американского империализма на мировое господство, на роль всемирного лидера и полицейского, выступили, в частности, один из влиятельных внешнеполитических советников правительства демократов З. Бжезинский, руководитель отдела планирования госдепартамента, а затем помощник президента Джонсона по вопросам национальной безопасности У. Ростоу и др.

Бжезинский, например, подверг критике тех американских деятелей и ученых, которые реалистически отмечали такие долговременные тенденции международной жизни, как ослабление мировых позиций США, ограниченность их силы, влияния и возможностей, рост и укрепление других государств. Представители этого направления выдвинули тезис о переходе от «биполярной» к «полицентрической» системе мира. Пытаясь произвести очередной «переворот» в самой американской буржуазной политологии, он заявил, что Соединенные Штаты, во-первых, далеко обогнали остальные страны в своем научно-техническом и даже социально-экономическом развитии, вступив первыми и единственными в «постиндустриальную», или «технотронную» (этот термин был изобретен самим Бжезинским), эпоху, и, во-вторых, заняли на мировой арене монопольную позицию господствующей силы.

Один из ведущих апологетов «сверхдержавы № 1» не только отказывал в статусе великой державы Советскому Союзу, называя его «региональной силой»*, но и отодвинул назад в своем развитии — на стадию автомобильной революции страны Западной Европы и Японию, не говоря уже о развивающихся государствах, которые вообще, с его точки зрения, находились в основном в состоянии «беспорядков».

Делая практические выводы из своих теоретических «открытий», Бжезинский прежде всего пытался утвердить право США на руководство всеми остальными странами и, более того, на американское вмешательство вплоть до военного в дела тех из них, где события развивались бы в неугодном Вашингтону направлении. «Сегодня наше глобальное вовлечение и наше превосходство в силе таковы, что их сокращение привело бы к международному хаосу огромных размеров.. — утверждал он. — Можно сказать,

* Буквально через несколько лет Бжезинский ударился в другую крайность, заявив о якобы вступлении СССР в период некоей «глобальной военной экспансии», о его стремлении достичь превосходства над Америкой и т. п.

что интервенция (США. — Ю. М.) оправдана во всех случаях, когда отказ от нее будет создавать региональную нестабильность возрастающих масштабов»⁶⁷.

Сам президент Джонсон, выступая с претенциозной программой построения «великого общества» в Америке, весьма недвусмысленно дал понять, что она имеет не только внутренние, но и важные внешнеполитические цели — служить «примером» для переустройства всего мира по образу и подобию Соединенных Штатов, под их руководством и опекой. «Мы намереваемся показать, — заявил он в одном из своих выступлений, — что мечта нашей нации о великом обществе не останавливается на берегах океанов и что это не только американская мечта. Мы будем приветствовать всех, кто захочет разделить ее. Все приглашаются содействовать ее осуществлению». Иначе говоря, правящие круги США хотели бы не только увековечить в собственной стране эксплуататорский капиталистический строй, но и навязать его остальным странам вместе с присущими ему пороками: безработицей и расовой дискриминацией, преступностью и порнографией, засильем продажных политиканов, милитаристов и реакционеров, бесправием и лишениями широких слоев населения.

Правительство Джонсона объявило национально-освободительные и другие революционные движения «новым вариантом мирового коммунистического заговора и агрессии» и встало на путь открытой войны против них, пытаясь подавить и ликвидировать их силой. Прямые военные интервенции США в Конго (Заир), Доминиканской Республике и Вьетнаме явились непосредственным выражением решимости правительства президента Джонсона и стоящих за ним кругов господствующей элиты США сыграть роль всемирного лидера и полицейского.

Агрессия США во Вьетнаме стала самым резким проявлением послевоенной глобальной агрессивной политики американского империализма, нацеленной на завоевание мирового господства. Профессор Университета Джона Гопкинса Р. Такер и президент Потомакской ассоциации В. Уоттс писали, что «война (во Вьетнаме. — Ю. М.) в конечном итоге стала угрожать более важным интересам, которым она должна была послужить: поддержать под американским руководством стабильный мировой порядок, который обеспечил бы триумф либерально-капиталистических ценностей и институтов. Это тот самый большой интерес — имперский интерес, который должен в последнем счете объяснить Вьетнам»⁶⁸.

Ход событий в 1964 — 1968 годах, однако, снова подтвердил, что чем амбициознее и авантюристичнее становились имперские притязания и политика США, тем более широкое и решительное сопротивление встречали они, тем более сокрушительное поражение ожидало их.

Прежде всего Советский Союз сорвал все расчеты правящих кругов США истощить его в гонке вооружений и обрести подавляющее военно-стратегическое превосходство, которое они могли бы использовать в качестве средства давления, проводя свою глобальную экспансионистскую политику. К концу 60 — началу 70-х годов на мировой арене сложилось примерное равновесие ракетно-ядерных потенциалов СССР и США, был утверждён стратегический паритет между ними.

Тяжелое поражение потерпела американская интервенция во Вьетнаме. 550-тысячная экспедиционная армия США вместе с войсками марионеточного сайгонского режима при массивной поддержке новейшей военной техники и применении самых бесчеловечных методов и орудий войны не смогла одержать верх над героическим вьетнамским народом, сражавшимся за независимость и единство своей родины. Всесторонняя помощь СССР и других социалистических государств, солидарность мировой общественности, растущие протесты против грязной войны внутри самих США были важным фактором, способствовавшим боевым успехам патриотов Вьетнама, всего Индокитая в борьбе против американских агрессоров.

Под влиянием изменений в соотношении сил в пользу социализма на международной арене и поражений США во Вьетнаме ослабли межсоюзнические военно-политические связи в капиталистическом мире: фактически распался блок СЕАТО; вынужденную реорганизацию претерпела СЕНТО; усилились разногласия внутри НАТО; ряд стран добился ликвидации американских военных баз и американского присутствия на своей территории. Таким образом, в кризисном состоянии оказалась военно-политическая структура американской глобальной политики и империи.

Увязнув в безнадежной войне во Вьетнаме, США в значительной мере потеряли не только военно-политические, но и экономические влияние и позиции в ряде других районов и стран — от Западной Европы до Латинской Америки. С одной стороны, капиталистические конкуренты США, главным образом западноевропейские государства и Япония, опираясь на происшедшие в их пользу изменения в соотношении технико-экономических и торгово-финансо-

вых потенциалов, усилили свое наступление на мировом рынке. С другой — с крушением системы колониализма многие развивающиеся страны вслед за завоеванием политической независимости развернули борьбу за достижение экономической самостоятельности и социального прогресса. Некоторые из них вступили на путь некапиталистического развития, национализировали иностранную собственность, установили контроль и существенно ограничили свободу деятельности транснациональных, т. е. в первую очередь американских, корпораций. Таким образом, стала подрываться экономическая основа имперской политики США.

Наконец, миллиардные расходы на гонку вооружений и войну во Вьетнаме, а также человеческие и материальные потери США в этой войне резко обострили внутренние социально-экономические и политические противоречия американского империализма. Антивоенные движения и борьба негров за свои права, кризис доверия американского народа к своему правительству, инфляция и рост дефицита государственного бюджета, внешнеторгового и платежного балансов, падение производительности труда и сокращение золотовалютных запасов, обострение разногласий внутри правящей элиты — все это вело к подрыву тыла глобальной политики США. «Кто ищет сегодня новые рубежи или празднует создание великого общества? — вопрошала американская пресса. — Мечты воителей холодной войны о том, что Америка возьмет на себя руководство крестовым походом для спасения третьего мира от коммунизма, умерли вместе с последним американским «зеленым беретом» где-то во Вьетнаме. В свете коррупции в концернах и гигантских банкротств снизился апломб даже у бизнесмена — наиболее самоуверенного из всех американцев»⁶⁹.

Несостоятельность политики глобального антикоммунистического «крестового похода», экспансионизма и интервенционизма, нереальность мировых имперских притязаний США, необходимость отхода от ряда позиций, приспособления к новой расстановке и соотношению сил в мире все острее осознавались частью правящих кругов США.

Будучи вынужденными проводить политику «отступления от империи», как назвала ее группа видных американских политологов во главе с Р. Осгудом⁷⁰, правительство президента Джонсона к концу своего пребывания у власти, а затем с 1969 года республиканская администрация Никсона — Киссинджера стремились осуществлять это «отступление» в минимальных масштабах, с арьергардными

боями. Империалистический силовой характер и сущность американской политики оставались прежними, но менялись, и подчас весьма существенно, ее тактика, формы и методы, сокращались ее сферы и «обязательства».

Признание установления стратегического паритета США и СССР, самоубийственного риска термоядерной войны, невозможности нанести в мировом масштабе поражение силам социализма и национальной независимости побудили президента Никсона перейти от конфронтации к переговорам и соглашениям с Советским Союзом, в том числе особенно важным — об ограничении стратегических вооружений, к заключению мира во Вьетнаме и всем Индокитае. Американские вооруженные силы были выведены с азиатского континента. Сократилось число американских военных баз и воинских частей за границей. Временно был несколько сдержан рост военного бюджета США. Конгресс принял закон об ограничении полномочий президента вести необъявленные войны. Правительство Никсона — Киссинджера, по крайней мере на словах, признало существование в капиталистическом мире других «центров силы» — Западной Европы и Японии, с которыми США должны были строить свои отношения на новой, более равноправной основе партнерства, пытаясь при этом переложить на них часть своего «бремени» по «защите свободного мира».

В США возникло сильное движение за пересмотр национальных приоритетов, за переключение внимания и ресурсов с авантюрных и амбициозных внешнеполитических планов на решение больных внутренних проблем. Многие американцы выражали чувство горечи и стыда за свою страну, пытавшуюся играть роль мирового полицейского, ведущую грязную войну во Вьетнаме, втянувшую мир в гонку вооружений, в первую очередь ядерных. Имперская политика была серьезно дискредитирована в глазах большей части населения страны как глубоко аморальная и расходящаяся с американскими идеалами, а среди другой — как... недостаточно решительная и последовательная из-за «слабости» Америки и ее руководства.

Пытаясь в условиях серьезных внутренних и внешнеполитических кризисов укрепить собственные позиции и престиж, президент Никсон и его окружение развернули кампанию по подавлению и дискредитации всех своих противников. В ходе этой кампании за «имперское президентство», как окрестили в США стиль и методы руководства Никсона, были применены не только жестокие каратель-

ные меры (расстрелы студенческих демонстраций, аресты активистов антивоенного движения и негритянского движения и др.), но и самые бесчестные приемы: клевета, фальсификации, кражи документов, подслушивание и т. д. Во время проведения одной из таких «операций» — взлома штаб-квартиры демократов в отеле «Уотергейт» в период избирательной кампании 1972 года, сотрудники никсоновской администрации и были пойманы. Вызванный этим большой политический скандал привел в конечном итоге к аресту и осуждению ряда высокопоставленных членов правительства и сотрудников аппарата Белого дома и к уходу в отставку самого президента Никсона.

В результате грязной войны во Вьетнаме и уотергейтского скандала претендовавшее на роль блюстителя демократии и морали, защитника свободы и мира руководство США предстало перед всем миром и собственным народом как инициатор и проводник авантюристической военной политики. Стала очевидной его готовность пойти на все, даже на уголовные преступления, ради достижения своих имперских и корыстных личных целей. По признанию и свидетельству самих американских политических деятелей и ученых, и Вьетнам, и Уотергейт были порождениями глобальной силовой имперской политики США, «холодной войны», «крестового похода против коммунизма». Поэтому жестокие поражения, понесенные американским империализмом во Вьетнаме, в попытках достичь военного превосходства над СССР с помощью безудержной гонки вооружений означали одновременно серьезнейший провал его притязаний на роль мирового лидера, на установление «Рex Americana».

Исторический опыт послевоенной американской политики и развития международных отношений свидетельствовал о настоятельной необходимости дальнейших шагов руководства США в направлении признания сложившихся в мире реальностей и приспособления к ним, проведения политики мирного сосуществования, переговоров и соглашений с СССР и другими социалистическими странами, ограничения и сокращения вооружений, отказа от применения силы и угроз ею, от попыток строить отношения с остальными государствами на основах господства, подчинения и эксплуатации, от имперских претензий. Но Вашингтон — сначала осторожно и медленно, а затем все более откровенно и решительно — стал раскручивать новый виток антикоммунистической, имперской политики, опираясь прежде всего на силовые методы ее проведения.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ АМЕРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ

1. Обострение борьбы по внешнеполитическим вопросам

В конце 60 — середине 70-х годов произошли новые значительные сдвиги в международных отношениях в пользу сил социализма, национального и социального освобождения и мира. Рухнули фашистские режимы в Испании и Португалии, военная диктатура черных полковников в Греции. Распалась последняя колониальная империя в Африке — португальская. Независимость обрели Ангола, Мозамбик, Острова Зеленого Мыса и др. Национально-освободительные революции победили в Эфиопии и Зимбабве. Завершилась борьба вьетнамского народа против иностранных интервентов, за объединение своей родины, создались благоприятные предпосылки для развития отношений дружбы и сотрудничества всех народов Индокитая.

В Латинской Америке нарастала борьба против одной из самых кровавых диктатур — Сомосы в Никарагуа. Прогрессивные сдвиги происходили даже в сфере давнего господства британского колониализма — на островах Северо-Западной Атлантики и Карибского моря, которые один за другим обретали статус независимых государств, — Тринидаде и Тобаго, Гренаде, Барбадосе и др.

В условиях уменьшения международной напряженности, изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, ослабления американского и мирового империализма многие развивающиеся страны проявляли гораздо большую, чем в период «холодной войны», политическую и экономическую самостоятельность. Они добивались ликвидации американских военных баз на своей территории, активно поддерживали предложения по разоружению или выступали с инициативами в этой области, участвовали в поисках урегулирования нерешенных международных проблем путем переговоров, общей демократизации международных отношений. Подавляющее большинство развиваю-

щихся государств при поддержке стран социализма выступило в 1974 году с требованиями установления нового международного экономического порядка (НМЭП). Некоторые из них проводили серьезные внутренние преобразования, направленные на укрепление государственного сектора экономики, установление контроля над деятельностью транснациональных корпораций. Среднегодовое число актов национализации заграничных филиалов американских монополий в «третьем мире» со второй половины 50-х до середины 70-х годов увеличилось почти в 6 раз и превысило 280.

Для американского империализма события на международной арене в конце 60 — первой половине 70-х годов означали определенную потерю не только военного и политического влияния в мире, но и значительных сфер эксплуатации и ограбления других народов.

Прогрессивные перемены, происходившие за тысячи километров от центров финансово-промышленной олигархии США, воспринимались там как их «отступление», «поражения» и т. п. Любые провалы мирового империализма расценивались в Америке как ее собственные не только потому, что она считается лидером и «защитником» этой системы, но в первую очередь потому, что вся эта система рассматривалась ею как «невидимая» американская империя, в огромной степени контролируемая Соединенными Штатами. О масштабах господства и богатствах властвующей элиты этой империи свидетельствовало, например, то, что зарубежные активы корпораций США составляли, по официальным и, как правило, далеко не полным данным, в 1974 году 210,4 млрд. долл. (причем $\frac{4}{5}$ из них приходились на предприятия, где американскому капиталу принадлежало более 50% акций), а перевод прибылей в США по их иностранным операциям в том же году равнялся 26,1 млрд. долл.¹ Не меньше выгоды приносили крупнейшим американским монополиям и их внешнеторговая экспансия, господствующие позиции во многих международных финансовых учреждениях и т. д.

Охранять и помогать приумножать эти активы и прибыли были призваны американские вооруженные силы и дипломатия. Определяя масштабы вовлеченности США в мировые дела, а точнее военно-политические параметры американской империи, специальная подкомиссия сенатской комиссии по иностранным делам во главе с С. Саймингтоном констатировала в 1970 году: «США столь широко распространили свое военное присутствие за грани-

цей, что превратились в мирового полицейского. Они несут обязательства по защите 43 стран, имеют 375 крупных и более 3000 средних и мелких баз во всем мире...»². При этом речь шла только об официальном присутствии и активности США в других странах. Но помимо этой «узаконенной» активности, как было подтверждено во время многочисленных скандалов и разоблачений середины 70-х годов, американские империалисты развили огромную тайную агентурную сеть ЦРУ и других шпионско-диверсионных служб, расширили деятельность ЮСИА и множества других каналов распространения политического, информационного, культурного влияния США на другие страны.

Почти любые кризисы и потрясения в капиталистическом мире после второй мировой войны самым непосредственным образом затрагивали его американизированную структуру, ослабляли позиции американского империализма. Они вынуждали США не только к перестройке, приспособлению, «обновлению» системы капитализма, но и к применению любых средств и методов, включая военные, для сохранения ее целостности и господства американского империализма над ней.

Рассказывая о проекте «1980-е годы», который, как и некоторые другие внешнеполитические планы США, начал разрабатываться в «имперском мозговом тресте» — Совете по международным отношениям в середине 70-х годов, американские исследователи Шоуп и Минтер писали: «Проект «1980-е годы» имеет своей целью создание новой глобальной политической и экономической системы для замены существующей. Нынешняя находящаяся под господством Америки международная капиталистическая система медленно дезинтегрируется с конца 60-х годов под воздействием конкуренции между развитыми капиталистическими странами, войны во Вьетнаме, бедности и революции в третьем мире, инфляции, валютных проблем, успеха нефтяного картеля (т. е. ОПЕК. — Ю. М.) и глобальных сдвигов в соотношении сил. Своевременность такого проекта, таким образом, очевидна для руководства совета (т. е. для господствующей элиты Америки. — Ю. М.)»³.

Кризис основ империалистического господства США в капиталистическом мире вызвал новое серьезное обострение внутривнутриполитической борьбы в стране. Три обстоятельства сыграли особенно важную роль в том, что в ходе этой борьбы снова все более заметно верх стала брать агрессивная реакционная политика. Первое из них — это неиз-

менность сущности американского империализма, второе — укоренелость в США ложных представлений об их исключительности, превосходстве, высокой миссии, непогрешимости, всемогуществе и т. п. И, наконец, третье, тесно связанное с двумя первыми, — это нежелание и неумение извлекать должные уроки из своего же собственного исторического опыта, крайняя субъективность, конъюнктурность и изменчивость оценок внешнего и внутреннего положения страны, ее возможностей и перспектив проводимой политики, склонность к внешнеполитическому волюнтаризму и авантюризму.

Растерянность и страх перед прогрессивными сдвигами в мире, бурными выступлениями молодежи, антивоенным движением, борьбой негров и других национальных меньшинств в собственной стране побуждали идеологов и политиков американского империализма к выдвиганию подчас противоречивых предложений по спасению и укреплению его позиций. При этом, как это часто происходило и происходит в США, леволиберальные и пацифистские круги проявляли нерешительность и непоследовательность в своих рекомендациях по «исправлению ошибок» внешней и военной политики США, а реакционно-агрессивные, консервативные силы разрабатывали и упорно пытались осуществить свои замыслы о переходе в контрнаступление, «возрождении величия и силы» Америки, ликвидации «вьетнамского синдрома», об отказе от признания принципов мирного сосуществования, равноправных и взаимовыгодных переговоров и соглашений с другими государствами, прежде всего с СССР. Они сознательно нагнетали в стране обстановку неуверенности и страха, призывали «пробудиться» перед лицом якобы нависшей над ней угрозы из-за океанов, найти «новые идеалы и силы» и т. п.

Воспевавший десять лет тому назад «технотронную» Америку и обосновывавший ее политику глобального интервенционизма З. Бжезинский теперь открыто бил тревогу по поводу того, что Америка оказалась «во враждебном ей мире», так как «то, что происходит в этом мире, кажется, столь резко расходится с американскими ценностями и ожиданиями». И тем не менее он предлагал искать выход из опасной «изоляции Америки» с помощью идущей, по его мнению, несмотря ни на что, «американизации» мира, новой формы американского воздействия на остальной мир с использованием технологии и массовой культуры, американской силы, остающейся «центральной для глобальной стабильности и прогресса», а также с помощью

внесения некоторых коррективов во внешнюю политику США. Причем эти коррективы должны были предусматривать не столько отдельные уступки Америки другим развитым и развивающимся капиталистическим странам, сколько вмешательство во внутренние дела восточноевропейских стран с целью реставрации там капитализма, изоляции их от СССР⁴, т. е. Бжезинский призывал к новой активизации глобальной антикоммунистической, гегемонистской политики США.

Совпадение многих неблагоприятных и нежелательных для американского империализма перемен в мире с периодом смягчения международной напряженности, проведения политики переговоров и соглашений между социалистическими и капиталистическими странами, в первую очередь между СССР и США, способствовало распространению среди части правящей элиты страны убеждения, что в основе этих перемен и поражений американского империализма лежат не объективные закономерности и внутренние причины, как это было на самом деле, а политика разрядки, якобы навязанная Западу Востоком.

Пытаясь опровергнуть подобную точку зрения и защитить Никсона и себя самого от обвинений в пораженчестве, государственный секретарь США Г. Киссинджер в интервью журналу «Ю. С. нью энд Уорлд рипорт» признал, что «провал» — это «отчасти также кодовое обозначение для разочарований в связи с Вьетнамом, которые США сами в какой-то мере навлекли на себя. Это также отражение в некоторой степени крушения надежд США в мире, в котором впервые в современной истории им придется иметь дело со странами приблизительно равной им силы и в котором они больше не могут контролировать ход событий, как прежде»⁵. Более или менее реалистические оценки происходящих в мире событий и возможностей США, однако, все более ожесточенно оспаривались в кругах господствующей американской элиты, встревоженной и недовольной как внутренними, так и международными сдвигами, приведшими к ослаблению позиций мирового и американского империализма.

Нараставшая воинствующая антисоветская кампания подогревалась также стремлением отвлечь внимание американского народа от внутренних трудностей и противоречий капиталистического общества, все стороны которого были охвачены кризисными явлениями. Эта кампания преследовала цель в какой-то мере нейтрализовать, преодолеть широко распространившиеся в стране антивоенные

настроения, кризис доверия широких масс населения к политике американского руководства. Она была задумана как одно из главных средств восстановления престижа Америки как лидера западного мира, «сверхдержавы № 1», сильно подорванного Вьетнамом и Уотергейтом. «То, что мы сейчас наблюдаем, — отмечал Дж. Чейз, — это призрак джингоизма, дух самоуверенного прошлого — защитная реакция нации, боящейся, что простое сокращение ее силы будет означать бессилие, и, следовательно, активно ищущей возможности доказать себе и другим, что она еще обладает способностью к господству»⁶.

Разумеется, подлинные причины недовольства разрядкой руководителей транснациональных корпораций, военно-промышленного комплекса, политических консерваторов высказывались довольно осторожно — атмосфера в мире, да и в самой Америке середины 70-х годов была весьма неблагоприятна для этого. Но тем более активно изыскивались и распространялись самые различные мифы, теории и элементарная ложь, в первую очередь о советской политике мирного сосуществования и о СССР вообще. Так, враги разрядки потратили немало сил, трубя об «опасных» для «свободного мира» последствиях смягчения международной напряженности и разоружения, об «ответственности коммунистов» за происходившие в различных странах и регионах мира прогрессивные, революционные изменения и т. д. Пуская в ход стереотипы «холодной войны», силы реакции пытались дискредитировать политику разрядки в целом, чтобы настроить против нее теми или иными способами американскую общественность, подготовить и развернуть новый раунд борьбы за мировое превосходство и господство США.

Вопреки всем нормам международного права и взаимоотношений между суверенными государствами противники улучшения советско-американских отношений, например, пытались обусловить его изменениями во внешней, оборонной и даже внутренней политике СССР. Они широко пустили в ход утверждения о том, что Советский Союз якобы получает односторонние преимущества в вопросах ограничения вооружений, торговли и т. д. и что эти «уступки» США должны компенсироваться отказом СССР от ряда своих принципиальных позиций. На СССР возлагалась «ответственность» за поражения США в Индокитае и победы национально-освободительных революций в Африке, за возникновение на Ближнем Востоке войны в октябре 1973 года и... за энергетический кризис в Америке и т. п.

Лживые заявления о нарушениях прав человека и свободы информации в Советском Союзе и других социалистических странах, о якобы растущей военной угрозе со стороны СССР сопровождались требованиями об усилении военных приготовлений США и проведении более жесткой линии по отношению к СССР, другим социалистическим странам, освободившимся государствам, стоящим на антиимпериалистических позициях.

В марте 1974 года сенатор-демократ от штата Вашингтон (или, как его часто представляют, от военно-авиационной корпорации «Боинг») Джексон выступил с публичными нападениями на правительство Никсона за то, что «оно желает сузить свою концепцию разрядки до такой степени, чтобы исключить из нее вопрос о правах человека». Он утверждал, что американскому народу будто бы предоставлен «фальшивый выбор между спасением от ядерной войны и сохранением веры в традиционные ценности человеческого достоинства и индивидуальной свободы». Преследуя сразу несколько целей: оклеветать Советский Союз и вмешаться в его внутренние дела, сорвать процесс улучшения советско-американских и международных отношений и воспрепятствовать ограничению гонки вооружений, обелить оскандалившуюся «американскую демократию» и оживить претензии на мировое лидерство США, — Джексон выдвинул подхваченное затем многими другими политическими деятелями США утверждение о том, что «подлинная разрядка должна базироваться на более свободном передвижении людей и идей»⁷. Он же выступил одним из инициаторов «увязывания» вопросов развития торговли и предоставления американских кредитов СССР с требованиями различных политических и военных уступок с советской стороны, непосредственно затрагивающих ее суверенитет и безопасность. Джексон внес в сенате поправку к правительственному законопроекту о реформе внешней торговли, запрещающую предоставлять СССР статус наиболее благоприятствуемой нации в случае, если не будут изменены в угодном для сионистов духе советские эмиграционные законы. «Ограничительные дополнения к законопроекту о торговле, — признавал М. Шульман, возглавлявший в тот период Русский институт Колумбийского университета, — имеют характер ультиматума, выдвигающего невыполнимые условия, которые неизбежно вызовут сопротивление среди советского политического руководства и произведут противоположный эффект»⁸. Но этого как раз и добивались Джексон и другие реакционеры, ко-

торые настойчиво сопротивлялись уменьшению напряженности в советско-американских отношениях.

Провокационный характер и далеко идущие цели поправок Джексона, Вэника и Стивенсона, внесенных при обсуждении законопроекта о торговле США с СССР и другими странами, были полностью разоблачены в специальном Заявлении ТАСС по данному вопросу. В нем отмечалось, что противники нормализации советско-американской торговли, улучшения советско-американских отношений вообще с самого начала поставили своей целью «не допустить налаживания обоюдывыгодных экономических связей между СССР и США, включая взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и ее кредитовании, а говоря точнее — устранение дискриминационного режима, применяемого США в отношении СССР.

Дело дошло до того, что положительное решение этих вопросов стали обуславливать разного рода оговорками, представляющими собой не что иное, как грубое вмешательство во внутренние дела Советского Союза. Только так можно квалифицировать попытки включить в законопроекты положения, касающиеся, например, выезда советских граждан в другие страны, предоставления американским учреждениям экономической информации чисто внутреннего характера и т. п., и уж, конечно, лишь в результате потери чувства реального могла появиться идея создания в США каких-то органов по наблюдению за выполнением Советским Союзом этих положений»⁹.

Демагогические заявления Джексона и других реакционных политиков о «свободе и демократии» на деле служили прикрытием для усилившихся попыток господствующих кругов США утвердить свое «право» диктовать остальным государствам нормы их «поведения», бесцеремонно вмешиваться в их внутренние дела, выступать одновременно в роли проповедника и надзирателя над другими народами.

Раскрывая сугубо антисоветский и политиканский характер раздуваемой в США кампании за изменение эмиграционных законов в СССР, известный американский обозреватель Т. Уикер отмечал, что члены конгресса, требующие советских уступок в вопросе об эмиграции, придерживаются двойного стандарта: «Они не шумят столь громко о чилийских беженцах... или о правах человека во многих странах с репрессивными режимами, за предоставление которым военной и других видов помощи они ежегодно голосуют»¹⁰.

В конце 1974 года противникам развития советско-американского сотрудничества удалось сорвать вступление в силу соглашения о торговле, заключенного между СССР и США в 1972 году. Сложившаяся в американском конгрессе коалиция, в которую вошли как защитники интересов военно-промышленного комплекса и сионизма, так и просто противники республиканской администрации, как консервативные деятели, так и либералы, связала предоставление Советскому Союзу торговых кредитов и статуса наиболее благоприятствуемой нации с совершенно недопустимыми попытками вмешаться в область его внутренней юрисдикции.

Разумеется, подобные попытки заранее были обречены на провал, о чем советская сторона неоднократно предупреждала американскую, подчеркивая, что развитие добрых отношений между СССР и США может происходить только на принципиальной, полностью равноправной и взаимовыгодной основе, исключающей всякое вмешательство во внутренние дела партнера, диктат ему своих условий, недопустимое увязывание международных проблем с внутренними вопросами каждой из стран.

Содержавшееся в ряде подписанных в 1972—1975 годах двусторонних советско-американских и многосторонних международных документов признание принципов мирного сосуществования США с СССР как раз и вызывало особое недовольство сторонников превосходства Америки над другими государствами, имперского, силового подхода к отношениям с ними. Понимая, что в основе этих соглашений лежит прежде всего военное равновесие сил между СССР и США, они стали уделять особое внимание подрыву этого равновесия, концентрировать свои атаки на центральном направлении советско-американских переговоров — подготовке нового соглашения об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-2. «Оппозиция американских военных новому договору ОСВ, — вспоминал в своих мемуарах Р. Никсон, — окончательно выявилась в ходе заседания Совета национальной безопасности... 20 июня, когда министр обороны Шлесинджер представил проект Пентагона. Он сводился к бескомпромиссной, жесткой линии против любого соглашения ОСВ, которое не обеспечивало бы подавляющего преимущества США. Это был проект, который советская сторона, несомненно, отвергла бы с ходу»¹¹.

Американские милитаристы, стремящиеся силой распространить границы «безопасности» и империалистических интересов США на весь мир, выступали в первых рядах

противников «отступления» Америки от имперской политики. Так, бывший командующий интервенционистскими войсками во Вьетнаме, начальник штаба сухопутных сил США генерал К. Абрамс поспешил заявить, что разрядка — это скорее «ощущение», чем «объективный факт», и что это состояние может измениться «столь же быстро, сколь быстро вообще меняются ощущения»¹². Со своей стороны Шлесинджер, призывая к преодолению «вьетнамского синдрома», т. е. широко распространившихся среди американского народа антивоенных, антиинтервенционистских настроений, начал утверждать, что один из уроков вьетнамской войны, который можно и нужно учесть, гласит: вместо того чтобы просто противостоять мощи противника и вести бесконечные вспомогательные военные операции, «надо уничтожить его вооруженные силы»¹³.

Хотя главным объектом нападков являлись советско-американские отношения, однако недовольство агрессивных империалистических кругов Америки вызывала не только разрядка. Их раздражали известные тенденции в политике ряда стран Западной Европы и развивающегося мира: отказ большинства западноевропейских стран поддержать произраильскую позицию США во время войны 1973 года на Ближнем Востоке и их попытки достигнуть взаимоприемлемых соглашений по нефти со странами ОПЕК; стремление арабских и других стран «третьего мира» — поставщиков нефти и прочих видов сырья обеспечить себе большую долю доходов от эксплуатации их собственных ресурсов, ограничить хозяйничанье и сверхприбыли иностранных монополий; проявление большей самостоятельности и меньшего «уважения» к американской силе со стороны все растущего числа капиталистических государств и т. д.

В 70-х годах произошло существенное отступление от того, что иногда называют имперским подходом, с явным неудовольствием вынужден был констатировать один из американских консервативных идеологов П. Конкуэст¹⁴.

В США сначала исподволь, а затем все более открыто стала проповедоваться мысль о том, что якобы все понесенные американским империализмом поражения объясняются недостаточностью военной силы и нерешительностью в ее использовании. «Соединенные Штаты не могут отбросить силы истории, — писала «Уолл-стрит джорнэл» в одной из своих статей, перепечатанных массовым тиражом в «Ридерс дайджест», — но они в состоянии еще очень сильно воздействовать на темп и направление изменений в мире,

если бы им удалось показать некоторую решительность»¹⁵.

Было очевидно, что попытки торможения и срыва переговоров об ограничении вооружений, сокращении вооруженных сил и военных расходов вызывались как непосредственной материальной заинтересованностью военно-промышленного комплекса, так и стремлением преданных политике силы правящих кругов США вновь сделать ставку преимущественно на военные средства и методы обеспечения интересов американского империализма в «кризисных» районах.

Главным из таких районов для Вашингтона оставалась Азия. Американские руководители до последнего момента пытались спасти марионеточный режим в Сайгоне, а когда он рухнул, паника охватила многих из них, опасавшихся, что вслед за ним здесь падут и другие опорные пункты американского империализма. Отправившись в поездку по странам Азии, президент Форд 7 декабря 1975 г. провозгласил собственную азиатскую доктрину, согласно которой ни один из районов мира не являлся для американцев «более важным, чем Азия». И главным средством сохранения «стабильности» в этом районе, т. е. американских позиций и интересов, должна была служить сила США¹⁶.

Доктрина Форда наглядно продемонстрировала, что США уходили из Азии, чтобы остаться там. Более того, именно в этом регионе и в этот период снова резко проявились имперские амбиции в современной американской политике. Вопреки международным соглашениям, решениям ООН и собственным обязательствам США в начале 1976 года вознамерились включить в свой состав в качестве очередного «свободно присоединившегося государства» Марианские острова, произвольно отделив их от остальных отданных им под опеку в конце второй мировой войны островов архипелага Микронезии. Отмечая, что этот акт «чреват массой юридических осложнений для США», «Нью-Йорк таймс» откровенно назвала его «прямой территориальной аннексией»¹⁷.

Вторым районом, вызывающим (в связи с применением арабскими странами эмбарго на нефть и энергетическим кризисом в США) с середины 70-х годов особое внимание Вашингтона, стал Ближний и Средний Восток. Еще в начале марта 1974 года Пентагон направил в Индийский океан авианосец «Китти Хок», который должен был положить начало «регулярному присутствию» здесь вооруженных сил США. Выступая по этому вопросу в подкомиссии по делам Ближнего Востока и Южной Азии сенатской ко-

миссии по иностранным делам, директор военно-политического управления госдепартамента Уэйес заявил, что США имеют в данном регионе «широкий круг чрезвычайно важных интересов» — коммерческих, нефтяных и др. и что присутствие в связи с этим американских военных сил вблизи Южной Азии должно послужить «важным дипломатическим рычагом»¹⁸. Еще более откровенно выступили Шлессинджер и Киссинджер, открыто пригрозившие арабам военными санкциями—оккупацией их территории и даже применением атомного оружия, если они попытаются «удушить Запад» путем лишения его поставок нефти.

Стремление империалистических кругов США сохранить в своих руках стратегически важные позиции и источники сырья на Юге Африки сыграло большую роль в возникновении еще одной кризисной для США ситуации — в Анголе. Правительство Форда попыталось здесь использовать наемные проимпериалистические раскольнические группировки и армейские части ЮАР для того, чтобы помешать прийти к власти правительству Народного движения за освобождение Анголы, а затем свергнуть его. Однако эта попытка с позором провалилась в результате героического отпора ангольских патриотов, помощи им со стороны СССР, Кубы и других социалистических стран, солидарности с Анголой большинства государств Африки, противодействия американской общественности и конгресса — под влиянием вьетнамского опыта — новому «тайному» и открытому вмешательству правящих кругов США в дела других стран.

Натолкнувшись в своих первых послевьетнамских попытках активизировать глобальную силовую имперскую политику на осуждение и сопротивление как на мировой арене, так и в собственной стране, господствующие круги США с новой силой принялись за разжигание антисоветской и милитаристской истерии.

Одной из наиболее отрицательных и опасных черт американской «демократии» является чрезмерная свобода обращения многих государственных деятелей США с важнейшими международными проблемами, в первую очередь войны и мира, разоружения и отношений с другими государствами, их внутренних дел.

Объясняется это прежде всего тем, что политические руководители Америки ориентируются главным образом на узкоклассовые, материальные интересы и идеологические установки господствующей элиты Америки и при этом стремятся показать себя наиболее верными и способными слугами этой элиты. Кроме того, находящиеся у власти или рву-

щиеся к ней американские политики, добиваясь получения голосов своих избирателей — средних американцев, играют на их личных заботах и расово-национальных чувствах, пытаются изобразить из себя защитников интересов простых людей и т. п. Манипулируя настроениями и взглядами различных слоев населения, спекулируя на их нуждах, они стремятся активно воздействовать на электорат в желаемом для господствующей элиты США направлении. Они мобилизуют весь арсенал имеющихся в их распоряжении средств — от демагогии до фальсификаций, чтобы оправдать в глазах собственного народа имперскую авантюристическую политику интересами «национальной безопасности» и благосостояния Америки.

Правящие круги США прилагают немало сил для того, чтобы обойти или устранить внутренние и внешние препятствия для реализации своих экспансионистских, милитаристских замыслов и планов. И только широкое и стойкое сопротивление подобным попыткам со стороны других государств и народов, а также оппозиция им внутри самой Америки могут вынудить и вынуждают Вашингтон вносить те или иные коррективы во внешнюю политику США.

Как только началась подготовка к избирательной кампании 1976 года, нападки на политику улучшения отношений с СССР, разрядки международной напряженности в целом, «отступления от империи» приняли в США особенно широкий и ожесточенный характер. Почти все претенденты на пост президента в той или иной степени стали выражать свое недовольство и общими результатами этой политики, и такими ее конкретными проявлениями, как договоренности об ограничении гонки стратегических вооружений, соглашение о продаже в течение пяти лет американской пшеницы СССР, Заключительный акт совещания в Хельсинки и т. д.

Задававшие тон в избирательной кампании 1976 года кандидаты — республиканец Рейган и демократ Джексон сделали фактически главной темой своих выступлений голословные обвинения правящей администрации в «слабости» по отношению к СССР, другим социалистическим и развивающимся странам, в пренебрежении к военной подготовленности США, в превращении разрядки в «улицу с односторонним движением» и т. п. Под их давлением президент Форд стал ужесточать свою позицию по отношению к Советскому Союзу, отказался от использования самого термина «разрядка», не решился пойти на завершение переговоров и подписание нового договора об ограничении

стратегических вооружений, который был почти полностью подготовлен на основе владивостокской договоренности 1974 года. Рейган уже вынудил Форда, писала 3 мая 1976 г. «Нью-Йорк таймс», сделать крен вправо, «и в дальнейшем этот крен, вероятно, еще усилится. Не проходит и недели без того, чтобы президент не принял какой-либо новой грандиозной программы военных расходов, призванной доказать, что он заботится об обороне страны еще больше, чем Рейган. Сегодня это новые военные корабли для ВМС. Завтра это решение построить бомбардировщик В-1...»

Приспосабливаясь к нарастающему давлению справа, Г. Киссинджер также стал наряду с оправданиями политики Никсона — Форда высказывать «разочарование в разрядке». При этом он ссылался на мнимые нарушения ее «правил» Советским Союзом, на вступление СССР в некую стадию «глобальной имперской экспансии», на грозящую будто бы опасность завоевания им «военного превосходства» над США в 80-х годах и т. п. Подобные высказывания отражали, однако, не только определенный поворот Киссинджера и стоящих за ним кругов вправо, но и их сильное раздражение в связи со многими провалами американской дипломатии в различных районах земного шара. «Величайшим недостатком Киссинджера, — признавал журнал «Ньюсуик», — является его решимость держаться консервативных позиций в революционный век. Его желание сохранить стабильность заставило игнорировать тот факт, что политические, экономические и социальные изменения, которые, как представлялось, противоречат американской заинтересованности в статус-кво, могли быть выражением скорее глубокого народного недовольства... Таким образом, во имя укрепления «доверия» к США он содействовал сохранению диктатуры в Греции и свержению конституционного правительства в Чили. И до того момента, пока события в Анголе не угрожали разжечь расовый конфликт в Африке, он был предан идее увековечения белого правления на этом континенте. Хуже всего то, что он поддержал разорение Камбоджи и обанкротившийся режим во Вьетнаме (Южном. — Ю. М.)...»¹⁹.

Распаленные неудачами американского империализма на мировой арене, соперничающие в борьбе за высший государственный пост в стране, кандидаты в президенты стремились представить себя в качестве наиболее преданных защитников глобальных интересов Америки, допускали самые грубые выпады по адресу других государств и народов, не желавших подчиняться имперскому диктату США.

Касаясь требований Панамы о восстановлении ее суверенитета над зоной Панамского канала, Рейган заявлял: «Мы построили его, мы за него заплатили, он наш, и мы сохраним его за собой»²⁰. Отвечая на вопрос о возможности нового арабского эмбарго на нефть, Картер обещал, что в ответ он скорее объявит «тотальную экономическую войну» против арабов, чем позволит «снова поставить на колени» Америку. Повторяя клевету о «советской угрозе» Южной Африке и подходя с двойным стандартом к политике СССР и США, Форд восклицал: «Как могут Соединенные Штаты, сильнейшая держава в мире, согласиться с тем, чтобы Советский Союз безнаказанно действовал за много тысяч миль от своей территории!»

Вторя претендентам на президентский пост, кандидат в сенаторы от штата Нью-Йорк Мойнихэн пугал американцев тем, что «коммунисты захватят Анголу и вследствие этого в значительной мере будут контролировать морские маршруты снабжения нефтью из Персидского залива в Европу. Они выйдут на подступы к Бразилии!» Он же заявлял, что «Соединенные Штаты должны игнорировать уроки Вьетнама и жестко обращаться с остальным миром»²¹ и т. д.

Непоследовательность или пассивность многих представителей и сторонников курса на смягчение международной напряженности, на приспособление США к происходящим в мире переменам давали возможность ультрареакционным кругам оказывать возрастающее давление на американское правительство, добиваясь от него возвращения к «холодной войне». Фактически администрация президента Форда до конца своего пребывания у власти в 1976 году все больше переходила на позиции замораживания советско-американских отношений, предпринимала попытки направить ход событий на мировой арене в благоприятное для американского империализма русло.

Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко при встрече с президентом Фордом 1 октября 1976 г. указал, что «на протяжении последнего времени с американской стороны имели место заявления и действия, которые не согласуются с курсом, нашедшим выражение в соответствующих советско-американских документах, подписанных в последние годы»²².

Все откровеннее беря курс на ужесточение внешней политики США, Форд в конечном счете зарекомендовал себя в качестве президента, пытавшегося «сохранить и укрепить лидерство США в мире, вести дела с оппонентами с по-

зиции несомненной силы», верившего в то, что «американское влияние в мире прямо пропорционально расходам на оборону»²³.

Однако имперский, воинствующий курс Форда, с одной стороны, явно шел вразрез с еще преобладавшими после-вьетнамскими настроениями широких кругов американских избирателей и правящей элиты, а с другой — не вернул ему доверия консерваторов, ярых поклонников глобальной антикоммунистической, силовой политики, уже в 1976 году делавших ставку на Рейгана.

Главную роль в поражении республиканцев на выборах 1976 года сыграли внутренние факторы — уотергейтский скандал и неспособность правительства решить острые социально-экономические проблемы. Тем не менее поражение на предвыборном съезде республиканской партии Р. Рейгана, которого в качестве кандидата в президенты выдвигало воинствующее ультраправое крыло этой партии, а затем провал и самого Дж. Форда показали, что и их стремление снова сделать открытую ставку на силу, и имперские притязания при проведении внешней политики США не пользуются особой популярностью в стране. Лобовая атака на переговоры и соглашения, прежде всего с СССР, об ограничении гонки вооружений, мирном урегулировании спорных проблем, развитии всестороннего сотрудничества явно не вызвала одобрения среди широких слоев населения. В этих условиях многие не только сторонники, но и противники умеренного, более реалистичного курса проголосовали за кандидата от демократической партии губернатора штата Джорджия Дж. Картера.

Довольно чутко улавливая настроения большинства избирателей и части истеблишмента, Картер в ходе предвыборной кампании наряду с высказываниями против «недостатков разрядки» сделал немало заявлений в пользу мира, разоружения, борьбы с коррупцией, «обновления» страны, правительства и т. п. Его способность давать самые противоречивые обещания разным категориям избирателей, его «незапятнанность» связями с предшествующими администрациями, с официальным Вашингтоном, его «простота и искренность» помогли ему одержать победу на выборах в ноябре 1976 года. Для многих избирателей остались неизвестными или безразличными такие факты, как одобрение и поддержка кандидатуры Картера не только богатыми людьми и политиками его родного штата Джорджия, но и восточным истеблишментом, с которым он был тесно связан с 1973 года, когда Картера включили в состав

«трехсторонней комиссии». Между тем эта комиссия, инициатором создания которой являлся Д. Рокфеллер, а директором — З. Бжезинский, была теснейшим образом связана с Советом по международным отношениям — имперским «мозговым трестом» и главной ее задачей была разработка очередной стратегии для восстановления, упрочения и расширения позиций мирового империализма во главе с США во второй половине 70-х годов. Осуществлять эту стратегию была призвана новая администрация демократов во главе с Дж. Картером — первое поствьетнамское правительство США.

2. Внешнеполитическая программа Картера. Курс на «возрождение мирового морального лидерства» Америки

Настойчивая борьба Советского Союза и других социалистических, а также многих развивающихся стран за улучшение международных отношений и перестройку их на мирных и демократических основах, состояние стратегического паритета между СССР и США, многочисленные обязательства Вашингтона по соглашениям предшествующих лет воздерживаться от применения силы или угрозы ею, от действий, ведущих к увеличению опасности ядерной войны, отрицательная реакция большей части мировой и американской общественности и даже некоторых союзников Америки на ее попытки вернуться к глобальному курсу на конфронтацию и безудержную гонку вооружений — все это мешало очередному быстрому возобладанию открыто агрессивного, имперского направления во внешней политике США в середине 70-х годов.

Тем не менее уже правительство Форда приложило немало усилий для «приостановления упадка» и «возрождения силы и воли» США, перегруппировки и перехода их в контрнаступление против антиимпериалистических, антиамериканских движений в мире. Выступая с прощальным посланием о положении страны перед конгрессом 12 января 1977 г., Форд с гордостью заявил: «Мы можем оставаться первыми в мире, только если мы никогда не станем вторыми в обороне (т. е. в военной мощи. — Ю. М.)... Я особенно рад сообщить, что за последние два с половиной года мы оказались в состоянии повернуть вспять опасное сокращение в предыдущую декаду реальных ресурсов, которые наша страна выделяет на национальную оборону..

хотя этим ассигнованиям угрожали антивоенные настроения... Вызов, с которым сталкивается наша страна, состоит в том, хватит ли у нас национальной воли и решимости продолжать эти значительные оборонительные усилия на протяжении долгого времени...»²⁴. Форд еще раз признал факт установления общего стратегического паритета между СССР и США в 70-х годах и заявил, что Америка «никогда не потерпит сдвига в стратегическом балансе не в свою пользу». А в отношении военно-морских сил и корпуса морской пехоты он прямо высказался за американское «превосходство» ради... «сохранения свободы морей», а также «улучшения способностей (США.— Ю. М.) реагировать на региональные кризисы в масштабах всего мира»²⁵. Позднее, в 1977—1978 годах, Форд, однако, несколько раз признавался в том, что упустил «исторический шанс» заключить новый договор с СССР об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) и что, возможно, эта его ошибка отразилась на результатах выборов.

Пришедшая к власти администрация демократов не могла не учитывать как результаты избирательной кампании, так и преобладающие настроения и условия в стране и в мире. В то же время, разумеется, реакционные милитаристские круги не собирались складывать оружия, а, наоборот, развернули с новой энергией кампанию за возвращение США к силовой имперской политике. Так, уже через несколько дней после выборов, 10 ноября 1976 г., в Вашингтоне было объявлено о создании «комитета по существующей опасности» — ультрамилитаристской и антисоветской организации, в которую вошли такие «ястребы», как отставные генералы Лемнитцер, Гудпайстер, Тейлор, адмирал Замуолт, бывший заместитель министра обороны Паккард, вернувшийся с этого поста на должность руководителя авиастроительной корпорации «Нортроп» — одного из крупнейших подрядчиков Пентагона, будущие деятели рейгановской администрации Шульц, Киркпатрик, Ростон, Нитце и др. Целью комитета было «нейтрализовать» некоторые предвыборные обещания Картера (о сокращении военного бюджета США на 5—7 млрд. долл., о скорейшем заключении договора о полном прекращении ядерных испытаний и др.), обратить внимание американцев на «опасную советскую политику», добиться резкого усиления военных приготовлений Америки.

С призывом к отказу от паритета и достижению стратегического превосходства США над СССР выступил один из наиболее воинствующих американских «советологов»,

профессор Гарвардского университета Р. Пайпс. «Надо помнить, — заявил он, — что стратегическое превосходство можно использовать как своеобразный щит при ведении обычной войны, как средство добиться политических и экономических уступок, для запугивания и для того, чтобы вынуждать другую сторону всегда и во всем соглашаться (с США. — Ю. М.)»²⁶.

В сложной внутренней и международной обстановке середины 70-х годов обострилась борьба в США по внешнеполитическим вопросам, усилились непоследовательность, зигзагообразность внешней и военной политики Вашингтона, расхождения между словами и делами американского руководства.

Еще в ходе своей избирательной кампании Картер сделал немало противоречивых заявлений. Так, он обещал отказаться от доктрины «баланса сил», заменив ее политической «мирового порядка», сократить военный бюджет и ядерный арсенал США, численность американских баз и вооруженных сил за рубежом, продажу американского оружия другим странам и т. д.

Вместе с тем Картер подверг критике как якобы слишком уступчивую политику предшествующего периода, когда были улучшены отношения с СССР и одновременно утрачено мировое лидерство Америки. Он заявил, что не подписал бы Заключительного акта общеевропейского совещания в Хельсинки, утверждая вопреки фактам, будто бы этот документ не способствует созданию стабильности в Европе²⁷. Отвечая в 1978 году на вопрос о том, каким бюджетным статьям будет отдан приоритет, Картер сказал, что его администрация будет стремиться дать стране достаточное количество и пушек, и масла, однако «безопасность американской нации должна быть на первом месте»²⁸.

Усиливалась борьба двух тенденций в подходе американского руководства к международным отношениям и внешней политике США — более реалистической, мирной, с одной стороны, и агрессивной, реакционной — с другой. Эта борьба продолжалась с переменным успехом большую часть пребывания Картера в Белом доме, однако курс на ужесточение американской политики, на усиление ее антикоммунистических, силовых, имперских аспектов становился все очевиднее, несмотря на то что первое время он облакался в псевдодемократическую, «идеалистическую» фразеологию.

Свою инаугурационную речь Картер начал с молитвы и цитат из Библии. Но затем в этой речи, так же как и в по-

следовавшем обращении нового президента США к народам других стран, прозвучали и сугубо земные мотивы. Картер заявил о готовности США к решению ряда актуальных международных проблем — предотвращения войны, ограничения вооружений, прежде всего ядерных, защиты прав человека — в сотрудничестве с остальными государствами. Вместе с тем он указал: «Два столетия тому назад рождение нашей нации явилось исторической вехой в долгих поисках свободы. Но смелая и сверкающая мечта, которая вдохновляла основателей нашей страны, еще ожидает своего осуществления... Я призываю к новому верованию в старую мечту... Не может быть более почетной и более амбициозной (!) задачи для Америки..., чем помочь созданию справедливого и мирного... мирового порядка. США могут взять и возьмут на себя лидерство в подобных усилиях»²⁹.

Таким образом, старые мотивы «исключительности», «исторической миссии», «божественного предначертания», лидерства и превосходства Америки, ее роли как примера и руководителя для остального человечества отчетливо прозвучали уже в первых двух официальных выступлениях Картера. Упомянул он и о «силе» Америки, но сделал пока акцент не на ее военной мощи, а на «силе ее идей».

Подчеркивая свое намерение проводить «не запятнанную Вьетнамом и Уотергейтом» политику как внутри страны, так и за ее пределами, Картер стремился закрыть одну из наиболее позорных страниц американской истории, представить названные события, предшествовавшие его президентству, как некое отклонение от американских принципов и идеалов, которыми якобы руководствовалась довьетнамская и будет руководствоваться послевьетнамская, т. е. его, картеровская, политика.

Находясь в Белом доме, Картер продолжал выступать с различными обещаниями и предложениями, которые демонстрировали, с одной стороны, его не очень хорошую подготовленность к исполнению обязанностей главного дипломата одной из великих мировых держав, а с другой — претензии нового президента на одностороннее руководство миром и решение жизненно важных для всего человечества международных проблем и, наконец, с третьей — воздействие на формирование внешней политики картеровской администрации множества подчас прямо противоположных факторов.

Имперский, демагогический характер многих предложений президента раскрывался сразу же, как только дело доходило до их конкретизации, претворения в жизнь. Тогда

оказывалось, что подобные предложения или уже поставлены на повестку дня Советским Союзом, но США давно саботируют их принятие, или что за общими картеровскими декларациями скрываются противоречия в правительстве относительно их осуществления, неподготовленность к нему или то, что Картер, пытаясь продемонстрировать свою личную инициативу в международных делах, высказывался по проблемам, которые его советники и эксперты только еще начинали разрабатывать. Описывая переполох в западных столицах и в самом Вашингтоне в связи с потоком «новых инициатив» Картера, еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» отмечал, что неопытность Картера и его желание «переписать правила международной дипломатии», «изменить приоритеты» американской политики вели к полному игнорированию им должных консультаций внутри его собственного кабинета и с другими заинтересованными, в том числе союзными с США, странами. Примером картеровского стиля «открытой дипломатии», писал журнал, является поток предложений по контролю над вооружениями, которые он изложил на своих пресс-конференциях. Одни из них вроде плана демилитаризации Индийского океана еще даже не были рассмотрены серьезно военными экспертами администрации. Другие еще только анализировались назначенной самим Картером специальной группой экспертов³⁰.

Президенту Картеру и некоторым из его советников во главе с помощником по вопросам национальной безопасности Бжезинским важно было, однако, поразить воображение американского и других народов картиной появления в Белом доме своего рода нового мессии, готового якобы вести Америку и весь мир к новым уже даже не «рубежам», а вершинам. Поэтому демагогия, реидеологизация внешней политики и явившиеся ее выражением кампании, направленные на перехват инициативы, на подрыв позиций противника и обоснование роли США как лидера «свободного мира», их притязаний на мировое господство, стали важнейшей составной частью деятельности администрации Картера.

Одной из главных задач картеровской администрации было преодоление «вьетнамского синдрома» в США. Картер призывал своих сограждан понять, что «не каждый случай твердого применения силы является потенциальным Вьетнамом»³¹. Кроме того, ставилась цель перечеркнуть разрядку, ликвидировать среди американской общественности настроения в пользу улучшения советско-американских отношений, создать атмосферу воинствующего и устой-

чивого антисоветизма, идейно-психологических условий для незаметного перехода от политики, в какой-то мере учтивавшей сложившееся на международной арене соотношение сил, к попыткам изменить его в свою пользу.

Стараниями прежде всего Бжезинского большинству инициатив администрации Картера придавалась с самого начала специфически антисоветская направленность. Многие хорошо знавшие Бжезинского люди неизменно характеризовали его взгляды и теории как псевдонаучные, эклектичные и весьма претенциозные. Они включали два основных тезиса: во-первых, «технотронная» Америка — это «сверхдержава № 1», призванная быть для всего остального мира образцом и лидером; во-вторых, Советский Союз — главный противник Америки, какую бы политику он ни проводил, и поэтому, подобно древнему Карфагену, так или иначе он должен быть разрушен. Бжезинский считал конфликт между СССР и США «традиционным» и заявлял, что Советский Союз и «в предвидимом будущем останется слишком сильным на международной арене, чтобы не быть глобальным соперником Соединенных Штатов»³². Таким образом, конфликт с СССР и вражда к нему представлялись извечными и неизбежными, что не соответствовало действительности.

Бжезинский считал также, что его миссия при новом президенте — это привнесение жесткости, силы и высокомерия во все действия США на мировой арене. Учитывая, однако, отрицательное отношение большинства американского народа под воздействием уроков войны во Вьетнаме к силовой интервенционистской политике, к претензиям США на военное превосходство и роль мирового полицейского, Картер начал формирование своего внешнеполитического курса с «морального аспекта». Он призывал к возвращению Америки к «идеалам свободы и справедливости», оправдывал проведение глобальной политики ее «заботами о благе всего человечества», настаивал на необходимости «морального руководства» миром со стороны Вашингтона, создания под его эгидой «нового мирового порядка».

Ознакомление Картера, Бжезинского и других творцов американской политики с опросами общественного мнения в США в период избирательной кампании 1976 года показало им, что американский народ «(1) уделяет значительно больше внимания внутренним проблемам, которые рассматриваются им как более приоритетные, чем внешнеполитические и военные; (2) перестал склоняться к последовательной поддержке все более высоких бюджетных ассигнований

на оборону; (3) стал менее склонным рассматривать Советский Союз и/или Китай как непосредственную угрозу интересам США; (4) начал в общем более благоприятно относиться к сокращению или выводу американских войск, размещенных за границей; (5) стал в возрастающей степени скептически относиться к эффективности или желательности американской помощи другим странам...». Вместе с тем, однако, у американцев «осталось желание поддерживать международные усилия в пользу прав человека» и «активное участие США в мировых делах»³³.

Из подобных результатов опросов довольно явственно вытекало, что лобовая атака на политику уменьшения международной напряженности и военных приготовлений шла бы вразрез с господствующими еще в стране настроениями. В то же время преобладание националистических настроений и устойчивость иллюзий об «исторической миссии американской демократии» открывали определенные возможности для создания «морального консенсуса» с целью дальнейшего наращивания внешнеполитической активности Америки, включавшей вмешательство в дела других государств и народов. Несколько позднее в беседах с западноевропейскими лидерами Картер признался, что он должен высказываться в защиту «моральных ценностей» для того, чтобы восстановить в США поддержку общественностью продолжающегося «американского вовлечения» в мировые дела³⁴.

Прямой и грубый антисоветизм не срабатывал в середине 70-х годов не только внутри Америки, но еще больше в окружающем ее мире. Выдумками о «советской угрозе и экспансии» трудно было отвлечь подавляющее большинство развивающихся стран от острых проблем, унаследованных от эпохи колониализма и порожденных неокolonиалистской политикой США и других империалистических государств.

Миф об опасности «советского вторжения» в Западную Европу также все реже позволял сглаживать острые противоречия между двумя основными империалистическими «центрами силы». Западноевропейские государства упорно добивались от США более взаимовыгодных отношений в экономической области, равных прав в военно-политической сфере.

Кроме того, истеричный и слепой антикоммунизм не раз доводил до опасной грани отношения Соединенных Штатов с социалистической частью мира, вовлекая США в бессмысленные дорогостоящие авантюры, дискредитируя их. Имен-

но поэтому Картер в своей речи в университете Нотр-Дам 22 мая 1977 г. вынужден был констатировать, что «исторические тенденции ослабили основу» атлантической системы, находящейся под американской эгидой, ввиду того что меньшим стал страх перед «угрозой конфликта с Советским Союзом», прежде являвшийся фактором, цементировавшим единство союзников³⁵.

Не отказываясь в изменившихся международных условиях от антикоммунизма и антисоветизма как идейно-политической основы американской политики, правительство Картера, однако, стремилось придать им несколько иную окраску, «облагороженную» рассуждениями о добре и зле. Социализм, «коммунистический атеизм» осуждались как «чуждые человеческой природе», а американским капиталистическим ценностям и «идеалам» приписывалась всемирная, общечеловеческая значимость.

Раздувание кампании «в защиту прав человека», возведенной администрацией Картера в ранг государственной политики, сыграло особую роль в обосновании претензий на «моральное мировое лидерство» США и их нового правительства.

Пытаясь изобразить США как страну, где политические и религиозные свободы и права человека якобы соблюдаются в наибольшей мере, а СССР и другие социалистические страны — как их главных нарушителей, американские руководители и идеологи рассчитывали достигнуть сразу нескольких важных целей. Прежде всего они хотели убедить вопреки действительности народы других стран и самих американцев в том, что «великая американская демократия» будто бы полностью «возродилась» после Вьетнама и Уотергейта, что в Америке якобы покончено или вскоре будет покончено с политической коррупцией и мошенничеством, что правительство США будет отныне говорить своему народу «только правду» и прислушиваться к его нуждам, требованиям и т. п. С другой стороны, они стремились не только очернить Советский Союз и другие социалистические государства, но и вызвать в них своими призывами к «свободе» идей, информации, эмиграции и т. п., ставшими частью «психологической войны» против стран социализма, рост диссидентства, которое подрывало бы внутреннюю сплоченность и стойкость социалистических государств, вело к ослаблению их позиций и международного авторитета.

С помощью кампании «в защиту прав человека» администрация Картера желала также получить дополнительное идейно-политическое средство давления как на внутрен-

нию, так и на внешнюю политику тех развивающихся стран, которые предпринимали меры в защиту своей национальной экономики от вторжения американских монополий, развивали сотрудничество с СССР и другими социалистическими государствами, активно участвовали в движении неприсоединения.

Прославление Соединенных Штатов и правительства Картера как «поборников прав человека» должно было сыграть важнейшую роль в деле обеспечения одобрения американской общественностью внешней и военной политики Вашингтона. «Чтобы восстановить национальную репутацию в мире и создать новое единство внутри страны в поддержку своего руководства иностранными делами, — отмечала «Нью-Йорк таймс», — Картер стал подчеркивать «моральные» — предположительно более популярные — аспекты внешней политики. Не отказываясь от традиционных союзников или таких целей, как более свободная торговля и глобальная военная готовность (!), он перенес акцент с угрозы коммунизма на провозглашение преобладающей преданности человеческим правам, на ядерное разоружение, так же как и на контроль над вооружениями, на иностранную помощь вместо продажи оружия... Проблемой с самого начала было, как он сможет совместить такой идеализм с более обычными требованиями дипломатии».

Как, однако, показала практика, Картер настойчиво пытался совместить и то и другое. Более того, его «идеализм» и «морализм», а точнее ханжество и лицемерие стали одним из основных орудий его дипломатии. «Независимо от того, что мы думаем о гражданских правах или правах женщин в Саудовской Аравии, — признавала «Нью-Йорк таймс», — мы нуждаемся в ее нефти, инвестициях и ее дипломатическом и экономическом сотрудничестве. Нам, может быть, неприятно выступать в роли ведущего торговца оружием в мире, но мы будем с готовностью продавать его... повсюду, чтобы завоевать друзей и политическое влияние. Мы можем сожалеть о существовании диктатур..., но ради нашей собственной безопасности или военных потребностей мы не осмелимся обидеть их... Мы нуждаемся в хроне из Южной Африки..., как бы оскорбителен для нас ни был ее апартеид»³⁶.

«Моральное мессианство» Картера призвано было побудить другие капиталистические страны согласиться с притязаниями США на роль лидера западного мира. Оно должно было вдохновить на новые усилия Америку и ее союзников в противоборстве с коммунизмом, помочь преодолеть

все более широко распространяющиеся на Западе пессимистические настроения относительно настоящего и будущего капиталистической системы.

Как провозглашалось в официальных документах американского правительства, «конкретные внешнеполитические акции базируются на вере мистера Картера в силу и жизнеспособность Соединенных Штатов — военную, политическую и экономическую — и на его убеждении, что демократическая (т. е. американская. — Ю. М.) система правления остается наилучшим ответом на современные вызовы развития и индустриализации. Мистер Картер отвергает как страх перед соревнованием идеологий, так и пессимизм относительно демократической системы, которыми отмечено... мышление предыдущих администраций. Вместо этого в речах в университете Нотр-Дам, в парламенте Индии и в Париже президент подтвердил свою веру в пригодность демократии (американской. — Ю. М.) как для развитых, так и для молодых государств»³⁷.

Мессианско-моралистская риторика, подчеркивание приоритета внешнеполитических задач над внутривнутриполитическими, кроме прочего, были призваны отвлечь внимание американского населения от многочисленных социально-экономических проблем в самих Соединенных Штатах. Неустойчивая экономическая конъюнктура, падение темпов роста промышленности и производительности труда, увеличение инфляции и безработицы, острота и нерешенность проблем энергетики и экологии, расовых отношений, преступности и наркомании — все это вело к непрерывному и заметному ухудшению качества и снижению уровня жизни в США. Одной из причин этого являлась политика транснациональных корпораций Америки — нефтяных и прочих, которая вела к экспорту за границу американского производственного капитала и технологии в ущерб внутренним потребностям. А кроме того, ТНК пытались компенсировать за счет американского народа те потери, которые они понесли в результате национализации их собственности в ряде освободившихся государств, установления там контроля над их предприятиями, прибылями и т. д.

Для монополистических кругов США картеровская кампания «в защиту прав человека» представлялась выгодным прикрытием, пользуясь которым в данный период можно было продолжать осуществление курса на сохранение целостности капиталистической системы и глобальной свободы деятельности ТНК.

В своем выступлении в ООН 18 марта 1977 г. сам пре-

зидент вынужден был признать, что США все еще не присоединились ни к международному пакту о гражданских и политических правах, ни к конвенциям ООН о предупреждении геноцида и ликвидации всех форм расовой дискриминации, ни к ряду других аналогичных документов; тем не менее он снова настаивал, будто бы именно Америке принадлежит «историческое право отождествлять себя с борьбой за права человека».

О том, для чего было нужно это «отождествление», довольно откровенно говорили некоторые деятели картеровской администрации. «Наша политика (в области «человеческих прав». — Ю. М.) способствовала началу изменения образа Соединенных Штатов, — заявил заместитель помощника государственного секретаря США по правам человека (в правительстве Картера было создано довольно много подобных специальных должностей. — Ю. М.) М. Шнейдер, выступая перед подкомитетом конгресса по международным отношениям 25 октября 1977 г. — Слишком долго нас скорее отождествляли с режимами, которые отрицали права человека, чем считали сторонниками тех, чьи права нарушались. Теперь, я думаю, эта новая политика поможет нам вернуться на позиции лидерства»³⁸.

Кампания «в защиту прав человека» являлась и основной, и неотъемлемой частью задуманной и осуществляемой правительством Картера реидеологизации американской внешней политики, попытки проводить более гибкий курс на мировой арене, в частности в связи с большим международным резонансом Заключительного акта хельсинкского совещания.

Отказавшись от своих предвыборных выпадов против общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества и его решений, Картер по совету Бжезинского и ряда других своих помощников решил взять на вооружение американской дипломатии один из разделов его Заключительного акта — по так называемым гуманитарным проблемам, извращая при этом содержание и цели как этого раздела, так и документа в целом.

Утверждая, что СССР якобы проводит под прикрытием разрядки линию на «дестабилизацию» мирового капитализма, американские политики и идеологи начали ожесточенное наступление на процесс разрядки, на единство социалистических стран. При этом они сознательно затемняли различие между соревнованием идей и «психологической войной», предусматривающей «черную», т. е. лживую, пропаганду, дезинформацию, нарушение суверенитета, вмеша-

тельство во внутренние дела других стран, поощрение выступлений антигосударственных элементов и т. д. Они не могли не знать, что придание американской «правозащитной» кампании антисоветской, антикоммунистической направленности приведет к осложнению советско-американских отношений, усилит международную напряженность.

Самовольно беря на себя роль «блюстителя морали» во всем мире, «учителя» других стран и народов, картеровская администрация грубо нарушала самые элементарные нормы межгосударственных отношений, зафиксированные во множестве международных документов: от Устава ООН до хельсинкского Заключительного акта. Для проведения «правозащитной» кампании в максимально широких масштабах правительство Картера учредило в госдепартаменте не только специальное Бюро по правам человека и гуманитарным делам, но и соответствующие посты в каждом отделе дипломатического ведомства США, включая региональные и страновые. Оно сделало «лично ответственными» всех американских послов за обеспечение правильного «понимания политики прав человека», за поддержание «контактов с группами, занимающимися правами человека в других странах», и за представление «полной информации о положении с правами человека» в этих странах! Оно одобрило также создание специальной комиссии конгресса США по наблюдению за «обеспечением прав человека» во всем остальном мире.

Президент и конгресс США неоднократно позволяли себе делать заявления и принимать резолюции по поводу отдельных судебных процессов и приговоров в СССР и других социалистических странах с требованиями изменить вынесенные приговоры, освободить тех или иных преступников, избалованных в антигосударственной деятельности, дать им «свободу» действовать в ущерб интересам и в нарушение законов этих стран и т. п. При этом американское руководство предпочитало замалчивать тот факт, что в самих США нарушение элементарных прав и свобод человека является постоянной практикой. Подобного бесцеремонного вмешательства во внутренние дела суверенных государств, имперского самодовольства и ханжества мировая история еще не знала.

Не удивительно, что в подавляющем большинстве государств американская «правозащитная» кампания вызвала весьма отрицательную реакцию. «Многие союзники США, — констатировал, в частности, журнал «Ньюсуик», — питают серьезные сомнения относительно картеровских проповедей

и морализирования... Некоторые — особенно в Западной Германии — боятся, что весьма реальные и ощутимые плоды, которые принесла разрядка., могут быть поставлены под угрозу, если президент зайдет слишком далеко со своим крестовым походом и возродится напряженность между Востоком и Западом... Джимми Картер может полагать, что он все знает лучше всех, но в сегодняшнем взаимозависимом мире даже президент США не способен единолично воздействовать на международную систему»³⁹.

Правительство Картера неоднократно пыталось ввести в заблуждение мировую общественность, утверждая, что его призывы «в защиту прав человека» обращены якобы ко всем странам мира без исключения. На самом же деле им с самого начала был придан сугубо избирательный, антикоммунистический характер. Все первые официальные протесты Вашингтона (как и большинство последующих) по поводу «нарушений прав человека» были адресованы СССР, ЧССР, ГДР и другим социалистическим государствам. В то же время действительно вопиющие нарушения человеческих прав и свобод в ряде стран Латинской Америки, Южной Кореи, Северной Ирландии в большинстве случаев оставались «незамеченными» в Вашингтоне.

На слушаниях в комиссиях сената в конце февраля 1977 года государственный секретарь С. Вэнс вынужден был признать, что, урезывая американскую помощь Аргентине, Уругваю ввиду «нарушений прав человека в этих странах», правительство Картера в то же время будет продолжать оказывать ее таким кровавым диктатурам, как, например, режимы Пака в Южной Корее и Сомосы в Никарагуа, по «оборонительным обязательствам» и стратегическим соображениям.

Позднее в своих мемуарах сам Картер признал в конечном счете, что его кампания «в защиту прав человека» целиком подчинялась антисоветским, имперским целям глобальной политики США. Более того, он фактически подтвердил, что Вашингтон в своих отношениях с правящими режимами, наиболее жестоко нарушающими права личности, но преданными американскому империализму, не только «прошال» им все «нарушения прав человека», но и выступал против либерализации, опасаясь, что малейшее смягчение репрессий приведет к немедленному краху этих режимов. «Поскольку советско-американскому соперничеству всегда придавалось особое значение, — объяснял свое двуличное поведение Картер, — определяющим фактором наших взаимоотношений с другими государствами стало

то, насколько твердо они придерживаются антикоммунистической линии. Имели место случаи, когда деспотические действия правых монархических режимов и военных диктаторов автоматически освобождались от критики (со стороны Вашингтонских «борцов за права человека». — Ю. М.)»⁴⁰.

По мере развертывания этой кампании для всего мира все очевиднее становились ее сугубо антисоветская, антикоммунистическая направленность, ее беспринципный, прагматический характер как одного из орудий в борьбе США за достижение своих гегемонистских целей.

«Правозащитная» кампания Вашингтона была призвана создать благоприятные условия и идеологически обеспечить реализацию его планов по активизации борьбы за мировое превосходство и господство американского империализма.

3. Трехсторонняя стратегия борьбы за «новый мировой порядок»

Ведя кампанию за «восстановление доверия» к власти имущим внутри страны и «морального лидерства» США на мировой арене, Картер и его окружение параллельно предпринимали меры по модернизации и наращиванию вооруженных сил и вооружений Америки и, наконец, по восстановлению ее политического, экономического и военного господства.

В выступлениях президента, его помощника по вопросам национальной безопасности и других деятелей администрации неоднократно высказывались пожелания о «реорганизации» международных отношений и создании такого «нового мирового порядка», который максимально соответствовал бы «идеалам и ценностям американской демократии», т. е. американского империализма.

В качестве нового орудия в борьбе США за угодный им «мировой порядок» администрация Картера избрала трехстороннюю стратегию. В ее разработке важную роль сыграла «трехсторонняя комиссия», созданная по инициативе и находившаяся под руководством американской финансовой олигархии. Комиссия состояла из представителей делового мира, политических деятелей и ученых трех основных «центров силы» мирового капитализма — США, Западной Европы и Японии.

Трехсторонняя стратегия предусматривала три этапа создания нового, американизированного «мирового порядка»: сначала урегулирование отношений и объединение сил

США, Западной Европы и Японии, затем налаживание связей империалистической метрополии с развивающимися странами и включение их в «новый мировой порядок» в качестве источников сырья, энергоресурсов, дешевой рабочей силы, а также рынков и плацдармов для ведущих капиталистических держав во главе с США и, наконец, решение в свою пользу американскими империалистами (благодаря обретенной превосходящей силе) вопросов «сотрудничества и соперничества» с СССР и другими социалистическими странами.

Главными средствами осуществления американских замыслов, связанных с трехсторонней стратегией, должны были стать транснациональные корпорации, идейно-политический арсенал и военная сила США.

Как исходные теоретические построения, так и практические дела американских членов «трехсторонней комиссии», многие из которых занимали важные государственные посты (сам президент, вице-президент Мондейл, Бжезинский, государственный секретарь Вэнс, министр обороны Браун, директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Уорнке и др.), не оставляли сомнений в том, что эта стратегия также в конечном счете была нацелена на установление мирового господства Соединенных Штатов. Высказывая пренебрежение даже к главным партнерам США — Западной Европе и Японии, неспособным, дескать, взять на себя «большую политическую ответственность», Бжезинский утверждал, например, что только «американская сила остается центральной опорой глобальной стабильности и прогресса»⁴¹.

Раскрывая планы правящих кругов США, направленные на осуществление руководящей роли в «треугольнике», а используя его, и на всей мировой арене, один из членов Совета по международным отношениям Р. Ульман писал: «Соединенные Штаты — это сверхдержава с глобальными интересами и вооруженными силами, способными подкрепить их фактически в любой точке земного шара. На другом конце спектра находится Япония — государство с мировыми экономическими интересами, но едва ли оно является серьезной военной силой даже в масштабах североазиатского региона... Западная Европа, конечно, не является в действительности единым целым: те западноевропейские страны, которые входят в Европейское сообщество, сохраняют существенную свободу действий даже в экономической сфере, не говоря уже о военной и политической. Любая из них фактически представляет собой не больше, чем региональ-

ную силу». Не удивительно, что при такой оценке ближайших союзников и партнеров Вашингтон связывал успех трехсторонней стратегии с «эффективной поддержкой американской позиции европейцами (западноевропейцами. — Ю. М.) и японцами»⁴².

Относительно лучшее экономическое положение США по сравнению с Западной Европой и Японией в середине 70-х годов было одним из главных факторов, на которые Вашингтон надеялся опереться в проведении своей трехсторонней стратегии. К числу других относились рост всесторонней взаимозависимости капиталистических стран, апелляция к классовой солидарности господствующей элиты ведущих империалистических держав, использование военно-политических преимуществ США. С помощью этой стратегии Вашингтон надеялся исправить предыдущие «ошибки» своей глобальной политики, заключавшиеся в «чрезмерном вовлечении» в войну в Индокитае и в процесс разрядки. Иначе говоря, в господствующих кругах США возобладала точка зрения, что ошибкой прошлых лет было то, что они уделяли слишком много внимания и сил Юго-Восточной Азии и улучшению отношений с «противниками» Америки за счет ее интересов в других регионах и связей с союзниками.

Видя в трехсторонней стратегии один из наиболее удачных вариантов послевьетнамского восстановления единства «свободного мира», лидерства США в «борьбе с коммунизмом», официальный Вашингтон быстро принял ее на вооружение. Одним из конкретных проявлений этой стратегии стала начатая еще при президенте Форде практика созыва совещаний высших руководителей ведущих держав капиталистического мира — «клуба богатых и сильных»: США, Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Японии и Канады. Первоначально в повестке дня этих совещаний ставились вопросы преодоления тяжелого положения, в котором оказались капиталистические страны в середине 70-х годов в результате экономического, энергетического и других кризисов, разработки мер по борьбе с инфляцией, безработицей, предотвращению «торговых войн» и т. п. Однако вскоре стало известно, что на встречах «большой семерки» обсуждаются также политические и военные проблемы — координация «обороны» и внешней политики Запада, контроль над развитием внутривнутриполитической обстановки в капиталистических странах и т. д.

Большое возмущение во всем мире вызвало решение совещания в Пуэрто-Рико в июне 1976 года об отказе в пре-

доставлении всякой финансовой помощи Италии, если в состав ее правительства войдут коммунисты. Это решение было принято по настоянию правящих кругов США, недовольных линией на сотрудничество с коммунистами итальянского премьер-министра, христианского демократа А. Моро. Оно показало, как отмечала итальянская пресса, что в Вашингтоне рассматривают Италию как «самую отдаленную провинцию американской империи»⁴³.

Официально приняв на вооружение трехстороннюю стратегию, правительство Картера поспешило с созывом третьего совещания «большой семерки» в мае 1977 года в Лондоне. На этой встрече Картер взял довольно твердый курс на утверждение первенства США среди «равных партнеров» и на дальнейшее расширение функций «семерки». Наряду с экономическими и экологическими проблемами капиталистического мира, по которым были приняты ничего не значащие общие решения, были обсуждены такие вопросы, как отношение к «еврокоммунизму», борьба против прогрессивных режимов в Африке, в частности Анголы, и поддержка прозападных режимов, укрепление солидарности и обороны Запада, экспорт ядерного оборудования и материалов и др.

Воинствующие, откровенно антисоветские выпады Картера, в том числе обвинения СССР и стран Восточной Европы в «нарушениях прав человека», так же как и притязания на «моральное и политическое лидерство» США, вызвали недовольство ряда других руководителей Запада.

Как это было неоднократно и в прошлом, Вашингтон возлагал в середине 70-х годов первоочередные надежды на восстановление и утверждение мирового лидерства США, на создание благоприятной для них военно-политической обстановки в мире, на НАТО. Не случайно уже через 90 часов после прихода администрации Картера к власти вице-президент США Мондейл вылетел с 10-дневным визитом в страны Западной Европы и Японию. В Брюсселе он заявил о готовности США не только сохранить уровень американских военных расходов в НАТО, но и поднять его, если союзники США присоединятся к ним «в укреплении оборонительных сил НАТО, до предела мобилизуя свои индивидуальные возможности»⁴⁴.

НАТО использовалась США как один из главных факторов в осуществлении ими антикоммунистической, силовой и одновременно гегемонистской политики в капиталистическом мире. Североатлантический блок, как его задумали, организовали и развивали правящие круги США, стал

в конечном счете довольно надежным орудием защиты интересов американского империализма и подавления национальных устремлений отдельных западноевропейских государств, насаждения блоковой дисциплины среди союзников, подчинения капиталистического мира американской стратегии.

Используя прежде всего именно механизм НАТО, правящим кругам США удалось фактически сорвать намечавшуюся военную разрядку в Европе, помешать развитию тенденции к уменьшению военных приготовлений и расходов, заложить фундамент непрерывной и все нарастающей гонки вооружений по крайней мере до середины 90-х годов, придать военному фактору ведущую роль в поддержании американского лидерства в капиталистическом мире, в «уравновешивании» слабеющих экономических и политических позиций США.

При этом характерно, что очень часто Североатлантическому блоку фактически оставалось лишь согласиться с решениями, которые разработал и принял Вашингтон единолично, в том числе такими, которые затрагивали прежде и больше всего вопросы безопасности и самого «выживания» западноевропейских участников союза. Нередко в Западной Европе узнавали об этих решениях лишь задним числом, «из газет». Неоднократно бывали и другие «парадоксы», когда американские командующие НАТО докладывали в Вашингтон о позиции западноевропейских стран по тем или иным военно-политическим вопросам, опять-таки без ведома правительств этих стран или даже извращая их официальную политику.

Одним из наглядных примеров имперского обращения США со своими союзниками по НАТО может служить история с нейтронным оружием. Несмотря на то что в США разработкой этого оружия, специально предназначенного для применения на заокеанских театрах военных действий, и прежде всего в Западной Европе, занимались свыше 20 лет, союзники узнали о его существовании лишь летом 1977 года, когда американский конгресс стал обсуждать вопрос о его производстве и развертывании. Как и ряд американских конгрессменов, многие западноевропейские политические деятели и представители общественности выразили свой решительный протест против создания нейтронной бомбы. Тем не менее президент Картер, ссылаясь якобы на согласие стран — членов НАТО (о котором ему докладывали Хейг и другие американские генералы) на размещение на их территории нейтронного оружия, подписал зако-

нопроект о финансировании производства нейтронных ядерных зарядов.

Попытка ввезти и развернуть в Западной Европе нейтронное оружие в конце 70-х годов, однако, провалилась самым позорным образом. Против планов Пентагона обеспечить с помощью этого оружия возможности ведения «ограниченной» ядерной войны на европейском континенте, понизить «ядерный порог», стереть грань между обычными и ядерными вооружениями выступили широкие народные массы и правительства ряда западноевропейских государств. Утверждения американских представителей в руководстве НАТО о том, что эти государства якобы готовы разместить у себя «нейтронную смерть», оказались чистой ложью. Военно-политическое руководство США фактически даже не подумало о том, чтобы проинформировать или проконсультироваться относительно этого оружия со своими ближайшими союзниками, которых прежде и больше всего оно затрагивало.

«Никогда ни у кого не было и мысли о том, что нейтронное оружие... будет развернуто на американской территории... — признал Картер. — Если оно когда-либо будет создано, то его развернут на землях Западной Германии, или Бельгии, или других европейских (западноевропейских. — Ю. М.) государств». Президент подтвердил также, что руководство ни одной из этих стран не выразило ему готовности предоставить свою территорию для размещения нейтронного оружия, если оно будет произведено Соединенными Штатами. Именно поэтому, по словам Картера, он «прекратил рассмотрение вопроса о производстве нейтронного оружия в настоящее время»⁴⁵. Но это отнюдь не означало окончательного отказа от него американских милитаристов.

Комментируя решение президента, министр обороны Г. Браун разъяснил в своем выступлении в телевизионной программе Си-Би-Эс «Лицом к нации» 9 апреля 1978 г., что Вашингтон оставляет для себя «открытой возможность производить и развертывать боеголовки повышенной радиации (пентагоновское название нейтронного оружия. — Ю. М.), в то же время продвигаясь вперед с модернизацией тактического ядерного арсенала». Более того, Браун заявил, что решение отложить производство не задержит в случае необходимости конечного использования нейтронного оружия. «Мы будем производить и развертывать другие, улучшенные ядерные вооружения в ближайшие год или два, — объяснил он, — и в течение короткого времени после этого — при наличии соответствующего приказа — мы

сможем придать им компоненты повышенной радиации»⁴⁶.

В октябре 1978 года Совет национальной безопасности (СНБ) принял решение, а президент отдал распоряжение о начале производства основных компонентов нейтронного оружия и об усовершенствовании ракет и артиллерии, развернутых в Западной Европе для его использования.

Мотивы этого решения достаточно ясны. Рано или поздно, но все равно, с имперской точки зрения правящих кругов США, правительствам западноевропейских, а возможно, и других капиталистических стран придется капитулировать и принять участие в реализации планов Пентагона.

Состоявшаяся непосредственно за встречей «большой семерки» в Лондоне 10—11 мая 1977 г. сессия совета НАТО на уровне глав государств и правительств под шум заявлений Картера о необходимости «нейтрализации» якобы усиливающейся «советской угрозы» приняла решение о ежегодном увеличении по крайней мере на 3% военных расходов членов НАТО и о разработке краткосрочной и долгосрочной программ усиления и модернизации их вооруженных сил. Как сообщил министр обороны США Браун, в долгосрочной программе предусматривалось, в частности, укрепление ядерного потенциала в Западной Европе. Министр при этом подчеркнул, что США покажут пример НАТО: «Я полагаю..., что мы снова взяли на себя руководство, предлагая краткосрочную и долгосрочную программы действий, к которым присоединились... и наши союзники по НАТО»⁴⁷.

На проходившей в Вашингтоне 30—31 мая 1978 г. также на высшем уровне встрече представителей стран НАТО президент Картер снова не пожалел красноречия и усилий, чтобы убедить остальных ее участников в необходимости срочного противодействия «советской экспансии и силе». Хотя он до конца и не преуспел в этом (некоторые из союзников США открыто высказались за поиски соглашений с СССР), тем не менее Вашингтону удалось навязать НАТО рассчитанную на 15 лет и требующую дополнительных расходов на сумму в 80 млрд. долл. программу долгосрочного перевооружения стран блока. Она включала в себя производство новых типов ракет, самолетов и танков, средств «электронной войны», авиационной системы раннего предупреждения и контроля (АВАКС) и т. д.

Добившись принятия установки на долговременную гонку вооружений, правящие круги США приложили значительные усилия к тому, чтобы вовлечь своих союзников по НАТО в осуществление совместно с американцами военных

операций против национально-освободительных, антиимпериалистических движений.

В послевьетнамский период в Вашингтоне особенно остро испытывали нужду ввиду трудностей и ограничений в использовании собственно американских вооруженных сил, в коллективном применении военной силы или в осуществлении интервенций чужими руками ради защиты интересов американского и мирового империализма. На это была нацелена еще гуамская доктрина Никсона, на это же направляла свои усилия и администрация Картера, старавшаяся по возможности избежать открытого, «видимого» участия США в военных конфликтах в различных районах мира.

Не случайно поэтому на встрече представителей стран НАТО в Вашингтоне Картер в ходе общих и двусторонних бесед (особенно с президентом Франции) неоднократно высказывался за расширение сферы действия НАТО за пределы установленного договором «атлантического региона», в первую очередь на Африку, в связи с событиями в Анголе, Эфиопии, Южной Родезии, Намибии, Заире. Он предлагал создать на африканском континенте, по существу, «силы быстрого реагирования», если не общенатовские, то на основании двусторонних или многосторонних договоренностей между отдельными членами блока, если не американо-западноевропейские, то «панафриканские», обучаемые, снабжаемые и руководимые Западом. Жалуясь союзникам на ограничения, наложенные конгрессом в первой половине 70-х годов на интервенционистские планы Белого дома, Картер обещал постараться отменить, «смягчить» или обойти их и даже выражал готовность послать по примеру французских легионеров американских десантников для «поддержания стабильности» (т. е. сохранения колониальных и неоколониальных порядков) в Африке⁴⁸.

Определенным шагом в реализации замыслов Вашингтона о коллективных действиях стран НАТО за пределами официальной сферы действия этого союза явились операции ВМС США, Англии и Франции к югу от Тропика Рака и натовские планы «обороны» морских путей вокруг мыса Доброй Надежды, о которых сообщил на состоявшемся в Аннаполисе в июне 1978 года симпозиуме НАТО по военно-морским проблемам генеральный секретарь блока Й. Лунс⁴⁹.

Несмотря на то что правительству Картера удалось навя-
зывать остальным членам НАТО долгосрочную программу перевооружения, его попытки использовать этот военный

блок для осуществления роли коллективного всемирного полицейского, для утверждения трехсторонней стратегии и лидерства США в капиталистическом мире терпели неудачу. Прежде всего Западная Европа не одобряла все более резкие зигзаги Вашингтона в сторону воинствующей антисоветской политики и силового подхода к «третьему миру». Продолжали обостряться также экономические противоречия между основными империалистическими державами. Наконец, резкое несоответствие обещаний Картера с его реальными поступками, непоследовательность и противоречивость внешнеэкономической политики и дипломатии США вызывали серьезное недовольство руководителей западноевропейских государств и Японии. Особенно возмущали их односторонние узкоэгоистические действия США в торгово-экономической и валютно-финансовой областях, предпринимавшиеся часто без их согласия и наносившие ущерб их интересам.

Свидетельством ухудшения отношений между США и остальными ведущими капиталистическими державами стала очередная встреча «большой семерки» в Бонне в июле 1978 года. Еще накануне этой встречи западноевропейские и японские руководители потребовали от Вашингтона ввиду обесценивания доллара и постоянно растущего дефицита платежного баланса США проведения ими более эффективных мер, направленных на борьбу с инфляцией и энергетическим кризисом. Разногласия внутри «семерки» по вопросам обеспечения стабильности мировых цен и валют и невыполнение задач, поставленных ее предыдущей встречей в Лондоне, едва не привели к срыву совещания и резко снизили его результативность.

В опубликованном после этой встречи заявлении снова перечислялись «больные» проблемы мирового капитализма: застой в экономике, одновременный рост безработицы и инфляции, растущий протекционизм в мировой торговле, чрезвычайные колебания валютных курсов и т. д., но не содержалось никаких совместных обязательств по их преодолению. Каждый из участников должен был «лечиться дома», проводя соответствующую национальную политику.

Отказавшись, по существу, в Бонне следовать предписаниям США и действовать совместно с ними, западноевропейские государства в то же время предприняли ряд шагов в направлении валютно-финансовой интеграции, заключения соглашения о создании Европейского валютного фонда с целью удержания колебаний курса своих валют в определенных рамках, уменьшения их зависимости от

доллара. «Причина этого ясна,— писала «Интернэшнл геральд трибюн» 31 июля 1978 г., — недостаток веры в американское экономическое лидерство... Еще бóльшую озабоченность должно вызывать то, что европейские маневры с подобного рода финансовым союзом выдают глубокий пессимизм относительно перспектив экономического мира между «Общим рынком», США и Японией. «Общий рынок» рассматривает нежелание Вашингтона защитить доллар с помощью экономических мероприятий как признак безразличия к европейским проблемам».

К лету 1978 года, таким образом, стало достаточно ясно, что правительству Картера удастся еще сохранять единство с союзниками и навязывать им свои решения в военной области и по отдельным проблемам международных отношений, но что расчеты Вашингтона на восстановление с помощью трехсторонней стратегии всесторонней гегемонии в капиталистическом мире терпят серьезную неудачу. «Запад собрался в июле на боннскую встречу на высшем уровне в обстановке резких взаимных обвинений,— отмечалось в «Оценке глобального политического положения» за апрель — октябрь 1978 года, подготовленной Институтом по исследованию международных проблем Колумбийского университета. — После этой встречи резкость тона исчезла... Главные конфликты из-за проблем экономики, финансов и распространения ядерной технологии и материалов были смягчены или отставлены в сторону. Но кратковременные улучшения в экономической и дипломатической сферах были омрачены». Признавалось, что «экономический рост будет замедленным, безработица — высокой, сопротивление трудящихся нынешним экономическим мероприятиям будет возрастать, и, следовательно, национализм в области индустриальной политики усилится. Новая японская напористость и политическое давление, ощущаемое за желанием Западной Германии создать европейскую валютную систему, показывают, что неудовлетворенность ключевых американских союзников перешла критический порог и отныне они не будут мириться с той степенью экономического и политического лидерства США, которая превалировала со времен второй мировой войны»⁵⁰.

Таким образом, правительство Картера очень быстро натолкнулось на серьезные трудности в осуществлении уже своей первой и главной задачи — налаживания тесной координации и сотрудничества трех основных центров современного империализма — США, Западной Европы и Японии — под американской эгидой и руководством. При этом

наряду с экономическими противоречиями значительную роль в расхождениях между ними сыграли также разногласия по вопросам отношений с развивающимися и социалистическими государствами, разрядки и кампании «в защиту прав человека».

Между тем взаимоотношения США со многими государствами Азии, Африки и Латинской Америки к моменту прихода правительства Картера к власти находились в кризисном состоянии в результате, с одной стороны, безразличия Вашингтона к жизненно важным для этих государств социально-экономическим проблемам и, с другой стороны, его грубого вмешательства в их внутренние дела. Специально назначенный Картером новый представитель США в ООН, видный негритянский либеральный деятель Эндрю Янг, говоря о неблагоприятных для престижа США последствиях их внешней политики, признавал: «Наша (американская. — Ю. М.) вовлеченность в Южной Африке оттолкнула от нас африканцев, вопрос о Панамском канале привел к нашему отчуждению от латиноамериканцев, а Вьетнам принес нам отчуждение почти ото всех... Я хотел показать по поручению администрации Картера, что Соединенные Штаты могли бы играть большую роль в деятельности Объединенных Наций по деколонизации, что мы обладаем скорее моральной силой, чем военной мощью, чтобы вести мир и господствовать над ним»⁵¹.

Стараниями Янга и ряда других либеральных деятелей в политику США по отношению к развивающимся странам были внесены определенные коррективы. Однако они имели явно тактический характер, были направлены на укрепление пошатнувшихся позиций США в «третьем мире», а не на действительное разрешение множества его «больных» проблем, таких как неравноправные отношения с Западом, остатки колониализма, расизма, неоколониальная эксплуатация, бедность, низкие темпы развития и др. Кроме того, целый ряд либеральных высказываний и позитивных инициатив Янга (в защиту патриотов Намибии, палестинцев и др.) натолкнулся на ожесточенное сопротивление реакционных, консервативных кругов как в самих США, так и среди их союзников и был осужден, а сам Янг в конечном счете вынужден был уйти в отставку в результате прямой провокации против него сионистской разведки.

Понимая, что без некоторых уступок под угрозой окажутся взаимоотношения США с большинством развивающихся стран и вся их «большая» трехсторонняя стратегия, правительство Картера пошло, в частности, на подписание

7 сентября 1977 г. (после 13 лет переговоров между США и Панамой) двух новых договоров о Панамском канале вместо соглашения 1903 года. Согласно одному из них, США обязались полностью передать Панаме суверенитет над каналом и его зоной, вывести оттуда свои войска и ликвидировать базы к 2000 году. Однако второй договор предусматривал, что и с наступлением третьего тысячелетия за США останется право совместно с Панамой «гарантировать нейтралитет канала», т. е. фактически сохранял за ними возможность интервенции в эту страну под предлогом обеспечения нейтрального статуса «жизненно важного» для них водного пути между Атлантическим и Тихим океанами. США должны были также значительно увеличить платежи Панаме за пользование каналом, хотя они и остались намного ниже их доходов от него.

«Ястребы» использовали самый факт заключения новых американо-панамских договоров, хотя они и сохраняли весьма неравноправный и явно выгодный для США статус Панамского канала и его зоны, для развязывания очередной безудержной кампании против «отступления от американской империи» и едва не сорвали ратификацию этих договоров. Сенатор У. Скотт, например, дошел до того, что требовал превратить зону канала в 51-й штат или в «свободно присоединившееся» к США государство по типу Пуэрто-Рико.

Защищаясь от нападок «откровенных империалистов», Картер, Вэнс и другие американские деятели сделали немало признаний как о весомых причинах, вынудивших Вашингтон подписать в конце концов договоры с Панамой, так и о своих подлинных намерениях, связанных с ними. «Мы хотели таких договоров, — заявил президент в одном из своих телевизионных интервью, — которые гарантировали бы нам навсегда право предпринимать любые действия, которые мы сочтем необходимыми, чтобы сохранять канал в безопасности, защищать его и держать открытым для нашего пользования, и мы получили их»⁵².

Согласно одной из внесенных в сенате поправок к первому договору о нейтралитете Панамского канала, США могли, например, прибегнуть к вооруженному вмешательству в зоне канала не только в случае «внешней угрозы», но и при «внутренних беспорядках», забастовках, «опасных» для судоходства по нему. Подобные условия вызвали серьезное недовольство в Панаме и во всей Латинской Америке. Даже американская печать вынуждена была признать в связи с этим, что некоторые круги в США «не счи-

тают нужным проявлять уважение и порядочность по отношению к другим странам»⁵³.

Наряду с подписанием договоров о Панамском канале администрация Картера попыталась предпринять и ряд других шагов по улучшению отношений США со странами Западного полушария, многие из которых рассматривались не только как объекты экспансии, но и как «младшие» союзники американского империализма в его политике по созданию «нового мирового порядка». Так, в июне 1977 года она организовала в Тампе (Флорида) первую конференцию по вопросам бизнеса, торговли и развития государств Карибского бассейна, целью которой было привлечение в эти страны американского частного капитала.

В январе 1978 года вице-президент Мондейл во время поездки в Мехико и Оттаву выдвинул идею о создании североамериканского экономического сообщества в составе Канады, Мексики и США. Экономическая интеграция стран Карибского бассейна и североамериканского континента, по замыслу Вашингтона, должна была содействовать как еще более свободному хозяйничанью здесь американских монополий, так и укреплению военно-политического господства США над этими странами.

Правительство Картера пыталось взять под свой контроль ход событий во всем Западном полушарии путем предоставления финансовой, технической и военной «помощи», использования кампании «в защиту прав человека», усиления экономической и идеологической экспансии. При этом оно не скупилось на заявления различным латиноамериканским странам о готовности к развитию «равноправных» отношений с ними и т. п. Но его попытки наталкивались или на открытое недоверие этих стран к американскому империализму, по-прежнему на деле эксплуатирующему их, или на недовольство реакционных, диктаторских режимов в регионе «правозащитной» кампанией Вашингтона, несмотря на то что, проявляя чудеса эквилибристики, он продолжал в той или иной форме предоставлять доллары и оружие режимам кровавых диктаторов — Сомосы в Никарагуа, Дювалье на Гаити, Пиночета в Чили. Картеру не удалось приостановить ни национально-освободительную борьбу в ряде стран Центральной и Южной Америки, ни рост антиамериканских настроений и тенденции к сплочению латиноамериканцев в ОАГ и других региональных организациях.

Под непрерывным давлением со стороны джингоистски настроенных агрессивных сил правительство Картера не-

редко ужесточало свою политику в «третьем мире». Вопреки сделанным им самим ранее заявлениям оно отказалось от большей части уступок развивающимся странам по экономическим вопросам, с целью осуществления своих неокOLONIALИСТСКИХ ЦЕЛЕЙ вмешивалось в их внутренние дела. Так, уже весной 1977 года Вашингтон вместе с западноевропейскими союзниками оказал большую помощь правительству Мобуту в Заире, послав туда наемников, оружие и транспорт в период очередной вспышки гражданской войны в этой стране.

О том, что военно-стратегические интересы США в Африке, а не забота о правах человека или благосостоянии народов этого континента являются важнейшей движущей силой их политики, откровенно заявил конгрессу председатель комитета начальников штабов США Браун. Он признал факт существования в шести африканских странах, включая Заир, американских военных баз и подчеркнул значение Африки как незаменимого поставщика сырья, необходимого современной промышленности западных держав⁵⁴.

Под лозунгом «стабилизации» положения в Африке правительство Картера вместе с другими империалистическими государствами стремилось сохранить у власти существующие здесь прозападные режимы, какими бы диктаторскими и коррумпированными они ни были. Там же, где освободительная, революционная борьба начинала угрожать этим режимам, оно пыталось или подавить эту борьбу, или, прибегая к более гибкой и замаскированной тактике, привести к власти послушные марионеточные правительства (в Родезии, Намибии), сохранив фактически в той или иной форме господство расистского белого меньшинства и западного капитала, особенно в ЮАР, являющейся их главным оплотом.

Более того, отталкиваясь от опыта скоординированной интервенции Запада в Заире и действий своих союзников в ряде других африканских стран, правительство Картера занялось разработкой плана распространения сферы деятельности НАТО на Африканский Рог, Ближний Восток и другие «взрывоопасные районы».

Американский главнокомандующий вооруженными силами НАТО генерал Хейг, запугивая «советской угрозой», нависшей якобы над «доступом западных индустриальных обществ к сырьевым материалам и энергетическим источникам снабжения» в Африке, совершенно недвусмысленно призвал членов НАТО перестать «игнорировать события

на периферии сферы альянса»⁵⁵, т. е. распространить его «коллективную» интервенционистскую стратегию на обширные районы африканского континента, Южной Атлантики и Индийского океана.

Все более враждебную позицию администрация Картера занимала в отношении прогрессивных режимов, стран, встающих на некапиталистический путь развития. Она отказалась, например, от предоставления обещанной ранее экономической и технической помощи Анголе и Мозамбику, подтолкнула Сомали к нападению на революционную Эфиопию с целью отторгнуть от нее обширную территорию Огадена, подорвать новую народную власть в стране. Обвиняя СССР, Кубу и другие социалистические государства в оказании поддержки Эфиопии в ее борьбе против сомалийской агрессии, правящие круги США в то же время сами стремились к раздуванию враждебных отношений между двумя странами, добиваясь, таким образом, с одной стороны, ослабления Эфиопии, а с другой — усиления своего влияния в Сомали.

В конце марта 1978 года в Могадишо побывал в качестве личного представителя президента помощник государственного секретаря Р. Мус, который провел здесь переговоры о поставках американского оружия и о возможности создания военно-политического союза прозападных стран, включая Сомали, в районе Красного моря. Американское подстрекательство побудило Сомали игнорировать все усилия СССР, других социалистических и африканских стран, призывавших его урегулировать мирным путем свой конфликт с Эфиопией, отказаться от попыток силой оружия увеличить собственную территорию за счет соседних государств.

Грубо вмешиваясь в африканские дела и обостряя существующие здесь конфликты, Вашингтон в то же время пытался обвинить Советский Союз чуть ли не во «вторжении» в Африку.

Напряженные отношения США со многими развивающимися странами, острые конфликтные ситуации в ряде районов «на периферии» капиталистического мира, трудности с осуществлением коллективной неокOLONIALИСТСКОЙ политики Запада, с одной стороны, и новые успехи национально-освободительного движения, развитие разносторонних связей между социалистическими и освободившимися государствами — с другой, обуславливали дальнейшее повышение приоритетности «третьего мира» во внешней политике администрации Картера. Маршрут намеченных на

начало 1978 года двух кругосветных поездок президента охватывал такие крупные страны Азии, Африки и Латинской Америки, как Индия, Иран, Саудовская Аравия, Нигерия, Бразилия и Венесуэла.

Делая очередной зигзаг в своей политике, правительство Картера довольно явственно выражало намерение не только помешать развитию дружественных отношений между СССР и освободившимися странами, но и потеснить здесь своих партнеров по проведению трехсторонней стратегии, подчинить эти страны исключительно американскому влиянию.

Имперская мания величия проявлялась и в отношении внутренних дел крупнейших развивающихся стран мира, причем под предлогом все той же лицемерной заботы о «правах человека» и т. п. «Мы отправляемся в Индию, — сказал сам Картер накануне своего отъезда из США, — величайшую демократию в мире, которая в недавние годы обращалась почти исключительно к Советскому Союзу, но теперь под новым руководством премьер-министра Десаи возвращается обратно к нам»⁵⁶.

В Дели президент США также произнес немало красивых слов о мире, дружбе и демократии. Подлинную цену всем этим словам Картера показал, однако, один небольшой инцидент, происшедший во время перерыва для фотографирования в ходе американо-индийских переговоров. На этих переговорах, касавшихся Ближнего Востока, ограничения военной активности в Индийском океане, развития событий на Африканском Роге, диалога между странами — производителями и потребителями сырьевых ресурсов, полного запрещения всех испытаний ядерного оружия и т. д., выявились определенные разногласия между президентом и премьер-министром, в частности относительно ядерной программы Индии. Раздраженный этим, Картер, позируя в перерыве перед фотографами и репортерами с магнитофонами, которые оказались включенными, довольно громко сказал Вэнсу, что по возвращении домой он направит Десаи письмо, «холодное и очень резкое» с подтверждением неизменности своей позиции⁵⁷. «Недипломатичность» президента постарались позднее сгладить, но она достаточно наглядно показала, как позволяют себе руководители США обращаться со страной, которую публично сами называют великой.

Еще более ярким примером лицемерия и близорукости было поведение Картера во время его визита в Иран. Он щедро расточал похвалы в адрес диктаторского шахского

режима, его «реформ» и достигнутого им «прогресса». При этом Картер договорился до того, что назвал шахский Иран, где за годы правления династии Пехлеви были убиты и зверски замучены сотни тысяч борцов против тирании, примером «стабильности» в окружающем его «неспокойном мире» Ближнего и Среднего Востока.

Очевидно, немалую роль в красноречивых выступлениях Картера в Иране играли такие, отнюдь не «моральные», факторы, как исполнение шахом обязанностей проамериканского жандарма Персидского залива, содействие США в создании обширной сети баз для иранских ВВС и ВМС, соглашение 1976 года между США и Ираном, предусматривавшее продажу ему в период до 1980 года на 10 млрд. долл. самых современных видов оружия и на 24 млрд. долл. других американских товаров, поставки иранской нефти в Америку на 14 млрд. долл., доведение численности американского персонала в стране, в основном военного, до 50—60 тыс. человек, заключенная самим Картером сделка о поставке Ирану 6—8 атомных реакторов на сумму в 10 млрд. долл. и т. д.⁵³

Перенося в своей «двойной» политике «безопасности и развития» в Азии упор на экспансионистские и стратегические аспекты, правительство Картера все более откровенно заявляло о целях послевьетнамского «возвращения» США в этот регион и американских «обязательств по его обороне и военной подготовленности», о стремлении использовать в своих интересах конфликты и противоречия между другими странами. «США будут осуществлять сильное и разнообразное военное присутствие и активную дипломатию в азиатско-тихоокеанском регионе, чтобы поддержать здесь наши растущие экономические и политические ставки»⁵⁹, — объявил З. Бжезинский.

Вашингтон быстро свернул планы вывода своих войск из Южной Кореи, увеличил поставки вооружений ей и ряду других азиатских союзников, приступил к укреплению военных баз на Филиппинах и в Японии, расширению сферы действия АНЗЮС и СЕНТО, увеличению поставок оружия Таиланду и другим странам АСЕАН. В ходе поездки весной 1978 года вице-президента Мондейла по странам Азии и Океании была достигнута, в частности, договоренность о распространении сферы действия военного союза США с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС) на Индийский океан.

США стали все глубже эшелонировать первую континентально-островную линию своего военного присутствия в

Азии в глубь Тихого и Индийского океанов, создавая второе «плавающее-островное» кольцо — систему взаимосвязанных портов и баз, военно-морских и военно-воздушных, авианосных и транспортных соединений. Американских империалистов во главе с «поборником прав человека» Картером весьма мало беспокоило то, что при этом они действовали вопреки воле и интересам многих неприсоединившихся стран, выступающих за превращение Индийского океана в зону мира, а также игнорировали интересы коренных жителей Диего-Гарсия и тихоокеанских островов, отданных ООН под временную опеку США.

В апреле 1978 года государственный департамент объявил о подписании с представителями Микронезии так называемого соглашения о принципах, в котором она объявлялась «свободно присоединившейся» к США территорией. Таким образом, Вашингтон получал «полную власть» над Микронезией и нес «ответственность» за ее безопасность и оборону, включая создание необходимых военных объектов и право выступать от ее имени на международной арене.

«Игнорируя законные права, интересы и волю народа Микронезии, — отмечалось в заявлении постоянного представительства СССР при ООН, — США проводят политику, направленную на то, чтобы увековечить свое господство над этой территорией. Это делалось и делается путем насаждения духа сепаратизма, дробления этой территории с целью ее фактического поглощения по частям. На территории Микронезии сооружаются военные базы, что представляет собой серьезную угрозу народам стран Азии и Океании, а также всеобщему миру и безопасности»⁶⁰.

Проявляя повышенный интерес ко всякого рода «великим» имперским проектам, Вашингтон поддержал выдвинутую правящими кругами Японии идею о создании так называемого тихоокеанского сообщества. В представлении некоторых вашингтонских деятелей такое сообщество могло бы стать наилучшей формой реализации старой мечты американских экспансионистов о превращении Тихого океана в «американское озеро». Поддерживая идею тихоокеанского сообщества, правящие круги США хотят использовать в собственных узкокорыстных интересах быстрое развитие промышленности и торговли во многих странах огромного региона — от Латинской Америки и Австралии до Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, расширение коммуникаций и обмена между ними, их огромные природные богатства и стратегические позиции и т. д. Они рассчитывают, что самый серьезный их конкурент здесь, Япония, на-

ходясь в военно-политической зависимости от США, станет их младшим партнером по сообществу, уступив им господствующие позиции в нем. Однако эти расчеты все меньше оправдываются в силу прежде всего отрицательного отношения к имперским замыслам Вашингтона большинства государств Азии и Океании, которое является главной причиной изменений планов создания тихоокеанского сообщества и задержек с их осуществлением.

Нереальными являются и расчеты Вашингтона на то, чтобы изолировать Советский Союз от тихоокеанского региона, более того, создать здесь широкую военную коалицию, направленную против СССР, его друзей и союзников. Советский Союз является отнюдь не в меньшей мере, чем США, тихоокеанской державой, и «вытеснить» его отсюда никогда не удастся.

Хотя в соответствии с трехсторонней стратегией взаимоотношениям с СССР отводилось третье место в системе приоритетов внешней политики США, тем не менее на практике эти отношения, независимо от настроений и желаний Вашингтона, неизменно становились одним из важнейших объектов его внимания. Реалистически мыслящие представители правящих кругов США отдавали себе отчет в том, что Советский Союз является «неизбежным» партнером Америки по решению множества острых международных проблем, в том числе глобальных. Войнствующие империалистические силы, видя в СССР главное препятствие на пути к осуществлению своих всемирных имперских замыслов, приписывают ему «главную ответственность» чуть ли не за все нежелательные и неблагоприятные для них события в мире, за любые провалы, кризисы и поражения глобальной политики США.

Уже при подготовке президентского обзорного меморандума № 10 весной 1977 года один из его авторов, член СНБ С. Хантингтон охарактеризовал советско-американские отношения как «все перекрывающую проблему дипломатии США» в мире, «находящемся на второй стадии холодной войны»⁶¹.

Отражением противоречивого подхода администрации Картера к отношениям с СССР стала официально сформулированная им доктрина «сотрудничества и соперничества» как основы официального курса Вашингтона.

Хотя сначала во многих заявлениях администрации Картера говорилось о «примерном равновесии сил» и о «мирном», равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве с СССР, отвергались киссинджеровские концепции «увяз-

ки» и «силового подхода» к международным отношениям, тем не менее ориентация на навязывание Советскому Союзу американских условий сосуществования все отчетливее проявлялась с каждой новой акцией правительства Картера, особенно в сфере разработки мер идеологического и экономического давления и военных приготовлений США. Пропагандируя «моральный подход» к международным проблемам, оно на самом деле, как и другие американские администрации, не отказывалось от политики силы, попыток шантажа и диктата.

Хотя США были вынуждены вступить на путь переговоров и договоренностей с СССР на различных уровнях и по разным вопросам, Вашингтон вместе с тем далеко не всегда соблюдает достигнутые соглашения, принципы равенства и одинаковой безопасности обоих государств на мировой арене. В частности, американская сторона часто проявляет странную «забывчивость» в отношении таких пунктов двусторонних и многосторонних отношений с участием США, как отказ от использования силы или угрозы силой в международных отношениях, невмешательство во внутренние дела других стран, признание права народов на национальную независимость, суверенитет и т. д. Подчас предпринимаются попытки исключить участие СССР в обсуждении и решении некоторых острых международных проблем, продиктовать ему свои условия намечаемых соглашений, увязать развитие сотрудничества с ним с выполнением Советским Союзом предписываемых Вашингтоном «правил поведения» на международной арене (с чем, разумеется, СССР никогда не согласится).

Пытаясь вести дела с СССР с позиции «морального превосходства», администрация Картера вскоре после прихода к власти внесла так называемые новые, «всеобъемлющие» (а в качестве запасного варианта — «узкие») предложения на переговорах об ограничении стратегических вооружений. Эти предложения, подсказанные Картеру сенатором Джексоном и другими «ястребами», были направлены на получение односторонних преимуществ для США, ревизию уже достигнутых договоренностей, прежде всего владивостокской, отказ от ранее взятых обязательств. Они предусматривали прекращение развертывания советских мобильных ракет, введение ограничений на новый советский бомбардировщик среднего радиуса действия Ту-22М (в США его называют «Бэкфайр») и резкое сокращение общих советских стратегических вооружений, особенно так называемых тяжелых ракет, при сохранении в неприкосно-

венности всей системы американского передового базирования в Западной Европе и других близких к территории СССР районах «в обмен в основном на обещание Америки не разрабатывать некоторых видов вооружений в будущем»⁶².

«Что же получится,— говорил в связи с этим член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на пресс-конференции 31 марта 1977 г. в Москве,— если с приходом в какой-то стране нового руководства будет перечеркиваться все положительное, что достигнуто в отношениях с другими странами. О какой же стабильности отношений с другими странами можно говорить в этом случае? О какой стабильности в данном случае можно говорить в отношениях между США и СССР? Мы, наша сторона, хотели бы видеть стабильность в наших отношениях, чтобы эти отношения были по возможности хорошими, основанными на принципах мирного сосуществования»⁶³.

Не добившись в Москве аннулирования достигнутых ранее с СССР договоренностей и не сумев навязать ему неравноправные и несовместимые с интересами его безопасности условия нового договора ОСВ, правительство Картера попыталось отстаивать эти условия и дальше, угрожая СССР форсированием гонки американских вооружений, если он по-прежнему будет отказываться принять их. Однако, разумеется, и тут Вашингтон потерпел неудачу, и ему пришлось возобновить переговоры на базе владивостокской договоренности.

Постепенно ужесточая курс на соперничество с СССР и одновременно раскрывая обширные экспансионистские замыслы Вашингтона, Картер в начале июня 1977 года открыто выступил против советской политики мира, дружбы и сотрудничества, в первую очередь с теми странами, на которые эти замыслы распространялись. Президент заявил, что он сам склонен к тому, чтобы бросить «решительный вызов» Советскому Союзу и другим государствам в тех районах мира, которые «критически важны» для США. Президент добавил с явным самодовольством, что США уже ведут себя «достаточно решительно» в Южной Африке и на Ближнем Востоке, а также в области ядерной политики⁶⁴.

Изыскивая любые методы для ослабления позиций СССР и одновременно для демонстрации «либерализма» администрации демократов, правительство Картера на первых порах сделало ряд заявлений о своем намерении нор-

мализовать отношения с Кубой и Вьетнамом. При этом откровенно ставилась цель путем определенного отступления США от тотального антикоммунизма нанести еще больший ущерб СССР, пытаясь посеять разногласия среди социалистических стран и мирового коммунистического движения.

Выяснилось также, что для Вашингтона «отход» Кубы, например, от СССР в качестве условия нормализации отношений с ней означал одновременно ее отказ от оказания помощи Анголе, от солидарности с народами Латинской Америки и «продвижение к гарантированию бóльших прав человека» на самой Кубе⁶⁵. Столь наглое вмешательство во внутренние дела социалистических стран, естественно, вызвало суровую отповедь с их стороны.

Снова и снова предпринимаемые Вашингтоном попытки повернуть вспять ход истории, закономерное развитие человечества по пути освобождения и прогресса и проведение им соответствующей политики стали одним из наиболее серьезных препятствий на пути улучшения международных, в том числе советско-американских, отношений. Ссылаясь на те или иные временные конъюнктурные факторы, игнорируя глубинные и долгосрочные объективные тенденции мирового развития, многие руководители США ошибочно полагали и полагают, что время якобы работает на них, что мировой социализм «переживает все бóльшие трудности» и что стоит Америке еще немного «подождать и поднажать», как она будто бы сможет разговаривать с Советским Союзом и остальными государствами «с позиции силы», диктовать им свои условия и т. д. Эта империалистическая стратегия уже не раз приводила не только к ненужным потерям времени, ресурсов и сил, но и к рискованным авантюристическим акциям, опасным конфронтациям.

Различные неофициальные и официальные лица в Вашингтоне все чаще позволяли себе называть Советский Союз не только главным «соперником», но и «врагом» США, в борьбе против которого пригодны и дозволены любые средства. «Мечтой» американских империалистов оставались «истощение», «изоляция» и ослабление Советского Союза до такой степени, чтобы он перестал быть главным препятствием на пути их имперских притязаний, подчинился американским условиям «сотрудничества». В интервью журналу «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» под весьма характерным заголовком «Новые вызовы США России» З. Бжезинский откровенно заявил: «С нашей точки зрения, мы находимся сейчас на такой стадии истории,

когда США снова должны заняться созидательным процессом построения новой мировой системы... И мы бросаем вызов Советам — или сотрудничайте с нами или вы рискуете остаться в стороне... от великих проблем нашего времени»⁶⁶.

Подобное заявление и перечень изложенных Бжезинским конкретных «требований» Вашингтона, предъявляемых Советскому Союзу в качестве условий «сотрудничества»: отказ от революционных принципов, от поддержки освободительных движений, «свобода» контактов, информации и эмиграции и т. д., — достаточно ясно свидетельствовали как о масштабах планов администрации Картера по установлению мирового господства США, так и об их авантюристичности, обреченности на провал.

Для обоснования усиления антисоветизма в своей политике американские руководители начали распространять очередную клевету о том, что якобы СССР стремится использовать вызванное Вьетнамом и Уотергейтом «ослабление и отступление» США для собственного «прорыва» в Африку, на Ближний Восток и т. д. Белый дом и Пентагон делали одно за другим заявления о том, что СССР будто бы хочет установить свое господство над важнейшими источниками сырья то ли для того, чтобы самому использовать это сырье, то ли для экономического «удушения» Запада, то ли еще для чего-то.

Сделанные ранее заявления об избавлении внешней политики США от «страха перед коммунизмом», заверения картеровской администрации о том, что она не собирается рассматривать любые события или процессы на мировой арене в жестких рамках конфронтации между Востоком и Западом, все больше предавались забвению, сменялись привычной для Вашингтона схемой конфронтации «двух сверхдержав». «В течение последних 10 месяцев мистер Янг, поддерживаемый своими сторонниками из государственного департамента и миссии при ООН, — писала в феврале 1978 года «Интернэшнл геральд трибюн», — казалась, задавал тон политике США. Его главной целью было убедить Черную Африку, что главным мотивом этой политики являются больше не страх перед коммунизмом и соперничество с СССР, а озабоченность благосостоянием континента и желание помочь ему найти «африканские решения для проблем Африки»... В ноябре реакция США резко изменилась и... подход, отстаиваемый Янгом, был отброшен в сторону... Мистер Бжезинский и его помощники связали советско-кубинскую политику с такими явно не сход-

ными проблемами, как панамские договоры, ОСВ и переговоры по Индийскому океану с русскими, а также роль коммунистической партии в формировании нового итальянского правительства. Все это касалось, с их точки зрения, баланса сил между США и СССР»⁶⁷.

В условиях острой внутренней борьбы по внешнеполитическим вопросам Картер снова и снова проявлял явную противоречивость и непоследовательность в своих заявлениях и акциях в отношении СССР: с одной стороны, он предпринимал попытки навязать ему американские условия «соперничества и сотрудничества», а с другой — вел переговоры, направленные на достижение соглашений с ним, прежде всего в области контроля и ограничения гонки стратегических вооружений.

В сентябре 1977 года в ходе переговоров в Нью-Йорке и Вашингтоне А. А. Громыко с С. Вэнсом и Дж. Картером были приняты совместные заявления о приверженности обеих сторон Договору об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) 1972 года, об их намерении, пока будут продолжаться переговоры о новом соглашении, не предпринимать каких-либо акций, несовместимых с положениями Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), срок действия которого истек в 1977 году. Кроме того, было принято заявление по Ближнему Востоку. В последнем было выражено убеждение СССР и США в необходимости быстрее достижения в рамках специально созданной для этих целей Женевской мирной конференции всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования арабо-израильского конфликта, в том числе решения таких ключевых проблем, как «вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа...»⁶⁸.

В период 1977—1978 годов между СССР и США были продолжены или начаты переговоры и по многим другим важным проблемам двусторонних и многосторонних отношений: о полном и всеобщем запрещении ядерных испытаний, об укреплении режима нераспространения ядерного оружия, о демилитаризации Индийского океана, об отказе от создания противоспутникового оружия, об ограничении поставок вооружений третьим странам, об улучшении условий и увеличении объема торговли, о развитии научного и культурного обмена и т. д. Однако изменения, происходившие в американской политике и пропаганде, в самой ат-

мосфере в США, отнюдь не содействовали, а, наоборот, все больше препятствовали успешному ходу и результативности этих переговоров.

Так, например, администрация Картера под давлением сионистских кругов в одностороннем порядке и очень быстро отказалась, по существу, от достигнутой в октябре 1977 года советско-американской договоренности по Ближнему Востоку и стала активно поддерживать линию на сепаратные египетско-израильские переговоры, означавшие попытку удовлетворить экспансионистские притязания Израиля, обойти ключевые вопросы общего урегулирования в этом регионе земного шара, а заодно и «отстранить» от него Советский Союз. Эта линия привела в конечном счете к заключению позорных кэмп-дэвидских соглашений.

Правительство Картера, как и большинство американских администраций, по существу, пыталось подходить с «двойным стандартом» к действиям на международной арене и правам СССР и США, фактически отказывалось признать их равенство не только в военной, но и в политической и других сферах. Оно позволяло себе вмешиваться в дела чуть ли не всех стран мира, добиваясь распространения и увековечения «невидимой» империи американского империализма. И в то же время оно поднимало невообразимый шум, когда СССР договаривался с какой-либо другой суверенной страной об оказании ей помощи, о развитии с ней разносторонних связей, когда он выступал в поддержку прогрессивных режимов и движений. При этом оно не только изображало в ложном свете политику Советского Союза, но и пыталось заставить СССР изменить ее в приемлемом для себя направлении, прибегая при этом к различным угрозам, ставя под удар даже переговоры и соглашения об ограничении стратегических ракетно-ядерных вооружений, имевшие первостепенное значение для развития как советско-американских, так и международных отношений в целом.

Вопреки своей первоначальной критике киссинджеровской политики «увязок» и обещаниям не проводить ее картеровская администрация стала пытаться оказывать давление на СССР на переговорах, «увязывая» решение обсуждавшихся там вопросов с вопросами, не имевшими никакого отношения к повестке этих переговоров.

В ответ на успехи революционной Эфиопии в отражении агрессии Сомали и на Апрельскую революцию в Афганистане (1978 г.) Вашингтон, например, не нашел ничего лучшего, как потребовать от СССР, Кубы и других социа-

листических стран отказа от интернациональной солидарности и помощи им, угрожая в противном случае заморозить переговоры с Советским Союзом об ограничении стратегических вооружений.

На своей пресс-конференции 2 марта 1978 г. и в ряде других заявлений президент Картер отрицал, что его правительство связывает переговоры об ОСВ-2 с какими-либо политическими проблемами между СССР и США. «Переговоры об ОСВ, — заявил он, — никогда не прекращались и не откладывались... Мы не являемся инициаторами какой-либо правительственной политики, увязывающей вовлечение СССР в спор между Эфиопией и Сомали с переговорами ОСВ или о всеобъемлющем прекращении ядерных испытаний». Но вместе с тем президент США утверждал, что политика Советского Союза в Африке якобы создает в конгрессе и среди общественности США неблагоприятную атмосферу для ратификации в будущем достигнутых на этих переговорах соглашений.

Характерно, однако, что за день до этого Бжезинский прямо потребовал от СССР «прекращения его вмешательства в Африке», и, кроме того, заявил, что США якобы «почти достигли предела в своих уступках» на переговорах об ОСВ-2 и не намереваются идти на дальнейшие компромиссы с советской стороной⁶⁹.

30 мая президент Картер подобным же образом снова фактически связал переговоры об ОСВ-2 уже не только с советской и кубинской политикой в Африке, но и с судебными процессами в СССР над лицами, занимающимися антисоветской деятельностью, т. е. соединил неприкрытое давление на внешнюю политику СССР с прямой попыткой вмешательства в его внутренние дела.

Наряду с замораживанием переговоров об ОСВ-2, о других мерах по контролю над вооружениями и разоружению правительство Картера прибегло и к экономическому давлению на СССР. Так, оно запретило поставки в Советский Союз некоторых видов электронного и нефтегазового оборудования, снова отодвинуло на задний план вопрос о предоставлении СССР режима наиболее благоприятствующей нации.

Объясняя мотивы экономической политики США в отношении СССР, один из ее творцов С. Хантингтон писал: «Вторая эра холодной войны (так он называл период с 1973 г. — Ю. М.) характеризуется несоответствием силовых ресурсов двух сверхдержав. Их военные организации явно отражают разницу национальных целей и традиций; тем не

менее ныне существует примерное асимметричное общее равновесие в военных потенциалах между США и СССР. Но в отношении почти всех остальных ключевых элементов национальной силы США удерживают значительные преимущества. Это, может быть, наиболее ясно отмечается в сфере экономики и технологии».

Именно исходя из подобной предпосылки и был составлен экономический раздел президентской директивы № 18, который гласил, что «американская политика в сфере экономики должна отражать смешанную (сотрудничество и соперничество) природу американо-советских отношений и распределение экономических и технологических ресурсов между двумя странами... США следует использовать свое экономическое и технологическое превосходство, чтобы поощрить советское сотрудничество в разрешении региональных конфликтов, уменьшении напряженности и достижении поддающихся проверке соглашений по контролю над вооружениями (разумеется, на американских условиях. — Ю. М.)»⁷⁰.

Результатом такого «нового» подхода, при котором изменения в масштабах и характере американо-советских экономических отношений обуславливались подчинением СССР политическому диктату США, и явились их ограничения на торговлю с СССР летом 1978 года.

В октябре 1978 года Белый дом направил конгрессу специальный президентский меморандум, который предусматривал дальнейшее усиление контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны. Впредь при рассмотрении заявок американских корпораций на выдачу экспортных лицензий в эти страны в качестве «контролеров» должны выступать СНБ, отдел Белого дома по вопросам науки и техники, ЦРУ, Пентагон, министерство энергетики и т. д.

Как ни были бессмысленны попытки с помощью торговых «санкций» влиять на политику или «наказывать» СССР, какой критике они ни подвергались со стороны торгово-промышленных и общественных кругов США, доказывавших, что от подобных мер страдают они сами, правительство Картера тем не менее упорно продолжало прибегать к ним, снова и снова демонстрируя антисоветизм, близорукость и имперскую самонадеянность.

Составленные к концу 1978 года президентские обзорные меморандумы № 31 и 44 обосновывали дальнейшее развертывание «экономической войны» против СССР, проповедуемой Хантингтоном, Одомом и другими членами

СНБ. Речь шла не только о новом ужесточении контроля над экспортом американской передовой технологии и оборудования в СССР, но и о том, чтобы другие капиталистические государства — члены КОКОМ (Координационного комитета НАТО по контролю над торговлей со странами социализма) пересмотрели список разрешенных к торговле с социалистическими государствами товаров в направлении его ограничения⁷¹.

«Советский Союз может выбирать либо конфронтацию, либо сотрудничество. Соединенные Штаты в равной степени готовы отреагировать на любой выбор»⁷², — ультимативно объявил Картер в своем выступлении в Аннаполисе 7 июня 1978 г., игнорируя тот факт, что СССР уже давно сделал выбор в пользу равноправного и взаимовыгодного сотрудничества и неустанно подтверждает это своими делами и что именно со стороны США снова проявляется опасная тенденция потребовать от СССР «сотрудничества» на условиях, продиктованных Вашингтоном.

Выступая в унисон со своим боссом, Бжезинский обрушился на Советский Союз с лживыми обвинениями в том, что он якобы нарушает «кодекс правил разрядки». Он использовал их не только для раздувания антисоветизма в США, но и для выдвижения своей очередной концепции разрядки как якобы всего-навсего «процесса попыток сдерживать некоторые аспекты соперничества в советско-американских взаимоотношениях»⁷³. Бжезинский заявил, что именно эти «аспекты соперничества» якобы возобладали теперь в отношениях между двумя державами, пытаясь тем самым фактически подвести своих слушателей к мысли об «умирании разрядки».

Антисоветская кампания в США весной и летом 1978 года достигла большого накала. Воинствующие заявления членов администрации Картера не случайно все чаще заменяли его прежние «моральные проповеди». Разочарование и недовольство вынужденным продолжением отступления и приспособлением США к сложившимся международным реальностям в первый период пребывания Картера в Белом доме охватывали значительные, наиболее реакционные круги американского истеблишмента. Внутри самой картеровской администрации также существовало значительное раздражение в связи с провалами многих ее инициатив в результате отрицательного отношения и сопротивления им других стран и народов. Неудачи с трехсторонней стратегией и разработкой «нового мирового порядка», непоследовательность и противоречивость американской по-

литики, провокационный, антикоммунистический характер кампании «в защиту прав человека» — все это вело к обострению внутривластных разногласий, к пересмотру и отходу администрации Картера от своих первоначальных обещаний, планов и установок.

Отмечая, что в условиях кризиса картеровского «морализма» и кампании «в защиту прав человека» и для самого правительства Картера, и для его критиков «объединяющей темой» для создания нового внешнеполитического консенсуса все больше становился старый силовой антисоветизм, редактор журнала «Форин афферс» Д. Чейз предупреждал о примитивизме, нереалистичности и опасности такого консенсуса. «Труднейшие проблемы сегодняшнего дня, — писал он, — двусторонние отношения с СССР, Южная Африка, Ближний Восток, мировая экономика — являются самостоятельными проблемами, требующими наиболее тщательного сбалансирования различных сил и интересов. Насильно включать их в жесткую линию по отношению к Советам будет в лучшем случае неэффективно и опасно в худшем»⁷⁴.

Правительство Картера, однако, снова все больше рассматривало почти любую международную проблему как проявление столкновения Запада с Востоком, США с СССР, пыталось объяснить продолжающиеся прогрессивные перемены и события в мире как результат «интриг Кремля», которым следует противопоставить американскую силу и решимость. «Концепция разрядки впала в немилость в Соединенных Штатах», — констатировала 17 декабря 1978 г. «Вашингтон пост».

Необходимо, однако, подчеркнуть, что без «правозащитной» кампании, которой от начала и до конца придавался прежде всего антисоветский и гегемонистский характер, возвращение к открытому и злобному антисоветизму и имперским притязаниям на господство было бы для правящих кругов США более трудным делом.

При всей зигзагообразности внешнеполитического курса администрации Картера в течение всего ее пребывания у власти основной и постоянной его тенденцией было наращивание не «моральной», а военной силы, увеличение, а не сокращение имперских притязаний американского империализма, обоснование их уже не «заботой» о всем человечестве, а «защитой безопасности и сфер жизненно важных интересов» США, т. е. фактическое возвращение к довьетнамской глобальной стратегии, к «первой эре холодной войны».

4. «Двойная» политика «национальной безопасности»

Из всех движущих сил современной американской политики, из всех факторов, формирующих эту политику, самым могущественным и опасным, судя по многим явлениям, стал военно-промышленный комплекс США в широком значении этого термина, т. е. тесный союз военных корпораций и Пентагона, а также всех связанных с ними и обслуживающих их других правительственных и научных учреждений, частных клубов и общественных ассоциаций, средств коммуникаций и лжепатриотических организаций.

В результате утраты Америкой стратегической неуязвимости и превосходства и провала ее агрессии во Вьетнаме позиции милитаристских кругов серьезно пострадали. Тем не менее военные круги, военно-промышленный комплекс США сохранили в неприкосновенности все основные источники и каналы своего влияния на американское общество, на американскую политику.

Именно военные круги США и их непосредственные представители в правительстве и конгрессе — генерал Уэстморленд и адмирал Замуолт, министры обороны Шлесинджер и Рамсфелд, сенаторы Джексон и Тауэр и в конечном счете президент Форд — первыми открыто выступили за преодоление «вьетнамского синдрома», за дальнейшее развитие военного потенциала США, за его решительное использование в качестве основы и главного орудия американской внешней политики, нацеленной на возобновление борьбы за мировое превосходство и господство.

В середине 70-х годов в США, однако, еще оставались сильными настроения в пользу переговоров, соглашений и сотрудничества США с другими государствами, прежде всего с Советским Союзом, в пользу политических, а не военных средств для отстаивания американских интересов. Почти все опросы общественного мнения в США в период 1977—1978 годов подтверждали, что подавляющее большинство американцев продолжает высказываться за заключение нового договора с СССР об ограничении стратегических вооружений, против использования американских вооруженных сил за рубежом, против нового Вьетнама. Политическое руководство страны было вынуждено в определенной степени считаться с этим.

Отражением смешанных настроений и чувств американцев, а также осознания определенной частью американских

правлящих кругов опасностей и бремени дальнейшей гонки вооружений, особенно ракетно-ядерных, была официальная политика обеспечения «национальной безопасности» США с помощью как укрепления и модернизации их вооруженных сил, так и соглашений о контроле над вооружениями и разоружении, об ограничении или даже понижении уровня противостояния стратегических и обычных вооруженных сил США и СССР, НАТО и ОВД.

Однако «двойной» курс администрации Картера на «сотрудничество и соперничество» с Советским Союзом на деле все больше сводился к одностороннему соперничеству, к усилению с середины 70-х годов акцента на обеспечении «безопасности» с помощью непрерывного наращивания военного потенциала США. Растущий дисбаланс между двумя линиями во внешней и военной политике администрации Картера был обусловлен стремлением к превосходству и господству. Не случайно, давая собственное определение понятию «национальная безопасность», Бжезинский, как и многие другие американские идеологи и политики, по существу, связал его с безграничными экспансионистскими претензиями. «Сегодня,— заявил он,— в конечном счете национальная безопасность означает активное и позитивное вовлечение Соединенных Штатов в формирование быстро меняющегося мира в таком направлении, которое было бы благоприятно для наших (т. е. американских. — Ю. М.) интересов и отвечало бы нашим ценностям. А для этого Соединенным Штатам нужны и сила, и воля»⁷⁵.

В результате почти независимо от хода переговоров о контроле над вооружениями, а иногда явно под их прикрытием гонка вооружений в США продолжалась по все более крутой и угрожающей спирали.

Сразу же после прихода к власти новой администрации демократов Пентагон передал в Белый дом почти тысячу документов, «обосновывающих» продолжение и усиление гонки вооружений в самых различных направлениях и формах. Главный тезис всех американских «ястребов», сообщила «Интернэшнл геральд трибюн» 14 марта 1977 г., состоит в том, что «большее количество лучшего ядерного оружия, даже не используемого ни в какой мыслимой ситуации, можно обратить в твердые дипломатические, военные и психологические активы, которые, подобно обычным военным и экономическим мускулам, можно напрягать и пускать в ход». По их логике, «наступит время, когда ядерные вооружения одной из сверхдержав (а этой сверхдерж-

жавой, по расчетам «ястребов», могли и должны были быть только США. — Ю. М.) — даже если их нельзя будет использовать без опасности для себя — обеспечат ей возможность господствовать над миром».

Проповедь администрацией Картера и самим президентом «морального подхода» к международным отношениям в силу инерции продолжалась довольно долго, но параллельно с ней и какое-то время под ее прикрытием все шире разворачивался процесс эскалации военных мероприятий, сопровождаемый чисто милитаристскими декларациями и акциями.

Уже в самом начале 1977 года Пентагон форсировал с благословения президента работу по созданию средств уничтожения «вражеских спутников». В июне Картер принял решение о переоснащении межконтинентальных ракет «Минитмэн-3» новыми многозарядными боеголовками МК-12А повышенной точности и мощности, которые директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке охарактеризовал как «потенциально дестабилизирующий фактор» и с которыми в Вашингтоне связывались надежды на получение хотя бы «временного превосходства» над СССР в стратегических вооружениях.

30 июня 1977 г. Картер объявил о своем решении приступить к развертыванию крылатых ракет нового, весьма опасного и трудно контролируемого вида ракетно-ядерного оружия, создававшего одно из наиболее серьезных препятствий на пути заключения очередного американо-советского соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. В Вашингтоне рассчитывали, что оно принесет США долговременные преимущества. Это решение открывало зеленый свет реализации разрабатывавшейся на протяжении нескольких лет одной из главных программ Пентагона по оснащению сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил США примерно 11 тыс. ракет этого типа с обычными и ядерными зарядами⁷⁶. Мотивируя его, правительство Картера ссылалось, как обычно, на «рост советской военной угрозы» и на меньшую стоимость крылатых ракет по сравнению со стратегическими бомбардировщиками. При этом тщательно замалчивались, однако, некоторые другие моменты, в частности то, что крылатые ракеты, как и нейтронное оружие, должны были быть развернуты не на собственно американской территории, а на океанских и заокеанских театрах военных действий (как раз в это же время на очередном совещании группы ядерного планирования НАТО в Оттаве США пред-

ложили принять эти ракеты на вооружение Западной Европе). А это означало создание новых материально-технических предпосылок для ведения «ограниченной» ядерной войны за пределами США, для дальнейшего укрепления военно-политического господства Вашингтона над союзниками. Что же касалось экономической стороны вопроса, то, как и во многих других случаях, планируемое количество крылатых ракет определялось расчетами не только измотать СССР и достичь превосходства над ним, но и обеспечить интересы соответствующих американских корпораций.

Подготовленный летом 1977 года Советом национальной безопасности при участии других военно-политических ведомств США президентский обзорный меморандум № 10 признавал наличие примерного паритета вооруженных сил СССР и США, однако главные выводы из этого делались в пользу усиления, а не ограничения гонки вооружений, чтобы якобы предотвратить советское военное превосходство. А на самом деле ставилась цель добиться американского превосходства. В меморандуме рассматривались в качестве возможных все варианты войн между США и СССР, Западом и Востоком, начиная от обычного «ограниченного» конфликта в Европе и кончая всеобщей ядерной войной, и рекомендовались соответствующие военные меры для ликвидации «слабых» мест в «обороне свободного мира».

Специальное указание, как сообщила «Вашингтон пост» 2 сентября 1977 г., президент дал о подготовке к «малым» войнам в районах Ближнего и Среднего Востока. В директиве Картера говорилось, что «высокомобильные части армии и морской пехоты должны обладать способностью наносить быстрые удары в отдаленных районах». В начале 1978 года в США уже были выделены три дивизии (одна — морской пехоты и две — сухопутных войск) с приданной им авиацией для переброски в район Персидского залива с целью «защиты» нефтяных источников в случае возникновения здесь «чрезвычайных обстоятельств».

Таким образом, еще задолго до событий в Афганистане и Иране правительство Картера моделировало создание «сил быстрого развертывания» для интервенций в регионе, находящемся за тысячи километров от США, но обладающем притягательными для Вашингтона огромными запасами нефти, важным стратегическим положением, однако считающемся «нестабильным» ввиду усиления в нем национально-освободительного движения. Более того, оно сразу же начало готовиться к переброске и дислокации этих сил

на Ближний Восток, не дожидаясь вообще никаких «чрезвычайных обстоятельств» здесь, а действуя, так сказать, в «превентивных целях».

Уже летом 1978 года, в период подготовки к встрече в Кэмп-Дэвиде, среди различных американских предложений было упомянуто и размещение американских воинских частей на Ближнем Востоке в качестве «гарантов» сепаратного мира между Израилем и Египтом. Один из авторов этого предложения — Бжезинский наряду с планами непосредственного американского военного вмешательства изучал также «долговременную идею» организации военного блока по образцу НАТО с участием США, Израиля и «умеренных» арабских режимов (прежде всего саудовского Египта и Саудовской Аравии) ⁷⁷.

В этой связи особое значение приобретало принятое Вашингтоном в феврале 1978 года вопреки неоднократным обещаниям Картера сократить поставки американских вооружений за границу решение продать Израилю сразу 90 самых современных боевых самолетов F-15 и F-16, Саудовской Аравии — 60 F-15, а Египту — 50 более старых истребителей F-5 на общую сумму почти в 5 млрд. долл. Официальной мотивировкой этой акции было содействие «достижению справедливого и прочного мира» на Ближнем Востоке, поддержание здесь «сбалансированности сил». Кроме того, эта акция должна была, как заявлял Вашингтон, подтвердить «уравновешенный подход» США к Израилю и арабским странам. На деле, однако, США стремились сохранить военное превосходство Израиля в регионе, а также закрепить американское влияние в «умеренных» арабских столицах, с тем чтобы усилить позиции всех участников этой сделки в борьбе против национально-освободительных сил, навязать им израильско-американские условия «мирного урегулирования» и, наконец, увеличить американское военное присутствие на Ближнем Востоке.

Проповедник «морального лидерства» и «силы идей» Картер уже в первый год своего пребывания на посту президента сумел повернуть вспять процесс некоторого сокращения численности вооруженных сил США за границей, проходивший в течение предшествующих девяти лет. «Увеличение на 27 тыс. является первым наращиванием иностранных легионов Америки с того момента, как началось отступление из Вьетнама в 1968 году» ⁷⁸, — с торжеством свидетельствовал еженедельник «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

В 1977 году правительство Картера увеличивало числен-

ность американских войск главным образом в Европе, что осложняло процесс укрепления общеевропейского сотрудничества и безопасности, еще больше затрудняло переговоры между Востоком и Западом о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, проходившие уже несколько лет в Вене. Эта акция была призвана усилить американское влияние на Западную Европу.

В последующие годы численность, оснащенность и боеготовность американских войск стала все заметнее возрастать и почти во всех остальных районах мира. Так, в марте 1978 года министр обороны Г. Браун, назвав ошибочным мнение «об уходе Соединенных Штатов из Азии», заявил, что, наоборот, в ближайшие пять лет они укрепят свои силы в этом районе⁷⁹. Таким образом, это заявление фактически свидетельствовало о лживости обещания Картера вывести сухопутные американские войска из Южной Кореи, которое вскоре было окончательно предано забвению, раскрывало причины нежелания американской стороны проводить линию на успешное завершение переговоров с СССР о демилитаризации Индийского океана и др.

Во время очередного визита в Японию и Южную Корею в ноябре 1978 года Браун достиг соглашения об организации совместного американо-японского комитета по военному планированию и присутствовал при учреждении объединенного американо-южнокорейского военного командования, «делая все возможное для демонстрации американского флага», т. е. для подтверждения решимости США, по его выражению, «оставаться тихоокеанской западной державой» и «усиливать свои вооруженные силы на Дальнем Востоке и количественно, и качественно»⁸⁰.

Важнейшей частью военных мероприятий администрации Картера стали усиленные поиски группой Бжезинского — Брауна — Шлесинджера (теперь министра энергетики) «приемлемого» варианта ядерной войны с СССР, той или иной возможности для применения усиленно наращиваемого ядерно-ракетного потенциала США ради достижения своих внешнеполитических целей. В конце 1977 года по их инициативе Белый дом поручил министерству обороны провести новый «большой обзор» чрезвычайных планов ведения ядерной войны с Советским Союзом, уделив первостепенное внимание вопросу о подготовке стратегических сил США к «осуществлению ограниченной ядерной атаки». Опасность разработки такого рода планов становилась особенно очевидной в свете очередных откровений Бжезинского, выразившего готовность рекомендовать президенту «на-

жать кнопку» ядерной войны, если он «подумает, что кто-то начинает ядерное нападение». Кроме того, он высказывал убежденность в том, что даже во всеобщей термоядерной войне «будет уничтожено только около 10% человечества», и выступал за более тесное увязывание американской ядерной доктрины с «общей политической стратегией по отношению к Советскому Союзу»⁸¹.

Становясь во все более угрожающую позу и все настойчивее перенося акценты с «силы идей» на силу оружия, президент Картер в своем выступлении в университете Уэйк Форист (Северная Каролина) 11 апреля 1978 г. опять обратился к историческому прошлому Америки, чтобы оправдать проводимый им милитаристский курс: «Ваши предки в Северной Каролине, мои — в Джорджии и их соседи во всех тринадцати колониях завоевали нашу свободу в бою... Мы познали, что сила является решающим защитником свободы... Я хорошо понимаю это, так как традиции военной службы глубоко укоренились в моей собственной семье. Мой первый предок... воевал во время революции..., мой старший сын пошел добровольцем служить во Вьетнаме. Я провел 11 лет моей жизни во флоте США. И это типично для многих американских семей». Воздав, таким образом, хвалу милитаристским традициям Америки, Картер затем вступил в полемику со сторонниками сокращения военного присутствия США за границей и их военного бюджета (хотя прежде он сам ратовал за это). Ссылаясь, как обычно, на «угрожающий рост советской военной силы», президент объявил о намеченной его правительством параллельно с переговорами по контролю над вооружениями и разоружению обширной программе «модернизации стратегических систем и возрождения обычных вооруженных сил». При этом он дал недвусмысленное объяснение назначениям этой программы: «В течение многих лет США были подлинно глобальной силой. Наши давние заботы включают собственные интересы безопасности так же, как и наших союзников и друзей за пределами Западного полушария и Европы. Мы несем важную историческую ответственность за укрепление мира в Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Персидском заливе... Министр обороны по моему указанию улучшает и будет поддерживать быстро развертываемые силы — воздушные, сухопутные и морские — для защиты наших интересов по всему миру!» В конце концов президент, с одной стороны, поставил достижение соглашений по контролю над вооружениями в зависимость от «поддержания соответствующего уровня воо-

руженных сил», а с другой — заявил, что, независимо от каких бы то ни было соглашений, США будут эффективно развивать любые военные программы, «которых потребует их безопасность»⁸².

Таким образом, одним махом Картер распространил «американские интересы» буквально на все уголки земного шара и обязался «защищать» их всей силой американского оружия. Это было одно из первых наиболее вызывающих послевьетнамских выступлений, явствовавших о возврате к откровенным притязаниям американского империализма как на имперское мировое господство, так и на роль всемирного полицейского. Таким образом Вашингтон реагировал на неудержимо продолжающийся процесс укрепления СССР, мирового социализма, борьбы народов за национальное и социальное освобождение. Одновременно это был и призыв к преодолению «вьетнамского синдрома», подготовка общественного мнения к контратаке американского империализма на международной арене.

Характерно, что сразу после своего выступления в университете Уэйк Форист Картер направился на борт атомного авианосца «Эйзенхауэр», откуда наблюдал за ходом военно-морских учений по отражению «советского нападения»⁸³. Спустя три месяца Картер пожелал снова присутствовать на военных маневрах — на этот раз в Техасе, которые проводились под провокационным девизом «подготовки к отражению вторжения русских»⁸⁴.

В августе 1978 года президент выступил с речью в Норфолке (Вирджиния) по случаю церемонии спуска на воду крейсера «Миссури», в которой опять воздал хвалу Америке как «величайшему арсеналу» мира и обещал не только строить все новые и новые военные корабли, но и отправлять их «патрулировать воды» по всему миру.

Дотошные журналисты подсчитали, что ни один другой американский президент до Картера не посещал столь часто различные военные маневры, воинские подразделения и милитаристские сборища (Рейган, похоже, перекроет этот «рекорд» Картера).

Воинствующие выступления президента сопровождалось планомерным наращиванием военных приготовлений США, растущей ставкой на силу в проведении их внешней политики, оказывавших все более отрицательное воздействие как на советско-американские отношения, так и на международный климат в целом.

Основные положения выступления Картера в Уэйк Форист отражали содержание президентской директивы

№ 18, которая определяла военную политику США на предстоящий период. Намеченное этой директивой наращивание высококомобильных и хорошо оснащенных «сил быстрого развертывания» базировалось, в частности, на той предпосылке, что «сторона, которая сможет первой перебросить свои силы в район кризиса, получит значительные преимущества над противником»⁸⁵.

США фактически не выдвинули ни одной позитивной инициативы на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в Нью-Йорке летом 1978 года. В выступлениях вице-президента Мондейла и членов американской делегации на этой сессии не содержалось никаких конкретных предложений, а были лишь нападки на советскую политику с целью оправдать осуществляемые и планируемые США военные мероприятия. Причем в то самое время как вице-президент США Мондейл голословно уверял членов ООН в стремлении США к миру, президент Картер и его ближайшие советники на совещании стран НАТО на высшем уровне в Вашингтоне призвали их форсировать военные приготовления, принять новые долгосрочные программы вооружений, распространить сферу своей деятельности на Африку, Ближний Восток и другие «жизненно важные» для интересов Запада (прежде всего США) регионы.

Еще одним из наглядных показателей все более крутого поворота администрации Картера к усилению гонки вооружений может служить история с подготовкой Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. После длительных деловых переговоров представители СССР, США и Англии 8 августа 1978 г. опубликовали совместное сообщение о том, что на них «достигнут существенный прогресс» и что «стороны в полной мере принимают во внимание стремление к тому, чтобы переговоры были доведены до быстрого и успешного завершения»⁸⁶.

Но уже на следующий день «Вашингтон пост» объявила, что «администрация Картера изменила свою позицию поддержки скорейшего заключения всеобъемлющего договора с Советским Союзом и Великобританией о полном запрещении ядерных испытаний». Объяснялось это тактическими соображениями — необходимостью отсрочить его заключение до подписания и одобрения сенатом Договора ОСВ-2 ввиду сильной оппозиции последнему в конгрессе. В действительности, однако, существовали и более весомые, стратегические соображения, по которым сначала было заморожено, а потом и совсем сорвано подписание од-

ного из важнейших международных соглашений. Эти соображения заключались в требованиях пентагоновских и других американских «ястребов» не воздвигать каких-либо препятствий на пути создания и совершенствования все новых и новых видов ядерного оружия. Как раз в августе в комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил начались слушания по вопросу о том, не помешают ли договоры об ограничении стратегических вооружений и запрете всех ядерных испытаний дальнейшему развитию стратегических вооружений Америки.

Всего за полтора года до этого Картер объявил ядерное разоружение и прекращение атомных испытаний буквально главной целью своей жизни. А теперь официальный представитель его правительства заместитель министра энергетики Д. Керр заявил, что введение такого запрета «внесло бы значительные сложности в программы ядерных вооружений, находящиеся в ведении министерства энергетики», могло привести к потере американского «преимущества в области производства ядерного оружия»⁸⁷.

29 сентября 1978 г. Керр направил в конгресс целую петицию с утверждениями о том, что без проведения систематических испытаний нельзя якобы быть уверенным в боеготовности и боеспособности ядерного оружия в вооруженных силах США. Вторя руководству министерства энергетики, комиссия по делам вооруженных сил палаты представителей вынесла заключение, что любое соглашение о запрещении испытаний должно «предусматривать испытания оружия достаточной мощности, чтобы гарантировать надежность стратегического и тактического ядерного оружия США»⁸⁸.

Лондонская «Таймс» отмечала по этому поводу: «Наиболее серьезным препятствием (для подписания Договора о полном запрещении ядерных испытаний. — Ю. М.) остается оппозиция ему в Соединенных Штатах, например, среди военных кругов, представители которых полагают, что такое запрещение может содействовать подрыву американского технологического превосходства... Они также указывают на то, что без испытаний любого вида не может проверяться эффективность уже накопленных вооружений (ядерных. — Ю. М.)»⁸⁹.

Разумеется, милитаристские круги США восторженно приветствовали такую уступчивость администрации Картера. Для того чтобы добиться дальнейшего сдвига внешней и военной политики США с учетом требований реакционных кругов, осенью 1978 года в стране, в частности, была

создана «коалиция за мир с помощью силы». Ее руководящими членами стали свыше 160 американских конгрессменов и более 200 лидеров деловых, академических, дипломатических и военных кругов. В главные цели коалиции входило «достижение общего военного и технологического превосходства над Советским Союзом.., организация стратегической и гражданской обороны в случае ядерной войны.., отказ от любого соглашения по контролю над вооружениями, которое каким-либо образом подвергало бы угрозе безопасности США или их союзников либо препятствовало превосходящей обороне (?).., проведение политики помощи союзникам США и другим некоммунистическим странам в их защите от внутреннего и внешнего коммунистического захвата»⁹⁰.

Все более раздувая милитаристскую, антикоммунистическую кампанию, американские реакционные круги обвиняли администрацию Картера в том, что она не дает должного отпора «проискам Москвы» и несет ответственность за военную «неподготовленность» Соединенных Штатов. Фальсифицируя факты, «ястребы» стремились доказать, что именно в этом якобы кроется главная причина ослабления позиций США в мире. На самом деле вся эта шумиха по поводу «советской угрозы» и «неподготовленности» США к ее отражению была нужна господствующим кругам для обеспечения подавляющего превосходства над СССР, для осуществления своих старых и новых имперских притязаний. В речи на съезде «американского легиона» в Новом Орлеане в августе 1978 года министр обороны США Г. Браун, в частности, заявил, что контроль над вооружениями не является единственной или даже главной целью в соглашении об ОСВ и что ему требуется такое соглашение, которое обеспечивало бы военное превосходство США. Помимо преобладания в стратегических вооружениях, добавил министр обороны, США намерены иметь и самый сильный в мире военно-морской флот⁹¹.

В конце 1978 года Картер объявил, что он увеличивает военный бюджет США на 1979/80 год и для «компенсации», т. е. уменьшения бюджетного дефицита, сокращает ассигнования на социальные расходы. Таким образом, споры вокруг проблемы «пушки или масло» внутри администрации были разрешены Картером в пользу министерства обороны.

«Каждый опрос общественного мнения убедительно показывает, — отмечал обозреватель К. Фричи, — что американский народ гораздо более озабочен ясной и непосред-

ственной угрозой инфляции, выражаемой двузначной цифрой, чем далекой, гипотетической опасностью войны с Россией». Однако президент, отмечал он, предпочел прислушаться не к голосу общественности, а к требованиям американских милитаристов и их ярых сторонников в конгрессе и в оборонной промышленности. Во время президентской кампании 1976 года, когда военный бюджет составлял около 100 млрд. долл., Картер обещал урезать его на 5—7 млрд., но к концу 1978 года он увеличился на 25%. Фричи напоминал в этой связи читателям слова Эйзенхауэра о том, что для военно-промышленного комплекса «любой бюджет недостаточно велик, так же как любое соглашение об ограничении вооружений недостаточно надежно»⁹².

Нарастившая гонку вооружений, срывая многие ведшиеся с Советским Союзом переговоры об ограничении вооружений, правительство Картера, однако, не могло, да, очевидно, и не хотело поступить таким же образом в отношении имевших кардинальное значение переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений — ОСВ-2. Слишком большие ожидания американский и другие народы мира связывали с этими переговорами, которые последовательно велись несколькими предшествующими американскими администрациями. Слишком много обещаний дали сам Картер и его правительство об обязательном доведении их до успешного завершения.

Кроме того, здравомыслящие люди в Вашингтоне не могли не видеть выгоды Договора ОСВ-2 для самой Америки: определенной стабилизации глобальной военно-стратегической обстановки, уменьшения риска неконтролируемой гонки вооружений и всеобщей термоядерной катастрофы, некоторого облегчения растущего военного бремени для американской экономики. Принимая во внимание, что от 70 до 80% американцев по-прежнему на всех опросах общественного мнения голосовали за заключение этого договора, члены администрации Картера рассчитывали также на то, что его подписание будет способствовать укреплению их личного престижа и повышению шансов на переизбрание, особенно в обстановке растущей критики за многочисленные провалы, непоследовательность внутренней и внешней политики демократов.

Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) и другие относящиеся к нему документы были подписаны в июне 1979 года во время встречи на высшем уровне в Вене. Этот

договор устанавливает равные предельные уровни средств доставки ядерного оружия для обеих сторон; предусматривает сокращение существующих ядерных вооружений; налагает существенные ограничения на модернизацию имеющихся стратегических наступательных систем и создание новых. При этом выполнение всех обязательств по договору поддается надежной проверке. Предусматривающий количественное ограничение вооружений и сдерживание их качественного совершенствования, основывающийся на принципах равенства и одинаковой безопасности, Договор ОСВ-2 является результатом разумного компромисса, достигнутого путем долгих и сложных переговоров.

В то время как Советский Союз последовательно и гибко вел линию на заключение Договора ОСВ-2, отвечающего интересам и надеждам не только советского и американского, но и всех остальных народов мира, правящие круги США затягивали переговоры, всячески старались получить для себя какие-нибудь «дополнительные выгоды», «увязать» договор с другими, не относящимися к нему проблемами, ограничить его значение для общего развития советско-американских и международных отношений в целом. Правительство Картера хотело завоевать поддержку договора, «не возбуждая фальшивых надежд на то, что он остановит гонку вооружений». «Сотрудники администрации, — писала «Нью-Йорк таймс», — начали публично утверждать, что договор не трансформирует основы взаимоотношений между СССР и США и не исключит необходимости значительного улучшения американского стратегического арсенала. Действительно, важной частью доводов администрации в пользу договора является то, что он позволит США развернуть несколько новых систем вооружений в 80-х годах»⁹³. В результате недостойных внутриполитических махинаций вокруг Договора ОСВ-2 в США была затянута, а затем и сорвана его ратификация.

Самоодурманивание американских идеологов и политиков идеями «исключительности», «превосходства», особой «исторической миссии» и всемогущества США приводило Вашингтон ко все новым ошибкам во внешней и военной политике, к неверным оценкам реальностей современного мира и, следовательно, с неизбежностью к очередным кризисам и провалам. Новым подтверждением этого стали поражение поддержанной США агрессии Сомали против Эфиопии, неудача попыток воспрепятствовать революционным преобразованиям в Афганистане, изолировать и ослабить СССР и другие социалистические страны, осложнить

их отношения с развивающимися государствами, помешать развитию национально-освободительной, революционной борьбы народов Африки, Азии и Латинской Америки.

5. Доктрина Картера и президентская директива № 59

Особенно сильный удар по внешней политике США на рубеже 1978—1979 годов нанесли события в Иране, который служил оплотом американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Оказывая экономическую и военную «помощь» Ирану, США использовали его как источник нефти и как своего жандарма в этом важном для военно-стратегических интересов Соединенных Штатов регионе. Перефразируя известное английское выражение, можно было без особого преувеличения назвать Иран «жемчужиной» в короне американской неокOLONиальной империи в 70-х годах.

Вплоть до осени 1978 года американская администрация и в целом правящие круги страны были уверены в непоколебимой прочности шахского режима. Лишь в середине сентября 1978 года (в связи с бурными народными выступлениями в Иране) была создана специальная рабочая группа для наблюдения за ходом событий и их анализа. Ее возглавил заместитель государственного секретаря У. Кристофер. До последнего момента, однако, Вашингтон был уверен в способности шаха и его военно-полицейского репрессивного аппарата, созданного с помощью американских «борцов за права человека», подавить антиправительственные силы.

31 октября Картер сделал очередное издевательски лицемерное заявление. Исходя из того что свержение Реза Пехлеви несет «экономический, политический и стратегический удар» по расчетам Вашингтона использовать Иран для «поддержания стабильности» в регионе, он выразил благодарность шаху за его продвижение в направлении демократии (это говорилось уже после кровавых сентябрьских расправ над демонстрантами! — Ю. М.) и отметил «ценность» его «прогрессивного правления» для всего западного мира⁹⁴.

3 ноября, после очередного рассмотрения в Белом доме развития событий в Иране, Бжезинский позвонил шаху и заверил его, что правительство Картера «окажет полную поддержку любым усилиям, которые он предпримет для восстановления порядка»⁹⁵.

Картеровская администрация, однако, не ограничивалась словесными выражениями «солидарности» с шахским режимом, а затем ненадолго сменившими его реакционными правительствами. Во-первых, она оказывала им всевозможную помощь деньгами, оружием, «советами» и т. п., а во-вторых, рассматривала самые различные варианты прямой военной интервенции США в Иран с целью подавления развертывавшейся здесь исламской революции⁹⁶.

9 ноября государственный департамент признал, что США посылают в Иран специальное полицейское снаряжение для борьбы с демонстрациями: слезоточивый газ, дубинки и т. п. Более того, США предложили направить туда армейский персонал в качестве инструкторов для «обучения иранских войск мерам по контролю над мятежом».

В обстановке антииранской и антисоветской шовинистической кампании в США усилились интервенционистские настроения. Назвав огромный район мира от Австралии и Индостана до Африканского Рога и Южной Африки «дугой кризисов», которыми якобы пользуется Советский Союз для распространения своей идеологии, влияния, силы, Бжезинский настаивал на проведении стратегии конфронтации, направленной на запугивание противников и «ободрение» друзей Америки. И президент Картер, писал Дж. Рестон, «по-видимому, соглашался с мистером Бжезинским и ястребиными членами конгресса в том, что осторожность во внешней политике вырождается в робость и что надежда на будущее лежит в смелом использовании политической и военной силы»⁹⁷.

Не решившись перед лицом мощных антиимпериалистических, антиамериканских выступлений иранского народа и твердого предупреждения СССР о недопустимости чьего-либо вмешательства извне во внутренние дела Ирана на прямую одностороннюю вооруженную интервенцию против него, правительство Картера в то же время резко усилило свою дипломатическую и военную активность на Ближнем и Среднем Востоке с целью не допустить повторения где-либо еще «иранского взрыва».

События в Иране заметно подхлестнули «миротворческие усилия» администрации по реализации кэмп-дэвидского сговора. Несмотря на то что со времени визита Садата в Иерусалим и начала сепаратных египетско-израильских переговоров прошло уже более года, несмотря на выработанные в Кэмп-Дэвиде рамки ближневосточного «урегулирования», договор «о мире» между Египтом и

Израилем и соглашение о «палестинской автономии» все еще не были заключены. Хотя американская дипломатия прилагала колоссальные усилия для завершения сепаратной египетско-израильской сделки и настаивала на своем якобы «сбалансированном подходе» к обеим сторонам, тем не менее вызывающие экспансионистские притязания Израиля, опирающегося на поддержку Вашингтона, а также отказ от поддержки кэмп-дэвидских договоренностей подавляющего большинства арабских стран задерживали полную капитуляцию Садата перед Бегином и Картером.

С начала 1979 года администрация Картера резко усилила свой нажим на Саудовскую Аравию, Иорданию и другие арабские страны с целью заставить их присоединиться к кэмп-дэвидскому сговору, отдать приоритет борьбе с угрозой «советской экспансии», распространения революционных потрясений, «исламского фундаментализма»⁹⁸ и т. д. вместо противодействия израильской захватнической политике. Такова была и главная задача визита министра обороны США Брауна в эти страны в феврале 1979 года.

Натолкнувшись, однако, на явное нежелание большинства арабских стран следовать в фарватере агрессивной и просионистской политики США, Браун по возвращении в Вашингтон попытался открыто пригрозить (в стиле имперского наместника далекого прошлого) использовать собственно американскую силу фактически когда и где это вздумается Соединенным Штатам. С Брауном солидаризировался Шлесинджер, заявив, что Соединенные Штаты имеют интересы в Персидском заливе и «должны действовать таким образом, чтобы защитить эти интересы, даже если это повлечет за собой использование военной силы или военного присутствия»⁹⁹. Подтверждением того, что это не пустые угрозы, должна была служить непрерывно растущая концентрация американских ВМС и ВВС в Юго-Западной Азии.

Изыскивая различные средства и предлоги для демонстрации «силы и решимости» США, правительство Картера попыталось в начале марта 1979 года разжечь пограничный конфликт между Южным и Северным Йеменом. Несмотря на то что мирным урегулированием этого конфликта занялась Лига арабских стран, Вашингтон поспешил направить к берегам Аравийского полуострова корабли ВМС США, включая авианосец «Констеллейшн», попытался втянуть в этот конфликт Саудовскую Аравию, пообещав ей всяческую помощь и прикрытие американ-

ских ВВС, заявил о предоставлении (без предварительной санкции конгресса) крупных средств и военной техники Северному Йемену для защиты от «южнойеменско-советско-кубинской угрозы».

Считая, что только военно-воздушные и военно-морские силы США не оказывают должного впечатления на страны, ставшие объектом «интервенции на дальнем расстоянии», Пентагон форсировал создание «корпуса быстрого развертывания» для подготовки сухопутных сил «к быстрому вмешательству», к ведению «полувойн» в обширных районах мира от Тихого океана до Аравийского моря¹⁰⁰.

Бряцая оружием, Белый дом в ответ на каждую новую победу сил национального освобождения выдвигал очередные имперские претензии не только на сохранение, но и на расширение сфер господства и хозяйничанья американского империализма. Выступая в технологическом институте своего родного штата Джорджия в конце февраля 1979 года, Картер, например, заявил: «Потрясения в Иране, в западной части Индийского океана и Юго-Восточной Азии являются вызовом нашей решимости и лидерству. Они подчеркивают значение силы... для нашей национальной обороны (в Персидском заливе? — Ю. М.)... На Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии и повсюду в мире мы будем стоять рядом с нашими друзьями, мы выполним наши обязательства, и мы будем защищать жизненные интересы Соединенных Штатов...»¹⁰¹.

Множество причин, начиная от стремления защитить сверхприбыли нефтяных монополий США и кончая желанием опровергнуть обвинения президента Картера в слабости и нерешительности, вели к быстрому ужесточению внешнеполитического курса США, к новому резкому возрастанию в нем имперских притязаний и военного элемента.

«Некоторые страны, — писал бывший заместитель государственного секретаря по делам Ближнего Востока Сиско, — стали делать ошибочный вывод, будто бы Америка оказалась столь парализованной после Вьетнама и Уотергейта, что она не будет — фактически не сможет — использовать доступную ей силу в разных вариантах в районах ее жизненных интересов». Опровергая это «ошибочное» мнение, Сиско откровенно указывал на возрастающую ставку администрации Картера на американскую силу как главное орудие, «которое может влиять на внешнее и внутреннее развитие» стран Персидского залива и прилегающих к нему районов¹⁰².

Военные угрозы, провокации и демонстрации явились тем фоном, на котором государственный секретарь США Вэнс, помощник президента по вопросам национальной безопасности Бжезинский и, наконец, сам Картер, разъезжая между Тель-Авивом, Каиром и рядом других столиц, форсировали сепаратные израильско-египетские переговоры и пытались сломить с помощью «выкручивания рук» (как открыто заявил король Хусейн) оппозицию кэмп-дэвидскому сговору со стороны остальных арабских государств. От миссии «посредника» Вашингтон окончательно перешел к роли фактического участника этого сговора, обещая свои гарантии, огромную военную и прочую помощь Израилю и Египту, вступая фактически в военный союз с Тель-Авивом.

Вопреки интересам мира и безопасности народов, поставив на карту свой личный престиж, Картер добился в конечном счете заключения так называемого мирного договора между Израилем и Египтом и соглашения о рамках «палестинской автономии». Расколов единый фронт арабских стран и усугубив состояние напряженности на всем Ближнем Востоке, Вашингтон надеялся установить своего рода американский протекторат над этим регионом, вытеснить из него всякое «советское влияние» и компенсировать потери США в Иране. Как отмечал Дж. Рестон, подписанный вместе с израильско-египетским «мирным» договором так называемый меморандум согласия между Израилем и США, по существу, предупреждал всех о том, что Вашингтон готов к военной интервенции на Ближнем Востоке ¹⁰³.

Вслед за подтверждением готовности послать американские сухопутные войска как часть «международных сил» по поддержанию мира на Синае и наращивания американских ВМС и ВВС на огромных пространствах от Кипра до Диего-Гарсия правительство Картера занялось разработкой проекта создания нового военного пакта в этом обширном и взрывоопасном регионе мира. Создание «ответственного правительства в Иране» и «закладка фундамента для прозападного союза Марокко, Египта, Судана, Израиля и Ирана с присоединением к нему позднее Саудовской Аравии, Иордании и Сирии» — таковы были тесно связанные с израильско-американо-египетской сделкой планы президента Картера. «Кэмп-Дэвид призывает к Рах Америгана», — кратко резюмировал смысл ближневосточной политики Вашингтона один арабский государственный деятель ¹⁰⁴.

Расценив заключение американо-израильско-египетских соглашений, нормализацию отношений с КНР и подписание Договора ОСВ-2 как значительные успехи своей внешней политики, укрепившие его позиции и возможности, правительство Картера активизировало разработку проектов укрепления и расширения сфер влияния, господства и эксплуатации американского империализма. Планы его дальнейшей экспансии должны были подкрепляться при этом прежде всего военной силой США.

В конце июня 1979 года Картер провел серию заседаний президентского комитета по обзору политики, составленного из высокопоставленных политических и военных руководителей и советников. На этих заседаниях обсуждались рекомендации по «наиболее значительному увеличению вооруженных сил США за границей со времени окончания войны во Вьетнаме».

Фактически разработка того, что стало именоваться доктриной Картера, началась еще раньше — с полного провала в конце 1978 — начале 1979 года доктрины Никсона, одной из основ которой была ориентация на шахский режим Ирана. «Силы, которые смели шаха, несмотря на сильную поддержку Картера, — писала «Интернэшнл геральд трибюн», — смели также последние остатки доктрины Никсона и ее ставку на региональные союзы для защиты жизненных интересов США в послевьетнамском мире»¹⁰⁵.

Уже в середине ноября 1978 года, в разгар революционных событий в Иране, в Вашингтоне забеспокоились о том, кто же будет впредь исполнять роль жандарма Персидского залива, а также о судьбе огромных запасов самых современных видов американского оружия, которое поставлялось почти без каких-либо ограничений шаху и могло теперь попасть в руки нового, возможно антиамериканского, режима. Одни официальные лица, проявляя определенный реализм, советовали пересмотреть политику бездумного снабжения американскими вооружениями любого антикоммунистического режима. Другие же — помощники в Совете национальной безопасности начали ставить под вопрос стратегию, полагавшуюся в основном на местные силы для защиты американских интересов. Один из них заявил, что администрация стала ускорять программы обучения и экипирования специальных американских боевых частей «для сражения в Персидском заливе»¹⁰⁶.

Таким образом, американское руководство возвращалось к открытой ставке в первую очередь на собственную военную интервенцию, на американские вооруженные си-

лы как на основное орудие для достижения целей своей глобальной имперской политики.

Некоторых участников совещаний в Белом доме, правда, смущал вопрос, как отреагируют на новую доктрину Советский Союз, другие государства, арабские народы, американская общественность. Стремясь покончить со всякими колебаниями, ведущую роль в формировании доктрины Картера взяли на себя Пентагон и СНБ. Их представители выражали мнение, что США уже переходят из послевьетнамского в послепослевьетнамский период, что проведенные администрацией Картера кампании «в защиту прав человека» и за мировое «моральное лидерство» Америки, за укрепление ее «безопасности» перед лицом «советской угрозы» и т. п. уже помогли преодолеть прежние антивоенные и антиинтервенционистские настроения в стране. Что же касается других стран и народов, считали они, то на них можно не обращать особого внимания — волей или неволей, но им придется мириться с американскими действиями.

Теоретической основой доктрины Картера стал тезис о существовании «дуги кризисов», или «нестабильности», выдвинутый Бжезинским в самом конце 1978 года. Упомянув в качестве «первой непосредственной заботы» администрации Картера рост военной мощи СССР, он назвал в своем выступлении перед членами Ассоциации внешней политики в столичном отеле «Хилтон» 20 декабря в качестве второго главного предмета ее внимания «региональную нестабильность»: «Дуга кризисов протянулась вдоль берегов Индийского океана — в жизненно важном для нас регионе с непрочными социальными и политическими структурами...»¹⁰⁷

В новогоднем интервью Бжезинский опять подчеркнул, что такого рода «нестабильность» якобы создает возможность «проникновения советской силы» в этот регион, что создает для США острую проблему, особенно из-за нефти¹⁰⁸. Все эти измышления были призваны подвести к одному-единственному выводу: только США могут и должны взять на себя функции поддержания внешней «безопасности» и внутреннего «порядка» в странах, относимых к «дуге нестабильности», с целью обеспечения интересов американского империализма. Зона силового, имперского подхода США сразу расширялась от Южной Африки до Южной Азии.

Однако эти «интересы» выходили за пределы названного региона, поэтому обсуждавшиеся в Белом доме планы возрождения политики открытого американского интервенционизма, подготовки «ограниченных», «местных» войн косну-

лись и других районов мира — начиная с Западной Европы и кончая Центральной Америкой.

На протяжении более 40 лет Никарагуа, небольшая центральноамериканская страна, находившаяся под господством жесточайшей диктатуры семейства Сомосы, считалась одним из самых стабильных оплотов американского империализма в этом регионе. США длительное время оказывали всяческую поддержку кровавой диктатуре Сомосы, и военную, и экономическую. Являя миру снова и снова образцы беспримерного лицемерия и цинизма, Картер послал Сомосе личное письмо, в котором поздравил его с прогрессом в области «прав человека» как раз за несколько недель до того, как его национальные гвардейцы убили тысячи никарагуанских граждан, подавляя народное восстание.

Ни кровавые расправы, ни вмешательство американского империализма, однако, уже не могли остановить бурного подъема национально-демократической революции в Никарагуа. Наоборот, они лишь усиливали гнев и стойкость восставших, вызывали всеобщее возмущение в мире и в самой Америке.

Правительство Картера было вынуждено прекратить открытую военную помощь диктатору и попыталось предложить свое «посредничество» для «мирного» урегулирования развернувшейся в Никарагуа гражданской войны. Но, официально прекращая собственные поставки оружия Сомосе, администрация Картера тут же дала свое согласие на то, чтобы этим занялся Израиль — лучший друг и помощник американских империалистов и любых союзных с ним репрессивных режимов от ЮАР до Чили.

Потерпев неудачу в качестве «посредника», правительство Картера попыталось втянуть некоторые латиноамериканские страны в никарагуанские события, с тем чтобы так или иначе помешать свержению сомосовской диктатуры. Однако быстрота наступления и победы сандинистов, солидарность с их борьбой как народов, так и правительств большинства стран Западного полушария и всего мира, оппозиция внутри самих США воспрепятствовали планам коллективной или даже односторонней американской военной интервенции в Никарагуа. Попытки Вэнса побудить ОАГ создать «межамериканские силы», которые, по замыслам Вашингтона, должны были обеспечить «мирный переход» от правления Сомосы фактически к такому же диктаторскому режиму, но возглавляемому новой марионеткой, потерпели полный провал. Осознав в какой-то мере,

что нынешние условия препятствуют односторонним действиям, прямой военной интервенции, подобной той, которую США совершили в Доминиканскую Республику в 1965 году, правительство Картера вынуждено было отказаться от попытки подавить никарагуанскую революцию с помощью собственного открытого вооруженного вмешательства.

В связи с событиями в Иране и Никарагуа журналист Дж. Андерсон критически высказался об американской «привязанности к диктаторам» на страницах влиятельной «Вашингтон пост»: «Снова дважды мы преследовали свои дипломатические цели с помощью поддержки диктаторов, и снова дважды эта политика привела нас к грани поражения и позора. Как легко кажется вначале продвигать наши интересы в чужой стране, подкупая одного лидера и вооружая его до зубов, чтобы таким образом поддерживать его против всякой оппозиции в собственной стране... Но... в каком изолированном и дискредитированном положении оказываемся мы, когда враждебность масс в конце концов прорывает плотину оснащенного американцами репрессивного аппарата и сметает прочь наших коронованных клиентов»¹⁰⁹.

Вынужденный отказ от открытой односторонней американской или «прикрытой» ширмой «международных сил» вооруженной интервенции США не означал, однако, прекращения враждебных действий администрации Картера против национально-освободительных движений и развивающихся государств, проводящих антиимпериалистическую политику.

Вслед за принятием различных экономических, дипломатических мер и подрывных акций против режима Хомейни, пришедшего к власти в Иране, администрация Картера развернула необъявленную войну против нового народно-демократического правительства в Манагуа, пытаясь дестабилизировать его и изолировать от СССР, Кубы и других социалистических государств, от развивающихся стран.

Несмотря на все усилия администрации Картера, большинство развивающихся государств отвергло притязания США на вмешательство в их внутренние дела под прикрытием «правозащитных» и прочих фальшивых лозунгов, их тактику мелких уступок и бесконечных пустых обещаний, направленную на сохранение и расширение господства американских монополий, осуждало курс Вашингтона на наращивание гонки вооружений, использование военной силы в различных регионах планеты для достижения своих имперских целей. Особенную злобу Вашингтона вызывали

освободившиеся государства, проводящие независимый курс на мировой арене, развивающие сотрудничество с социалистическими странами, выступающие за перестройку международных политических и экономических отношений на основах равенства и справедливости.

Правительство Картера с большим раздражением восприняло летом 1979 года выбор Гаваны в качестве места проведения очередной конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран и Кубы как председателя движения неприсоединения. Оно неоднократно пыталось внести раскол в это движение, противопоставить Кубе и другим его членам отдельные проамериканские режимы — Садата, Зия-уль-Хака и др. Стремясь подорвать авторитет СССР и Кубы, пресечь подъем национально-освободительного движения в Центральной Америке, взять своего рода реванш за победу никарагуанской революции, оправдать свои милитаристские приготовления, Вашингтон пошел на организацию очередного мини-кризиса в Карибском бассейне. Различные деятели в правительстве и конгрессе США вдруг обнаружили на Кубе «бригаду» советских войск и потребовали ее вывода, угрожая в противном случае всяческими репрессиями за... нарушение доктрины Монро. «Мы можем осложнить русским жизнь, создать для них проблемы», — угрожающе заявил Картер конгрессменам, утверждая, что сохранение «советской бригады» на Кубе «неприемлемо» для него. Входя во все больший азарт, Белый дом изыскивал самые разнообразные возможности обострить отношения с СССР. Весьма примечателен и сам список антисоветских мер, рассматривавшихся в сентябре 1979 года в Вашингтоне, и его явное стремление спровоцировать серьезный кризис, который дал бы повод для открытого провозглашения разрабатывавшейся картеровской доктрины использования военной силы для защиты глобальных имперских интересов США. Эти меры включали, в частности, «пропагандистское наступление против СССР», розыгрыш «китайской карты» во всех его вариантах, увеличение военных поставок Западом третьим странам, создание более крупных военно-морских сил в Карибском море, отказ от переговоров о демилитаризации Индийского океана или даже о сбалансированном сокращении вооруженных сил в Европе, борьбу с мифической «подрывной» деятельностью кубинцев на Ближнем Востоке и в Африке, запрет на экспорт американской технологии¹¹⁰. (В этом «доафганском» списке пока еще недоставало лишь эмбарго на продажу зерна СССР и бойкота Олимпийских игр.)

Не довольствуясь, впрочем, и этим, Бжезинский выступил инициатором «трезубцового подхода» к СССР, при котором ратификация Договора ОСВ-2 должна была сочетаться с «увеличением оборонных расходов и готовностью к конкуренции с Москвой в глобальных масштабах», к оказанию давления в «особенно чувствительных» для нее пунктах, в качестве одного из которых был упомянут Афганистан!¹¹¹ Уже с лета 1978 года американские власти установили связи с главарями афганской контрреволюции, снабжавшими в Пакистан, и наладили снабжение их оружием и деньгами непосредственно или через третьи страны, стремясь создать очередной очаг конфликтов и напряженности на границе Советского Союза.

Твердая позиция СССР и других социалистических стран, осуждение очередной антикоммунистической провокации Вашингтона широкими кругами общественности и правительств многих неприсоединившихся государств вынудили правительство Картера с позором отказать от своих необоснованных притязаний и угроз осенью 1979 года по адресу СССР, Кубы, других социалистических и освободившихся стран. Но оно использовало организованный им самим же карибский мини-кризис для дальнейшего раздувания антисоветской и милитаристской кампании, для наращивания военных приготовлений США в Центральной Америке. Были созданы специальное оперативное соединение и командование для Карибского бассейна в Ки-Уэсте (Флорида), увеличено количество боевых кораблей в этом регионе, укреплена незаконно удерживаемая американцами военная база Гуантанамо на кубинской территории, активизировано разведывательное наблюдение за Кубой, проведены крупные маневры у ее берегов. Наряду с осуществлением этих «местных» военных мероприятий Картер отдал приказ об ускорении подготовки интервенционистских «сил быстрого развертывания», объявил о новом визите Брауна в Азию и т. д.

Во время пребывания в Южной Корее и Японии в октябре 1979 года министр обороны США не удовольствовался на этот раз обычными обещаниями увеличить военную помощь диктаторскому режиму Пака (стоявшему уже на грани краха, несмотря на все свои кровавые репрессии и на поддержку его «борцами за права человека» из Белого дома) и требованиями к Токио увеличить военные расходы. Он демонстративно отправился инспектировать маневры японских «сил самообороны» на острове Хоккайдо, т. е. в район, непосредственно примыкающий к принадлежащим СССР

Курильским островам. Мировая печать тотчас же расценила этот «фронтальной» визит как попытку «американского партнера по союзу» поддержать, более того, раздуть необоснованные реваншистские притязания Японии¹¹².

Браун объявил также, что США добиваются более активной и значительной военной роли Японии на Дальнем Востоке, потому что они намереваются проводить стратегию, согласно которой вооруженные силы США могут быть быстро переброшены из Азии в Европу, на Ближний и Средний Восток или, иначе говоря, в любой район мира, где Вашингтон определит наличие «угрозы для американских интересов». В таком случае Япония призывалась исполнить роль дальневосточного наместника Америки.

Завершая очередную серию глобальных антисоветских, антисоциалистических воинствующих акций, Вашингтон сообщил о решении развернуть в Западной Европе свои ядерные ракеты средней дальности «Першинг-2» и «Томагавк». Фактически эта акция готовилась и была предпринята уже давно. Теперь же в качестве ее «оправдания» приводились утверждения о том, что Советский Союз якобы нарушает военное равенство сил в Европе, хотя существование такого примерного равновесия признавалось представителями США и НАТО все последние месяцы и годы.

Наряду с районом Ближнего и Среднего Востока в качестве возможного театра военных действий правящие круги США серьезно рассматривали Западную Европу как другой наиболее вероятный плацдарм войны против СССР. Размещение американских ядерных ракет на территории западноевропейских стран, особенно ракет «Першинг-2», способных донести ядерные заряды до важнейших центров СССР за считанные минуты, представлялось пентагоновцам одним из вернейших шагов к реализации замыслов о нанесении первого «превентивного» удара по СССР, о ведении «ограниченной» термоядерной войны за пределами Америки. «Хотя стратегические силы США, — писал еще в мае 1979 года «Ньюсуик», — могли бы предположительно достичь любую цель внутри СССР, Вашингтон хотел бы противодействовать советскому оружию без обращения к своему стратегическому арсеналу... В соответствии с этим администрация желает модернизировать ядерные силы НАТО, развертывая две новые системы вооружений в Западной Европе»¹¹³.

О том, что размещение американских ядерных ракет средней дальности в Западной Европе имеет своей целью превращение ее в «самостоятельный» театр военных дей-

ствий, совершенно недвусмысленно заявил З. Бжезинский. Выступая в Вашингтоне 10 октября 1979 г. перед ассоциацией Североатлантического союза, он запугивал своих слушателей опасностью «советского политического давления... в том случае, если НАТО будет рассматриваться как союз, не желающий или не способный ответить на угрозу ядерной войны, ограниченной европейским районом, что будет представляться почти определенным при отсутствии любых эффективных сил театра военных действий»¹¹⁴.

Наряду с подобными циничными стратегическими соображениями проблемы атлантической политики также сыграли свою роль в разработке и осуществлении американского плана модернизации ядерного оружия в Западной Европе. С помощью реализации этого плана Вашингтон рассчитывает укрепить военную «взаимозависимость» США и западноевропейских стран, усилить свои позиции по отношению к ним. Наконец, правящие круги США, недовольные успешным развитием процесса разрядки, особенно в Европе, явно нацелились на то, чтобы сорвать его, укрепить центростремительные, в основе своей реакционные, милитаристские тенденции в капиталистическом мире.

Стремясь нейтрализовать мирные советские инициативы по ограничению ядерных вооружений в Европе и ввести в заблуждение антивоенные силы, правительство Картера согласилось обусловить принятие НАТО навязанного Вашингтоном решения о развертывании на территории ФРГ, Англии, Италии и других стран 572 ядерных ракет обязательствами США, во-первых, вступить в переговоры с СССР об ограничении уровня этого вида оружия в Европе, во-вторых, добиваться согласия на ратификацию Договора ОСВ-2 американским сенатом. Если сенат откажется от ратификации ОСВ-2, заявил, например, Г. Браун, тогда запланированное стационарирование в странах Западной Европы такого эффективного оружия средней дальности, как «Першинг-2» и управляемые крылатые ракеты, было бы исключено, потому что было бы разрушено доверие партнеров США по НАТО к «взаимоувязанной американской политике безопасности»¹¹⁵.

В действительности, как это было не раз и в прошлом, Вашингтон с готовностью давал своим союзникам, общественности, собственному народу любые обещания, чтобы только добиться принятия опасных милитаристских планов и решений, отнюдь не собираясь безусловно выполнять их в будущем. Глобальный характер усиливавшихся военных приготовлений США, их «нового интервенциониз-

ма», их имперских притязаний и антисоветизма неоднократно подчеркивался наиболее воинственно настроенными представителями администрации Картера.

Делая ставку на военную силу, правительство Картера проявляло нежелание вопреки решениям, достигнутым в Вене, продолжить ряд переговоров с СССР, в частности, об ограничении военной деятельности в Индийском океане. Вашингтон снова выступил против советского предложения о заключении Всемирного договора об отказе от применения силы, развернул кампанию против проекта договора социалистических стран о неприменении участниками общеевропейского совещания первыми друг против друга как ядерных, так и обычных вооружений и т. д.

Суммируя значение воинственных заявлений и военных мероприятий Вашингтона, западноевропейская печать делала вывод, что США вновь готовятся занять место всемирного полицейского, остававшееся некоторое время после Вьетнама «вакантным».

Все более откровенно ориентируя внешнеполитический курс США на подготовку интервенций и войн с целью обеспечения целостности американской мировой империи, администрация Картера явно исходила из убеждения, что «вьетнамский синдром» преодолен и вновь созданы необходимые внутренние материальные и психологические предпосылки для проведения имперской силовой политики. «Я думаю, что мы оправляемся от травмы Вьетнама, в том что касается антимилитаристских выступлений, — заявил Браун в конце лета 1979 года. — Теперь налицо бóльшая поддержка военной силы США... Я полагаю, что США готовы ныне использовать ее для защиты своих жизненных интересов»¹¹⁶. В то же время Браун был вынужден признать, что серьезнейшим препятствием для этого остается отрицательное отношение народов многих стран и регионов к присутствию и вмешательству в их дела американских вооруженных сил.

В начале декабря 1979 года Картер провозгласил пятилетнюю программу усиления военных приготовлений США по всем направлениям: от модернизации и гонки стратегических вооружений до оснащения всем необходимым — кораблями, самолетами, вертолетами, базами (стационарными и плавучими) и т. д. — «корпуса быстрого развертывания» для его переброски и действий в любом регионе мира.

Вашингтон сознательно пошел на резкое обострение отношений с новым режимом в Иране, пригласив в октяб-

ре в Нью-Йорк для лечения бывшего шаха, несмотря на многочисленные предупреждения, в том числе посольства США в Тегеране и ЦРУ, о том, что подобный жест может иметь негативные для США последствия. В ответ на захват в качестве заложников дипломатического персонала США в Тегеране правительство Картера предприняло против Ирана ряд политических и экономических акций и стало открыто угрожать военными санкциями.

В середине декабря 1979 года Браун объявил, что в связи с «волнениями в Иране и Афганистане» Соединенные Штаты «должны заново обдумать природу своего присутствия во всем этом районе», и в частности добиться права «временного» использования американскими вооруженными силами построенных с помощью США военных сооружений в Саудовской Аравии, Израиле, Египте и др.¹¹⁷ Наиболее радикальным изменением в размещении вооруженных сил США со времени вьетнамской войны стала переброска крупных авианосных соединений, оснащенных ядерным оружием, в Индийский океан, откуда они могли угрожать обширным районам Ближнего и Среднего Востока, Африки, Азии, включая территорию Советского Союза. Одновременно правящие круги США вопреки неоднократным предостережениям Советского Союза усилили совместно с рядом других государств поддержку афганской контрреволюции, ведущей подрывную деятельность против народно-демократического режима в Афганистане, совершающей кровавые расправы над мирным населением.

Когда же Советский Союз откликнулся на призыв правительства Афганистана и направил туда ограниченный контингент войск, чтобы помочь афганскому народу в отражении нападений внешней и внутренней контрреволюции, предотвратить создание очага серьезной угрозы безопасности Советского государства, стабилизировать обстановку вдоль его южной границы, правительство Картера попыталось возложить на него вину за обострение международной обстановки, обвинить его в агрессивных действиях и намерениях. События в Афганистане были использованы им для формального провозглашения доктрины Картера, для дальнейшего усиления антисоветской агрессивной направленности американского внешнеполитического курса и одновременно для осуществления империалистических, гегемонистских замыслов, а также для укрепления личных позиций президента Картера в стране в самом начале избирательной кампании 1980 года.

Заявив о полной переоценке своих взглядов на Совет-

ский Союз и на советско-американские отношения в связи с событиями в Афганистане, президент Картер пошел на принятие беспрецедентных в истории мирных отношений между двумя государствами акций: замораживание Договора ОСВ-2 и любых других мер в области контроля над вооружениями; отзыв «для консультаций» в Вашингтон (правда, ненадолго) только что назначенного нового американского посла в Москве Т. Уотсона; разрыв контрактов и введение эмбарго на поставки 18 млн. т зерна Советскому Союзу; отказ от выдачи лицензий на уже закупленное американское оборудование и технологию на сумму свыше 150 млн. долл., запрещение советским рыбакам ловить рыбу в прибрежных водах США вопреки ранее заключенному контракту; фактическое аннулирование соглашения о культурном обмене; отсрочку советско-американских встреч для выполнения программы научно-технического сотрудничества в сфере сельского хозяйства, здравоохранения, гражданской авиации и т. д. Правительство США инспирировало обсуждение «афганского вопроса» на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, конференциях мусульманских государств, в Европейском парламенте и т. д. Оно занялось раздуванием кампании за бойкот летних Олимпийских игр в Москве и организацией других грубых антисоветских провокаций.

Правительство Картера поставило вопрос о пересмотре прежнего запрета на поставки американского оружия Пакистану как стране, не соблюдающей требования об исключительно мирном использовании ядерной энергии. Более того, оно усилило само и поощрило правительство Пакистана и ряда других стран оказывать всяческую поддержку так называемым афганским беженцам, организующим контрреволюционные вылазки с пакистанской территории.

Воспользовавшись спровоцированным им самим обострением обстановки вокруг Афганистана, Картер, наконец, открыто изложил в ежегодном послании конгрессу о положении страны и сопровождающих его документах в конце января 1980 года свою «новую» военно-политическую доктрину. Ее существо сводилось к очередному выдвиганию притязаний американского империализма на мировое лидерство, распространению сферы его первоочередных «интересов и безопасности» на Ближний и Средний Восток, попыткам подкрепить эти притязания военной силой, в том числе ядерной, и угрозами ее применения против СССР и всех других «противников» США. Наряду с этим Картер представил проект нового колоссального военного бюджета

и программу многочисленных и разносторонних военных приготовлений США, включая пункт о предварительной регистрации американских призывников, в том числе женщин, на случай их мобилизации на войну.

Впервые со времени войны во Вьетнаме президент США декларировал свою готовность послать войска для защиты «жизненных американских интересов» в отдаленные тысячами километров от Америки районы. Еще дальше пошел министр обороны Браун, «пригрозивший» Советскому Союзу, что в случае конфронтации с вооруженными силами США в зоне Персидского залива она может распространиться на Европу вплоть до Норвегии на севере континента¹¹⁸. Подобные высказывания весьма встревожили, однако, не СССР, а союзников Вашингтона, увидевших еще раз, как свободно готов он распоряжаться не только их территорией и ресурсами, но и самим существованием.

Доктрина Картера имела отнюдь не «ответный» или «оборонительный» характер, не являлась американской «реакцией на возросшую советскую угрозу», как это пытались утверждать ее авторы. На деле она была новым проявлением и подтверждением старых имперских притязаний США. Напоминая некоторых других претендентов на мировое господство, Картер при разработке своей доктрины «твердой рукой обвел чертой район нефтяных месторождений Персидского залива», а затем и всего Индийского океана как сферу «кровных», т. е. сугубо империалистических, интересов США.

В первую очередь доктрина Картера была направлена на установление имперского протектората США над государствами ближневосточного региона, на сохранение и насаждение в нем консервативных проамериканских режимов, на подавление любой попытки освободительных народных выступлений. В американской печати появилось немало признаний в том, что в случае таких выступлений «Вашингтон мог бы направить небольшой ударный контингент (?), чтобы помочь дружественному правительству подавить политические волнения или оказать поддержку местным силам безопасности», что в американской столице, развивая все дальше доктрину Картера, заговорили «о возможности использования американской военной силы в случае возникновения внутренних конфликтов»¹¹⁹.

В соответствии с установками доктрины Картера комитет начальников штабов совместно с СНБ сформулировал в ноябре 1979 года программу дальнейшей модернизации военных сооружений на Диего-Гарсия и «приобретения

тыловых и передовых плацдармов и баз снабжения вдоль африканского и азиатского побережий»¹²⁰.

Провозглашая свою доктрину и заявляя, что США «действуют, опираясь на силу, с позиции силы», Картер в то же время отдавал себе определенный отчет в недостаточной подготовленности и известной ограниченности собственно американской военной силы, в существовании сильной внутренней и внешней оппозиции ее использованию для осуществления экспансионистских, имперских целей Вашингтона. Поэтому, пытаясь дополнить ее «многосторонними, коллективными» силами других государств, правительство Картера снова обратилось к различным вариантам создания под эгидой США военного блока на Ближнем и Среднем Востоке. Наиболее грандиозный и наименее реалистичский проект организации такого блока был обрисован Картером в его интервью редакторам ряда провинциальных газет в феврале 1980 года. Он должен был состоять из трех «линий обороны», носить глубоко эшелонированный характер и включать практически все государства, принадлежащие к этому региону, а также страны, имеющие к нему какое-либо отношение. Его первую линию предполагалось составить из стран, расположенных непосредственно по периметру границ СССР, — Турции, Ирана, Пакистана и др.; вторую — из мусульманских стран Ближнего Востока и Африки; и, наконец, третью — из западных держав, имеющих, подобно США, «жизненно важные интересы» в районе Персидского залива.

Однако, несмотря на все усилия Картера — Бжезинского — Брауна создать новый военно-политический блок, на который США могли бы опереться, добиваясь осуществления своих империалистических, неоколониалистских целей, втянуть в него как страны региона, так и американских партнеров по НАТО и АНЗЮС, им не удалось реализовать даже самый «скромный» из его вариантов.

Одной из причин провала попыток Вашингтона объединить своих союзников типа Израиля и саудовского Египта и найти новых для вовлечения в планируемый им ближневосточный союз была весьма настороженная, а подчас и отрицательная реакция большинства стран Азии, Африки и Европы на происходивший поворот во внешней политике США. Несмотря на яростную антисоветскую риторику, Картеру трудно было скрыть подлинные цели выдвинутой им доктрины. «Соединенные Штаты, — признавал «Тайм», — стоят перед теми же самыми вызовами в Юго-Западной Азии, с которыми они сталкиваются в течение уже несколь-

ких лет: местные восстания, радикализм, племенное соперничество, религиозный экстремизм и нестабильность, граничащая с анархией (так на Западе нередко характеризуют национально-освободительную, революционную борьбу народов. — Ю. М.). Нефтяные источники Персидского залива находятся в опасности не столько из-за советского военного присутствия в Афганистане, сколько из-за местных взрывов»¹²¹.

Не только прогрессивные, но и многие консервативные режимы на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Азии увидели в доктрине Картера значительную угрозу своим интересам. Имперские притязания США на их национальные ресурсы и территории дополнялись угрозой американского патернализма, который неминуемо осложнил бы отношения этих режимов как с собственным народом, так и со многими другими государствами, особенно с социалистическими и развивающимися неприсоединившимися государствами. Именно поэтому после многочисленных визитов американских эмиссаров, использовавших все доступные им приемы: от обещаний экономической и военной «помощи» до отнюдь не дипломатических угроз и шантажа, только Оман, Сомали и Кения согласились предоставить США право использовать, и то лишь в «особых случаях», находящиеся на их территории военно-морские базы, аэродромы и опорные пункты для развертывания американских вооруженных сил.

Провозглашение и попытки практического осуществления доктрины Картера привели к серьезному обострению обстановки на Ближнем и Среднем Востоке и во всем мире. «Заигрыванием с возможностью последней войны человечества»¹²² назвал их сенатор Э. Кеннеди. Они дали новый толчок гонке вооружений, усилению опасности империалистических интервенций и войн, однако не привели к консолидации межимпериалистических отношений, к сплочению США со многими их союзниками и партнерами, а скорее наоборот: способствовали дальнейшему осложнению их взаимоотношений.

Ведущие западноевропейские союзники США, в частности Франция, отказались от участия в задуманной Вашингтоном весной 1980 года встрече в Бонне министров иностранных дел США, Франции, Великобритании, ФРГ и Италии с целью выработки совместной линии на «дипломатическую изоляцию» СССР, усиление гонки вооружений, подготовку интервенций в страны Юго-Западной Азии и т. д. Более того, целый ряд членов НАТО уклонился от

выполнения части своих военных обязательств (о ежегодном 3-процентном увеличении военных расходов, создании и закупках новых систем оружия и др.) ввиду растущих экономических трудностей и протестов широкой общественности.

Даже в американской печати отмечались авантюризм, нереалистичность внешней и военной политики президента Картера и его ответственность за обострение международной обстановки на рубеже 70—80-х годов. «Ни одна из серьезных опасностей, угрожающих американскому могуществу, экономической стабильности и престижу, не может быть уменьшена путем использования военной силы,— писал видный американский политолог Р. Барнет. — ...Военная сила не даст нам больше возможности поддерживать доллар, сохранять доступ к критически необходимым ресурсам или оказывать политическое влияние так, как мы это делали раньше»¹²³.

Тем не менее, упорно продолжая вести линию на обострение международной напряженности, правительство Картера в апреле 1980 года объявило, что ввиду провала расчетов Вашингтона на благоприятные изменения во внутренней ситуации в Иране, в его политике и в положении захваченных там американских заложников оно разрывает дипломатические отношения с этой страной, вводит против нее все возможные экономические санкции, включая запреты на поставку медикаментов и продовольствия, «ревизию иранских активов», ранее замороженных в США, и т. д. Тут же американская дипломатия в ультимативном порядке потребовала от Западной Европы и Японии присоединения к этим санкциям, изображая экономическую блокаду Ирана как единственную альтернативу военным санкциям против него.

Правительство Картера, заявил Бжезинский, считает, что «момент требует, чтобы мы и наши союзники были готовы сделать суровый выбор и принести реальные жертвы... Мы все должны признать фундаментальную взаимозависимость трех центральных стратегических зон мира: Западной Европы, Дальнего Востока и Юго-Западной Азии. Если какая-нибудь одна из них заколеблется, безопасность остальных двух серьезно пострадает. Соответствующие политические и военные выводы должны быть извлечены из этого факта»¹²⁴.

Но как только некоторые американские союзники скрепя сердце согласились с требованиями США и пошли на частичную поддержку этих санкций, Вашингтон предпри-

нял крайне рискованную авантюру — послал отряд «коммандос» в Иран для насильственного освобождения задерживаемых американских дипломатов.

За несколько дней до этой акции Картер сделал угрожающее заявление о том, что США «оставили за собой право применять любые средства» против Ирана, не исключая военной силы. Кроме того, он объявил, что США в военном отношении якобы превосходят Советский Союз. Это заявление показывало, что Вашингтон снова проявлял старый имперский подход к другим странам и народам, присваивая «право» вмешиваться во внутренние дела остальных государств, «наказывать» их, применять против них грубую военную силу. Отрицая вместе с тем реально существующий стратегический паритет и провозглашая мнимое превосходство США над СССР, Картер, таким образом, фактически опровергал множество заявлений, которые делал он сам и его помощники, о «советской угрозе» как об основании военных приготовлений и интервенционистских действий Америки.

Рейд американских «коммандос» в Иран закончился полным провалом. Однако, представив этот рейд как «героическую», хотя и неудачную, «спасательную миссию», администрация Картера способствовала дальнейшему раздуванию джингоистской, шовинистической кампании в США, развязанной в связи с захватом американцев в Тегеране. Как стало известно позднее, сразу же после провала первого американского вторжения в Иран началась подготовка второго. В обоих случаях были предприняты попытки организовать внутренний контрреволюционный переворот в стране.

В то же время в связи с началом ирано-иракского конфликта США занялись как разработкой планов собственного одностороннего прямого вмешательства, так и изучением возможности организации международной интервенции в случае, если война между Ираком и Ираном поставит под угрозу экспорт нефти из Персидского залива. Пентагону были направлены уже не первые «секретные директивы подготовить вариант использования ядерного оружия в нестабильном районе Ближнего Востока»¹²⁵.

Обозленные своими внешнеполитическими провалами, представители администрации Картера подвергли резким нападкам правительства ФРГ, Франции, Великобритании и других партнеров США по НАТО за их «нейтралистские» настроения. В прессу не раз просачивалось содержание конфиденциальных писем президента Картера руко-

водителям этих стран, в частности канцлеру Г. Шмидту, содержащих предупреждения относительно возможных репрессалий США к нарушителям «союзнической верности». Вашингтон настойчиво предостерегал их от проявления какой-либо собственной инициативы в области смягчения международной напряженности, ближневосточного урегулирования, добивался от них увеличения военных расходов, поддержки, если не прямого участия, в агрессивных американских приготовлениях в Индийском океане и Персидском заливе. На очередных сессиях НАТО, на двусторонних встречах первой половины 1980 года лейтмотив всех американских заявлений был, по существу, один и тот же: надо переходить от разрядки к антиразрядке, от сотрудничества к конфронтации с СССР.

Как обычно, Вашингтон прежде всего стремился использовать блоковую дисциплину для того, чтобы втянуть своих союзников в американские военные приготовления и акции за тысячи километров от их собственных территорий. Особенно настойчиво ставился вопрос о расширении функций и сферы действия НАТО. «Североатлантический союз,— заявил президент Картер в Лиссабоне во время своего визита в Европу в начале лета 1980 года,— созданный первоначально для обороны Западной Европы, вынужден (!) теперь защищать свои интересы и в других районах мира... Партнеры по НАТО, наши союзники и друзья должны быть готовы к совместным действиям по обеспечению безопасности и мира не только в Европе, но и в других районах».

На состоявшейся 22—23 июня 1980 г. в Венеции очередной встрече «большой семерки» американцам удалось добиться по крайней мере внешнего единства США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Японии и Канады по главным обсуждавшимся вопросам: инфляции, энергетики и безопасности. Была принята специальная резолюция с требованием «вывода советских войск из Афганистана» и одобрены фактически все военные приготовления НАТО. «Силы, которые держат вместе индустриальные державы,— писала в связи с этим «Файнэншл таймс»,— гораздо более значительны, чем те, которые разъединяют их. Существует фактически общая вера среди участников (встречи в Венеции. — Ю. М.), что они должны или держаться вместе, или быть повешенными поодиночке... Однако тревожит то, что потребовалась встреча на высшем уровне, чтобы это единство стало очевидным. Совещание в Венеции было шестым такого рода. Каждое кончалось выра-

жением общего понимания необходимости совместного подхода к касающимся всех проблемам, но вскоре после этого снова начинались пререкания»¹²⁶.

Западноевропейские страны, совместно или индивидуально, продолжали выступать в пользу политики переговоров и соглашений с СССР, за достижение мирного урегулирования на Ближнем Востоке с участием палестинцев и учетом их национальных прав, против экономических санкций в отношении отдельных социалистических и развивающихся государств и т. д. Вопреки американскому давлению они поддерживали политические контакты, развивали торговые, научно-технические и другие связи с СССР. В то же время они пытались, и большей частью без какого-либо успеха, воздействовать на внешнюю политику США и на общее состояние международных отношений, не выходя за рамки союзнических атлантических отношений. Однако господствующее положение США в системе этих отношений в конечном счете позволяло им во многих случаях или подавлять, или игнорировать стремление Западной Европы к проведению более самостоятельной и отличающейся по отдельным вопросам от американской политики.

Пытаясь перейти в контрнаступление против сил социализма и национального освобождения, правящие круги США нуждались в поддержке своих союзников и добивались ее от них. Но при этом они меньше всего собирались считаться как с нежеланием западноевропейских государств возвращаться к «эре конфронтации», так и с их стремлением к более равноправным и взаимовыгодным отношениям с США. Проявляя все более откровенно имперский и силовой подход ко всем остальным странам, правительство Картера, таким образом, стремилось расширить позиции и защитить прибыли ТНК и военно-промышленного комплекса США как у себя дома, так и за границей.

Эта задача приобрела особое значение для американского империализма ввиду отпадения от капиталистической системы хозяйства все новых стран и проведения мероприятий по национализации и установлению контроля над деятельностью иностранного капитала в ряде развивающихся государств. Определенное ослабление позиций американского капитала на международной арене было также связано со снижением конкурентоспособности США в результате успешного проникновения западноевропейских и японских монополий даже на внутренний американский рынок.

Падающая эффективность попыток Вашингтона стимулировать рост производительности труда и научно-технического прогресса в американской промышленности, приостановить сокращение доли США в мировом производстве, экспорте капиталов и товаров, золотовалютных запасах и т. д. вызывала все большую тревогу господствующей элиты Америки. В этих условиях ужесточение внешней политики США, усиление гонки вооружений, курс на обострение международной напряженности были направлены не только на противодействие дальнейшим успехам сил национального освобождения и социального прогресса, но и на ослабление экономических позиций союзников, подавление самостоятельности в области внешней политики. Наряду с задачей обеспечения целостности капиталистической системы и «невидимой» американской империи перед правящей элитой США все острее вставала и проблема сохранения своего господства внутри этой империи.

Реакционный курс на международной арене сочетался с наступлением на политические права и социально-экономические интересы трудящихся в самих Соединенных Штатах.

В результате роста инфляции, энергетического кризиса, сокращения социальных ассигнований происходило снижение уровня и ухудшение качества жизни американских трудящихся, обострялись внутренние проблемы. Отвлечь внимание избирателей от этих проблем с помощью внешнеполитических авантюр, обеспечить их поддержку имперской политике Вашингтона — такова была еще одна задача, ставившаяся администрацией Картера.

Попытки укрепить «невидимую» американскую империю в послевьетнамский период «мирными» средствами терпели явную неудачу. В связи с этим во внешней политике Вашингтона на первый план стали выдвигаться откровенно агрессивные, интервенционистские установки, преобладающей становилась ориентация на военно-силовые методы. Администрация Картера вела страну назад — к «холодной войне».

Двойственность и непоследовательность политики Картера — Бжезинского, отражавшие особенности перехода внешней и военной политики США от послевьетнамского к послепослевьетнамскому периоду, ликвидировались на основе восстановления единства теории и практики американской силы, антикоммунизма и «борьбы за империю». Проводившийся параллельно с линией на сотрудничество курс на соперничество с СССР снова почти полностью во-

зобладал в Вашингтоне. Считая ненужной дальнейшую маскировку своих агрессивных, антисоветских установок, более того, надеясь заработать на них политический капитал в условиях избирательной кампании 1980 года, развертывавшейся под шовинистическими и антикоммунистическими лозунгами, президент Картер открыто провозгласил новую, но уже давно подготовлявшуюся военную стратегию США. Ее венцом явилась директива № 59 о подготовке к «ограниченной длительной» ядерной войне против Советского Союза, за завоевание Америкой мирового господства.

Важным этапом подготовки доктрины «ограниченной» ядерной войны явилась подписанная президентом 29 сентября 1978 г. директива № 41 о развитии гражданской обороны США как «части американо-советского стратегического баланса сил». Характерно, что она призывала обеспечить «сильные стратегические позиции США, включая ядерные вооружения», после заключения Договора ОСВ-2. Одной из ее главных задач было «постепенное уменьшение американской уязвимости перед ядерной войной», особенно «защита» военно-политического руководства страны. Наряду с развитием «гражданской обороны», предусматривавшей массовую эвакуацию жителей американских городов в случае угрозы войны, в Вашингтоне планировали «приоритетные меры по улучшению способности США к быстрому восстановлению после ядерной войны». Это, действительно, был, как комментировала «Нью-Йорк таймс» 13 ноября 1978 г., «значительный переворот в американской стратегической политике».

Реальное значение директивы № 41, как отмечали американские обозреватели Р. Эванс и Р. Новак, заключалось «в признании Картером того, что гражданская оборона — предохранительные меры для выживания населения против советского ядерного удара — должна учитываться как фактор в стратегическом балансе. Это политическое решение хоронит аргументы сторонников контроля над вооружениями о том, что ядерная война немыслима»¹²⁷.

Таким образом, положение о «мыслимости» ядерной войны и стремление сделать ее практическим орудием американской политики силы в конечном счете были положены в основу всего стратегического планирования и военного строительства правительства Картера — Бжезинского — Брауна, начиная от создания компонентов нейтронной бомбы и кончая решениями о развертывании систем МХ и «Трайидент-2» в США, крылатых ракет и «Першинг-2» в Западной Европе и т. д.

Вашингтон не только нацеливал на Советский Союз ядерные боеголовки (по различным оценкам, для них выданы на советской территории от 10 до 40 тыс. целей), но и ставил своей задачей еще больше увеличить их количество, улучшить качество, точность попадания, скорость доставки к цели, повысить неуязвимость от средств обороны и т. п. А главное — разрабатывалась стратегия, которая, по замыслам Пентагона, позволила бы наносить удары по СССР, отводя в то же время его ответные удары от территории самих США на какие угодно другие цели в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Азии, в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, Средиземном, Северном и других морях. «Сотрудники министерства обороны и Совета национальной безопасности, — сообщила 30 ноября 1978 г. «Нью-Йорк таймс», — назвали несколько новых военных инициатив как свидетельство того, что правительство находится на грани... «революции» в ядерной стратегии. Согласно этим официальным кругам, целью данных инициатив является предоставление Соединенным Штатам повышенной возможности вести ограниченный ядерный конфликт в дополнение к их способности вступить в крупномасштабную войну». Одним из расчетов при этом было, что «чистая инерция в серийном развитии вооружений» сможет, очевидно, дать США способность вести ядерную, но «ограниченную по масштабам войну с Москвой», могущую «продолжаться недели и даже месяцы»¹²⁸.

Действительно, к концу 1978 года американские атомщики уже сконструировали и испытали следующее поколение стратегических ядерных зарядов. Почти 20 боеголовок были подготовлены специально для межконтинентальных ракет наземного базирования MX и запускаемых с подводных лодок ракет «Трайдент-2» — «оружия 80-х годов»¹²⁹. Для обеспечения серийного производства этих боеголовок срочно была принята программа модернизации и увеличения мощностей всех государственных лабораторий и заводов, производящих плутоний, тритий и другие материалы для ядерных зарядов, военно-ядерного комплекса США.

Выдвигаются два главных довода в пользу стратегии «ограниченной» ядерной войны, отмечал один радикальный американский журнал: «Во-первых, с момента наступления приблизительного ядерного паритета между США и СССР, где-то около 1970 года, угроза всеобщего ядерного нападения США на Советы в кризисной ситуации потеряла свою реальность, так как оно почти определенно при-

вело бы к равному опустошающему удару против американских городов и военных целей... Во-вторых, современная и будущая технология делает такую стратегию более осуществимой. Высокоточное оружие и гибкие ядерные силы, включая бомбардировщики с крылатыми ракетами и новыми ракетами (межконтинентальными. — Ю. М.), базирующимися на суше или запускаемыми с подводных лодок, а также недавно отданные приказы об усилиях по улучшению систем командования и контроля за этими силами во время кризиса, как представляется некоторым стратегам, делают возможной маломасштабную ядерную войну без эскалации ее в тотальный обмен ядерными ударами. Эти стратеги доказывают, что превосходящий арсенал ограниченной ядерной войны может дать США решающий перевес в случае конфронтации с Москвой на Ближнем Востоке или в каком-либо ином районе»¹³⁰.

Таким образом, разработка концепции «ограниченной» ядерной войны стала исподволь увязываться с тезисом о возможности и необходимости возвращения США к позиции военного превосходства над СССР, сперва частичного и тайного, неофициального, а затем, на каком-то определенном этапе, — всестороннего и открытого. Если в официальных документах представители администрации Картера старались воздерживаться от откровенного провозглашения курса на достижение военного превосходства над СССР и объявления связанных с ним различных антисоветских и имперских планов, то в частных заявлениях они это делали неоднократно. «Я верю, — заявил, например, Бжезинский на страницах журнала «Форчун», — что превосходство в стратегической мощи может быть преобразовано в политическое преимущество. Отсюда вытекает важность поддержания военной мощи большей, чем у кого бы то ни было»¹³¹.

При этом снова и снова планы достижения военного превосходства над СССР увязывались с откровенными имперскими притязаниями правящих кругов США на мировое господство, с безграничным расширением сферы их «жизненных», т. е. империалистических, интересов. Так, выступая в июле 1980 года в Окленде, Г. Браун открыто заявил, что американские «потребности в области обороны являются глобальными» ввиду статуса США как «сверхдержавы»¹³².

Тщательно подготавливавшийся поворот в военной стратегии США был завершён подписанием президентской директивы № 59 (25 июля 1980 г.). Сам момент оглашения первых и далеко не полных сведений об этой директиве не

случайно совпал с разворачиванием очередной избирательной кампании в США: ПД № 59 являлась своего рода ответом Картера на обвинения в «военной слабости» со стороны его главного противника — кандидата республиканской партии на пост президента Р. Рейгана. Таким образом, ПД № 59 была прежде всего очередной и наиболее опасной демонстрацией «силы и решимости» картеровской администрации.

Из того, что стало известно о содержании самой директивы № 59, главным было выраженное в ней намерение и констатация способности США вести в случае необходимости «ограниченную, но длительную ядерную войну», в ходе которой американские ядерные ракеты наносили бы выборочные мощные удары «по целям, которым советское руководство придает особо важное значение: объектам системы политического и военного управления, ядерным и неядерным средствам ведения войны, а также по промышленным объектам военного характера»¹³³. Хотя в качестве противника № 1 фигурировал Советский Союз, тем не менее оказалось, что ПД № 59 предусматривает также ядерное нападение и на КНР, на аналогичные цели в которой отводилось примерно 100 ядерных ракет.

Официальное принятие ПД № 59 повлекло за собой подготовку более конкретных планов ведения «ограниченной» ядерной войны на различных театрах военных действий, прежде всего в Европе, а также на Ближнем и Дальнем Востоке. Именно там, по имеющимся данным, уже сосредоточены на сухопутных базах, подводных лодках, авианосцах и аэродромах тысячи единиц американского оперативно-тактического и стратегического ядерного оружия и разворачиваются новые системы ракетно-ядерных вооружений. Осенью 1980 года стало известно, в частности, о существовании так называемого президентского меморандума № 51, приказывавшего подготовиться к возможному применению ядерного оружия в Юго-Западной Азии и предусматривавшего доставку в этот район на бомбардировщиках В-52 19 ядерных бомб. Если неядерные «силы сдерживания» на Ближнем Востоке потерпят неудачу, то будет рассмотрена возможность применения ядерного оружия, угрожающе заявил заместитель министра обороны США Комер¹³⁴. Наряду с региональной (51) были приняты дополнительные общие ПД № 53 (об обеспечении связи в ходе ядерной войны) и № 58 (о перемещении военных и гражданских руководителей из Вашингтона в убежища и на запасные командные пункты)¹³⁵.

Руководствуясь ПД № 59, правящие круги США рассчитывают, что им удастся «ограничить» ядерную войну любыми другими районами мира и она не затронет самой Америки. «Новый план ограниченной войны, — откровенничал «Ньюсуик», — защитит американские города, ограничивая масштабы конфликта»¹³⁶. Они надеются добиться этого «ограничения», навязав СССР и другим странам свои «правила» ведения такой войны. Однако ставка Вашингтона на эскалацию ядерной войны несовместима с их утверждениями о возможности сохранения, да еще на протяжении длительного периода, ее «ограниченного» характера. Об этом же говорит и очевидная нереальность их расчетов на ядерную победу, с которыми никогда не примирятся ни Советский Союз, ни многие другие государства. Даже министр обороны США Браун вынужден был признать, выступая с официальным объявлением о ПД № 59 в военно-морском колледже в Ньюпорте, что «в крайне неопределенных и хаотичных условиях ядерной войны», если такая война разразится, так называемый контролируемый ограниченный удар вполне может «перерасти в полномасштабную ядерную войну»¹³⁷.

Директива № 59 явилась очередной односторонней силовой акцией администрации Картера. Она самым непосредственным образом затрагивала отношения США с их союзниками и тем более противниками, их внешнюю политику в целом. Она снова с особой очевидностью свидетельствовала о том, что отличительными чертами американской политики являются ставка на военную, причем в первую очередь на самую разрушительную — ядерную, силу, имперское пренебрежение к правам и интересам других народов.

Авантюристичность и реакционность внешней политики Картера — Бжезинского в последний период их пребывания в Белом доме была также подтверждена бесцеремонной попыткой Вашингтона вмешаться во внутренние дела Польши на стороне контрреволюционного руководства «Солидарности», использовать внутривосточные проблемы для провокационных акций против ПНР и других социалистических стран, для разжигания международного кризиса. Государственный секретарь США Маски даже привез с собой на декабрьскую сессию НАТО 1980 года в Брюссель план «коллективных репрессий» по отношению к СССР и другим социалистическим странам в случае, если будут приняты какие-либо меры против разрушительной и провокационной деятельности лидеров «Солидарности». Аме-

риканский план предусматривал прекращение переговоров по вопросам разоружения и развития экономических связей, разрыв политических контактов и замораживание культурного обмена. Правительство Картера надеялось с помощью подобных действий не только «наказать» и ослабить социалистические страны, но и укрепить позиции США в НАТО, обострить еще больше международную обстановку, нажать себе политический капитал, продемонстрировав свою жесткость, «силу и решимость». Однако даже самые верные и послушные союзники США в НАТО отвергли их план «репрессий» против СССР и ПНР.

Политику правительства Картера критиковали не только союзники США, но и широкие круги американского истеблишмента и избирателей. Демократическая партия в значительной мере была ослаблена оппозицией Картеру со стороны сенатора Э. Кеннеди и его сторонников. Голосовавшие за Картера на прошлых выборах члены профсоюзов, негритянских и молодежных организаций, либеральные круги были разочарованы как его жесткой социально-экономической, так и непоследовательной, авантюристической внешней политикой, способствовавшей быстрому росту инфляции, налогов, безработицы, трудностей с энергетикой и т. д.

Внешняя политика и военная стратегия Картера привели к серьезному обострению международной обстановки, способствовали разрыванию в стране очередной шовинистической, воинствующей антисоветской кампании. Однако наиболее агрессивные, ультрареакционные круги американского общества, никогда особенно не доверявшие Картеру, считали, что его правительство проявило колебания и «слабость», воздержалось от прямых интервенций и применения силы там, где это было необходимо с их точки зрения. Такого рода настроения определенной части влиятельных кругов страны отразились на президентских выборах 1980 года и предшествовавшей им борьбе, в результате которой Картер потерпел поражение и к власти пришла республиканская администрация во главе с Р. Рейганом.

**ИМПЕРСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА**

**1. Предвыборная кампания и программа
Р. Рейгана**

Оказывая большое, а подчас и решающее влияние на формирование всех сторон политического курса страны, правое, консервативное (по американской терминологии) крыло промышленно-финансовой олигархии США никогда не удовлетворялось тем, что его линия осуществлялась лишь частично из-за «слабоволия» занимающих Белый дом «мягкотелых либералов».

Характеризуя внешнеполитическое мировоззрение и позиции американских консерваторов 70-х годов, исследователи из Гарвардского университета М. Мандельбаум и В. Шнейдер писали, что они изображают мир главным образом с точки зрения противостояния между Востоком и Западом, «отвергают разрядку и отказ от холодной войны как аморальные» и добиваются проведения такой внешней политики, которая, как и прежде, была бы направлена на сдерживание — если не на отбрасывание — мирового коммунизма. «Национальная безопасность», в их понимании, обеспечивается с помощью твердого американского руководства военным союзом капиталистического мира. «Консервативный взгляд на мир состоит в том, — отмечают Мандельбаум и Шнейдер, — что конфронтация Восток — Запад должна оставаться моральным фокусом внешнеполитического курса Америки»¹.

По мнению американских консерваторов, все поражения и неудачи Америки на мировой арене объясняются только одним — недостаточным наращиванием военной силы и нерешительностью в ее прямом применении, чем якобы пользуется Советский Союз, которому приписывается «вина» за все поражения американского империализма на международной арене. Отсюда их постоянная ностальгия по тем временам, когда Америка была «всемогуща», их тоска по сильному лидеру.

Анализируя состав и взгляды консервативных республиканцев, директор Королевского института международных отношений в Лондоне Д. Уатт выделял среди них, в частности, новых конгрессменов и сенаторов от правого крыла республиканской партии, являющихся «не столько изоляционистами в старом смысле, сколько примитивными и неопытными политиками, страдающими от националистической лихорадки, схваченной среди унижений Вьетнама и Уотергейта. Они отражают в преувеличенном виде переживания пассажира милуокского omnibusа по поводу того, что Америку слишком долго толкают со всех сторон, что мы (т. е. американцы. — Ю. М.) должны разоблачить этих красных и что те проклятые богом европейцы пусть лучше ведут себя как следует»².

«Твердость» взглядов, апелляция к силе, игра на антикоммунистических, великодержавных предрассудках, спекуляция на славном историческом прошлом, ставка на индивидуализм и свободу предпринимательства — все это привлекает к консерваторам, особенно в периоды кризисов и потрясений, довольно широкие круги средних американцев англосаксонского происхождения, а главное — влиятельные монополистические и военные круги.

После отставки Никсона и поражения Форда консерваторы — «откровенные империалисты» заняли преобладающие позиции в республиканской партии и фактически взяли на себя роль авангарда и оплота широкой коалиции реакционных и милитаристских сил, выступающих за отказ от уменьшения международной напряженности и от проведения более реалистического курса, учитывающего происшедшие в мире изменения.

Признанным лидером консерваторов к тому времени стал Р. Рейган, дважды занимавший пост губернатора Калифорнии — одного из крупнейших и богатейших штатов Америки, где особенно быстро размножались и росли в послевоенные годы предприятия, лаборатории и учреждения военно-промышленного комплекса США, где живут многие американские миллионеры, к числу которых принадлежит и Рейган.

Необыкновенно удачливая карьера сына хозяина небольшой сапожной мастерской, ставшего довольно известным, хотя и не выдающимся, актером Голливуда, а затем и «персональным» телевизионным обозревателем и рекламщиком гигантской корпорации «Дженерал электрик», эволюция его политических взглядов (из сторонника Ф. Д. Рузвельта он со временем превратился в ультраправого рес-

публиканца), безоговорочная преданность «большому бизнесу» и догмам «холодной войны» — все это привлекло к Рейгану внимание и обеспечило ему поддержку влиятельных правых сил, консервативных республиканцев и деловых кругов Калифорнии, а затем и всей Америки. В конечном счете именно эти силы и круги сделали его своей главной «надеждой» во внутривластной борьбе за власть в Америке и определение ее внутри- и внешнеполитического курса.

Консервативные республиканцы в прошлом не раз пытались выставить и провести в президенты своего собственного кандидата (Макартура в 1952 г., Голдуотера в 1964 г., Рейгана в 1976 г.). Однако крайне воинствующие авантюристические лозунги этих кандидатов в конечном счете отпугивали от них большинство американских избирателей, им не удавалось даже добиться выдвижения своих кандидатур на съездах республиканской партии или тем более победить на общенациональных президентских выборах.

Иначе развернулись события в 1980 году. Вначале Рейган довольно легко победил своих соперников по партии, в том числе «умеренного» Буша, а затем, став официальным кандидатом в президенты от республиканской партии, одержал весьма внушительную победу над Картером. Этому способствовал ряд факторов. Все дальше в прошлое уходили Вьетнам и Уотергейт, забыть о которых американским избирателям усиленно помогали как консерваторы, так и либералы. Все больше обострялись экономические и энергетические трудности в стране, особенно быстро росли инфляция, цены на бензин. «Живете ли вы лучше или хуже, чем четыре года тому назад?» — спрашивал Рейган свою аудиторию, и ответ был всегда почти единодушным: «хуже». А ответственность за это, естественно, возлагалась на находившегося у власти президента, его правительство и партию, на «внешних врагов» Америки — коммунистов, арабов, иранцев, кубинцев и др., а не на социально-политическую систему США и подлинных хозяев страны — монополии. Более того, Рейган утверждал, что государственное вмешательство в экономику, «ограничения частной инициативы», высокие налоги и расходы на социальные нужды являются якобы первопричиной всех хозяйственных проблем страны, за что ответственность опять-таки прежде всего несут демократы.

Существенную роль в его победах в дебатах с Картером сыграла, как это стало известно позднее, исчерпы-

вающая информация о планируемых заявлениях и действиях демократов, которую республиканцы получали от своего агента в Белом доме.

В большинстве случаев внутренние, прежде всего экономические, вопросы имеют главное значение для американских избирателей, но на выборах 1980 года международное положение, внешнеполитические и военные проблемы также играли весьма существенную роль. Так, вопрос об американских заложниках в Иране, об их освобождении не сходил с экранов телевизоров и страниц американских газет на всем протяжении избирательной кампании.

Уже один этот вопрос в огромной мере способствовал разжиганию шовинистической, милитаристской истерии в стране. В этих условиях искажались все нормальные представления об отношениях между различными государствами и их политике, что активно использовали в своих узкокорыстных целях военно-промышленный комплекс, сионистские круги и антисоветчики всех мастей. Состоящие у них на службе средства массовой информации, манипулируя общественным мнением, приложили немало сил для насаждения в стране выгодных американской реакции настроений.

Не скупясь на угрозы в адрес иранцев, Рейган противопоставлял свою «решительность» «безволию» Картера. И эта воинствующая риторика находила довольно широкий отклик среди американских избирателей, возмущавшихся тем, что какие-то «туземцы» в Иране или Никарагуа позволяют себе «унижать» Америку, не боятся американского «возмездия» и т. д.

Играя на чувствах тревоги и недовольства американцев, с одной стороны, и на лжепатриотизме и традициях — с другой, Рейган представлял себя в качестве деятеля, уверенного в себе и своей стране, знающего, как поправить ее дела, «как передвинуть назад часы и вернуть Соединенные Штаты на неоспоримую позицию силы, которую они однажды занимали в мире»³.

Почти все неудачи и поражения Америки, в том числе во Вьетнаме и Иране, Рейган объяснял «происками советских коммунистов», с одной стороны, и «слабостью и нерешительностью» предшествующих администраций США — с другой. По мнению Рейгана, США потерпели поражение в Индокитае потому, что американская военщина не имела полной свободы действий, подчиняясь гражданскому политическому руководству и специалистам, «узурпировав-

шим» ее полномочия. Особенно доставалось от него государственному департаменту США, питавшему якобы «слишком большое доверие к переговорам о контроле над вооружениями»⁴.

Неоднократно демонстрируя свой великодержавный шовинизм и авантюризм, Рейган выступал ярким сторонником использования силы для «защиты американских интересов и граждан во всем мире», явно рассматривая его как вотчину американского империализма. Центральная Америка для него — «задворки США», где они могут распоряжаться, не считаясь с волей живущих в этом регионе народов. Он выступал за посылку американских войск «для поддержания мира» на Кипр, в Ливан, Родезию, Пакистан, на Синай. Когда Эквадор задержал в своих территориальных водах вторгшиеся туда американские рыболовные суда, Рейган потребовал послать для их защиты американский миноносец. Он высказывался за блокаду КНДР, Кубы и других социалистических государств и т. п. В имперском угаре Рейган, по свидетельству сопровождавших его корреспондентов «Нью-Йорк таймс», иногда демонстрировал «даллесовскую готовность идти на грань конфликта с русскими в испытании силы», в решении той или иной международной проблемы, которая представлялась ему критической в данный момент⁵.

Особое внимание Рейган и его окружение уделили в ходе предвыборной кампании военным вопросам. Для их разработки была создана специальная группа из 34 человек, в том числе девяти генералов и одного адмирала, сопредседателями которой являлись старые «ястребы» — отставной генерал-лейтенант Э. Роуни и профессор Южнокалифорнийского университета У. Ван Клив.

Основные положения, выдвинутые этой группой и развитые Рейганом в его выступлениях, состояли в том, что время дискуссий на тему «пушки или масло» уже прошло, что нужно массивное скачкообразное увеличение расходов на американскую «оборону» для запуска в производство и развертывания все новых систем вооружений (ракеты MX и «Трайидент», бомбардировщики B-1 и «Стелс», крылатые ракеты и нейтронная бомба, противоспутниковое и лазерное оружие и т. д.). Делалась ставка на достижение США всестороннего превосходства над СССР и способность вести любые войны в любом районе земного шара; заявлялось, что Договор ОСВ-2 следует аннулировать, как и почти все другие соглашения об ограничении вооружений, и т. п. В качестве обоснования такой поистине бес-

прецедентной военной программы использовалась одна и та же выдумка о «советской угрозе» и «военном отставании» США.

Не только стать первыми, но и измотать СССР, истощить его ресурсы в неограниченной гонке вооружений, с тем чтобы он фактически капитулировал перед Америкой, — такую цель откровенно ставил Э. Роуни ⁶.

Из высказываний кандидатов в президенты и вице-президенты, их помощников и советников складывалось также достаточно четкое представление об их намерении добиться гегемонии Америки даже над другими империалистическими державами — ее партнерами. В частности, наращивание гонки вооружений должно было служить «повышению надежности США как мощного военного союзника», без чего «страны Западной Европы и Азии будут все менее склонны соглашаться на экономические и другие уступки, на дальнейшую либерализацию торговли, на следование лидерству США в выдвижении требований надежного доступа к источникам энергии и сырьевых материалов». Без веры в американскую политическую и военную силу, как заявляли представители рейгановского лагеря, «другие страны будут сопротивляться распределению бремени коллективной обороны и регулированию экономических отношений с коммунистическими и развивающимися странами на общей основе с США» ⁷.

Примечательная формулировка содержалась в одной конфиденциальной записке, подготовленной для Рейгана его будущим советником по вопросам национальной безопасности Р. Алленом. «Хотя США не берут на себя глобальную ответственность за международный мир и стабильность, — говорилось в ней, — ни один из районов земного шара не останется за пределами американских интересов, если контроль или влияние враждебной державы угрожают в нем американской безопасности». О том, как далеко простирались эти «интересы» и какие средства США собирались использовать для их «защиты», свидетельствовали и содержащиеся в записке конкретные рекомендации по созданию гражданской и антиракетной обороны, проведению стратегии «контрсилы», «освобождению» Афганистана и Восточной Европы, активному привлечению союзников к военным мероприятиям США, но без ограничения свободы односторонних американских действий и т. д. ⁸

Еще один советник Рейгана — бывший заместитель директора ЦРУ, директор Центра стратегических и между-

народных исследований Джорджтаунского университета Р. Клайн призывал к реализации старой идеи американских атлантистов о создании всемирного — от Норвегии до Австралии — океанского военного союза или системы союзов ведущих капиталистических государств во главе с США. «Сильные коалиции более важны, чем политика в защиту прав человека»⁹, — считали Рейган и его окружение.

Состоявшийся в июле 1980 года в Детройте съезд республиканской партии сопровождался массовым шовинистическим психозом, беспрецедентным даже в истории этих неизменно шумных и скандальных «шоу». Тон всем выступлениям был задан самим кандидатом в президенты, который просто не мог «выразить словами необычайную силу и характер этого племени людей, которых зовут американцами».

Вторя Рейгану, экс-президент Форд заявил: «Нет ничего такого, чего бы не мог совершить американский народ, если он за это возьмется... Давайте никогда не сомневаться в американском величии... Давайте начнем говорить как победители и будем победителями. Это — настоящий дух Америки... Нам только нужно вспомнить, кто мы такие..., самый благословенный, самый созидательный, самый свободный, самый оптимистический народ на этой земле».

То обстоятельство, что съезд республиканцев проходил в Детройте, где живет много эмигрантов из Восточной Европы, и что он пришелся по времени на традиционно проводимую в США провокационную «неделю поработенных наций», придал ему дополнительный воинствующий антикоммунистический импульс. Республиканская партия обещала народам Кубы и Центральной и Восточной Европы «свою поддержку в надеждах, что они добьются самоопределения (читай: подчинятся диктату Вашингтона. — Ю. М.)». Способствовать этому, в частности, должно было усиление деятельности «Голоса Америки», «Радио свободы» и других центров «психологической войны».

Кульминацией съезда явилось обещание Рейгана «сделать Америку снова великой», «защитить мир и свободу». В конце речи Рейган призвал своих слушателей начать «крестовый поход» тихой молитвой, после чего произнес: «Боже, благослови Америку»¹⁰.

«Тихая молитва» не могла, однако, приглушить боевого клича современных крестоносцев, скрыть, на какие подвиги они просили «божественного благословения». «Начиная с Рейгана и кончая последним участником съезда, —

признавал Т. Уикер,— республиканская кампания неизменно характеризовалась как «крестовый поход». И неизбежно тема величия нашла свое военное выражение в призыве республиканской платформы к вооруженному превосходству над Советским Союзом»¹¹.

В предвыборной программе республиканской партии утверждалось, что необходимо устранить все прежние ограничения на создание любых новых видов оружия, отказаться от Договора ОСВ-2. Она содержала призыв к производству и развертыванию все новых систем вооружений — от ракет МХ до нейтронной бомбы — для размещения в Западной Европе. В ней выдвигались требования постоянного присутствия американских вооруженных сил на других континентах и морях, создания нового военного флота в Индийском океане. Советский Союз открыто назывался «главным врагом» Америки, проведение против него «новой наступательной стратегии» объявлялось важнейшей военно-политической задачей и т. п.

Добившись одобрения съездом почти всех своих предложений и став официальным кандидатом республиканцев в президенты, Рейган продолжал разжигать в американских избирателях великодержавные имперские настроения. Америка создана, заявлял он, согласно «божественному замыслу». Ее гражданам предназначена «встреча с судьбой». Их миссия — «построить сияющий город на горе»¹² и т. п.

Комментируя откровенную ностальгию консервативных республиканцев по «американскому веку», даже западногерманская «Зюддойче цайтунг» отмечала 18 июля 1980 г.: «Советский Союз не будет молча наблюдать, если рейгановская Америка попытается отвоевать себе господствующее положение «мировой державы № 1». Европейские союзники также не позволят так просто посадить себя на поводок. Мировую историю нельзя, как фильм, прокручивать назад... США не удастся вернуть себе роль мирового полицейского».

Чрезмерная воинственность республиканцев вызывала критику со стороны значительной части американцев, что заставило Рейгана на последних этапах избирательной кампании сделать ряд заявлений о том, что он не является поджигателем войны, не выступает против переговоров и соглашений с СССР, в том числе об ограничении вооружений. Отдельные промахи и противоречия в его предвыборной риторике не помешали, однако, ему и вместе с ним значительному числу консервативных кандидатов в конг-

ресс и местные органы власти одержать победу на выборах, так как большинство участвовавших в выборах американцев готовы были голосовать за кого угодно, лишь бы провалить обанкротившегося Картера. А главное — Рейган получил подавляющую поддержку со стороны американских бизнесменов. Из каждых 10 опрошенных руководителей в крупных корпорациях — 8—9, в средних — 7 и в небольших компаниях — 6 высказались в его пользу¹³. На победу Рейгана Уолл-стрит незамедлительно и весьма красноречиво отреагировал резким повышением курса акций авиационных и других занятых производством вооружений монополий.

Однако нельзя было не видеть и другое: в выборах 1980 года приняло участие немногим больше половины американцев, имеющих право голоса, и по числу полученных бюллетеней избирателей (а не выборщиков) Рейган не очень намного опередил Картера. В результате он был избран фактически не большинством, а меньшинством американского народа, значительная часть которого осталась равнодушной как к проповедям Картера, так и к воинствующим лозунгам Рейгана, к обещаниям обоих кандидатов сделать Америку «великой» и улучшить их жизнь.

Ориентация на узкоэгоистические интересы и мировоззрение наиболее консервативной части правящей элиты оказала решающее воздействие на формирование нового правительства — кабинета миллионеров и членов «комитета по существующей опасности», в который вошли личные друзья Рейгана, а также на выработку политического курса его администрации. Не случайно видный американский ученый-международник, профессор Гарвардского университета С. Хоффман, характеризуя намечаемый администрацией Рейгана курс, подчеркивал, что «ее внутренняя политика основывается на свободном предпринимательстве, а новая внешняя политика покоится на вере в магические свойства силы и на анализе мира и биполярных терминах, что представляет собой возврат к 50-м годам»¹⁴.

В своем инаугурационном выступлении 20 января 1981 г. Рейган, обещая обновление Америки, много говорил о «правительстве из народа и для народа». Однако устроенные с вечера до утра следующего дня в Вашингтоне и в десятках других городов США шумные и пышные представления, фейерверки, приемы и балы с участием голливудских звезд стоимостью в сотни тысяч и миллионы долларов, засвидетельствовали диаметрально противоположное: к власти пришло правительство миллионеров и для миллио-

неров, кичащееся своим богатством. Опынение победой и властью вызывало новый прилив самоуверенности и самовозвеличивания.

А. Хейг повторил выдумку о вступлении Советского Союза в какую-то новую стадию «глобальной экспансии». Генерал-дипломат с присущим ему имперским пафосом призвал союзников США присоединиться к очередному антисоветскому «крестовому походу». При этом он не постеснялся заявить, что «существуют более важные вещи, чем мир.., вещи, за которые американцы должны быть готовы воевать». В качестве примера «более важных вещей» он тут же назвал «свободу и жизненно важные западные интересы», распространив их фактически на весь мир¹⁵. «Подобно тому как в свое время Даллес,— писала «Зюддойче цайтунг» 30 января 1981 г., — Хейг спустя почти три десятилетия видит все основные силы мировой политики участвующими в идеологическом противостоянии между США и СССР. Все остальные противоречия и интересы на земле... подчиняются этому разделению».

Уже на своей первой пресс-конференции в феврале 1981 года Уайнбергер, ставший министром обороны, высказался, в частности, за производство и размещение в Западной Европе нейтронной бомбы в качестве важнейшей составной части «ядерных сил театра военных действий», т. е. за то, чего не решилась сделать предшествующая администрация перед лицом бурных протестов европейских и других народов.

Воинствующая антисоветская риторика нового политического руководства США особенно вдохновляюще действовала на американских милитаристов, ЦРУ и другие спецслужбы. Председатель комитета начальников штабов генерал Джоунс позволил себе заявить, в частности, что советская политика «где-либо в мире могла бы привести к возмездию со стороны США, включая, возможно, потопление советского флота»¹⁶. Первому военному чину в США лучше, чем кому-либо другому, следовало бы знать и помнить, к какой катастрофе привела бы попытка «потопить советский флот» его собственные вооруженные силы, народ и страну.

Действия рейгановской администрации в который раз подтверждали классовую ограниченность и закоренелые пороки внешнеполитического мышления Вашингтона. В основе ее подхода к международным делам лежало убеждение в «слабости» социалистических и многих других государств, в «кризисе коммунизма», а с другой стороны —

слепая вера во «всесилие» США, в их возможность перекраивать мир по своему усмотрению. Однако такого рода установки все более расходятся с международными реальностями и несут все большую угрозу как для самих США, так и для всеобщего мира и безопасности.

2. Ставка на военную силу как главное орудие внешней политики

Правительство Рейгана стало быстро воплощать свои воинствующие антикоммунистические декларации в конкретные военно-политические программы и предпринимать на основе их действия в духе имперской силовой политики.

Если правительства Форда и Картера под давлением «вьетнамского синдрома» увеличивали военные ассигнования и разворачивали дальше гонку вооружений с определенной осмотрительностью и оговорками, то администрация Рейгана открыто наметила и осуществляет широкомасштабные военные мероприятия, направленные на достижение утопичной цели — военно-стратегического превосходства над СССР. Программа «возрождения американской военной мощи», по словам Уайнбергера, исходит из того, что для «защиты своих интересов во всем мире» США «должны быть готовы вступить в войну сегодня (!)»¹⁷.

Наряду с достижением общего стратегического превосходства США над СССР ставится задача установления преимущества в отдельных видах вооруженных сил. Так, например, Уайнбергер открыто заявил: «Паритет или достаточность в военно-морских силах не устраивают Соединенные Штаты... Мы должны и мы будем иметь военно-морское превосходство».

Министр военно-морского флота США Леман, открытый противник всех договоров ОСВ и других соглашений об ограничении вооружений, настаивает на необходимости достижения прежде всего морского превосходства Америки, ссылаясь на особенности ее геостратегического положения как океанской державы. Выступая за резкое наращивание военно-морского флота на всех направлениях, он назвал, в частности, в качестве одной из целей этого наращивания на северном фланге НАТО приобретение способности «нанести удар по Кольскому полуострову». Комментируя заявку Лемана на создание огромного трехокеанского флота, реакционный американский обозреватель Уилл откровенно писал, что «цель рейгановской админист-

рации, связанная с достижением морского превосходства,— обретение способности взять верх над любым противником» и что она планирует такое увеличение ВМС США, которое бы позволило им противостоять «нависшей угрозе», «действовать в боевой ситуации», т. е. вести войну, и Уилл не скрывает против кого — против Советского Союза¹⁸.

Администрация Рейгана практически взяла на вооружение чуть ли не все сразу разработанные до нее военные доктрины США. Если она и вносит какие-либо изменения в них, то лишь с тем, чтобы придать им еще более «устрашающий» и более «практический» характер. Так, в частности, она отказалась от «механистических концепций» ведения параллельно только двух или полутора войн и взяла курс на обеспечение такого военного потенциала, который позволил бы вести боевые действия сразу на нескольких театрах и уровнях. «Наша долгосрочная цель состоит в том,— подтверждалось в докладе Уайнбергера конгрессу, представленном в феврале 1982 года,— чтобы иметь возможность выполнять задачи, связанные с ведением глобальной войны, в том числе одновременно перебрасывать подкрепления в Европу, развертывать силы в Юго-Западной Азии (в Персидском заливе) и оказывать поддержку в других районах потенциального конфликта»¹⁹.

В качестве вероятных вариантов ведения войны Рейган и его окружение рассматривают не только «вертикальную», т. е. по характеру конфликта (от локального обычного до всеобщего термоядерного) и видам применяемого в нем оружия, но и «горизонтальную» эскалацию, что означает распространение военных действий на все новые и новые страны и районы земного шара. В соответствии с этими установками весной 1981 года была провозглашена доктрина «длительной обычной войны», продолжительного конфликта с применением конвенционного оружия в нескольких частях мира одновременно.

Эти агрессивные планы, по существу, нацелены против прогрессивных режимов и движений, союзников и друзей Советского Союза под тем лживым предлогом, что они якобы являются «проводниками советской экспансии», «очагами терроризма и нестабильности». «Мы должны быть готовы,— утверждал Уайнбергер,— начать контрнаступление в других районах... Мы должны быть готовы к ведению обычной войны, которая может распространиться на многие части земного шара... Обычные войны могут принять любые масштабы. Если мы ценим нашу свободу, то мы

должны быть в состоянии защищать себя в войнах любого размаха и характера и в любом регионе, где мы имеем жизненно важные интересы (так Уайнбергер открыто отождествил «свободу» Америки с «защитой» ее зарубежных капиталовложений, источников сырья, рынков сбыта и т. д. — Ю. М.)... Наши глобальные интересы и обязательства требуют, чтобы наши вооруженные силы приобрели большую дальность действия, мобильность и выживаемость, что связано с неотложной необходимостью развить лучшую способность реагировать на кризисы далеко от наших берегов и находиться там столько, сколько понадобится»²⁰. «Мы, как и наши партнеры, — заявил он же несколько позднее, — должны считаться с возможностью обменов ударами в таких далеко отстоящих друг от друга районах, как Персидский залив, Центральная Европа, Африка, Восточная Азия и Центральная Америка»²¹.

Американская «новая стратегия» так называемого «прямого противоборства» не просто вобрала в себя все крайности прежних милитаристских установок типа «балансирования на грани войны», но еще больше обострила их. Она, как подчеркивал член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, «санкционирует самые варварские способы ведения войны с применением всех видов оружия массового уничтожения людей (ядерного, нейтронного, химического и др.)... Соединенные Штаты намерены нарастить свои наступательные стратегические возможности путем размещения новых американских ракет в Западной Европе и в других районах, близко отстоящих от СССР и его союзников... Фактически на острие доктрины «первого удара» США оказываются союзники по НАТО. Их представляют под первый ответный удар, который для большинства, конечно же, стал бы и последним... Реальную угрозу имперские действия США представляют всем другим государствам мира и особенно развивающимся странам, которые богаты сырьем или занимают важное стратегическое положение. В Белом доме прямо заявляют, что они не потерпят внутренних перемен в этих странах, идущих вразрез с американскими интересами, не допустят больше новых Иранов и Никарагуа»²².

Отвечая на вопросы, связанные с доктриной «обычной» войны применительно к Европе, Рейган на своей пресс-конференции в июне 1981 года дважды выразил сильное сомнение в том, что конфликт в Европе сможет долго оставаться ниже уровня «атомного порога». Вместе с тем он не исключил возможности «ограничить» обмен ядерными

ударами только европейским ТВД, без перерастания его во всеобщую ракетно-ядерную войну²³. А через несколько недель, 6 августа, в день годовщины атомной бомбардировки Хиросимы, президент отдал приказ о производстве нейтронной бомбы, предназначенной исключительно для уничтожения всего живого на заокеанских театрах военных действий.

В ответ на бурные протесты западноевропейской и мировой общественности Вашингтон заявил, что принятое им решение является «внутренним делом» США и что нейтронные бомбы будут пока складироваться на их собственной территории и не будут вывозиться в другие страны без консультаций с соответствующими правительствами. При этом умалчивалось, однако, что применение нейтронного оружия планируется Пентагоном только на заокеанских, и прежде всего европейском, театрах военных действий, а отнюдь не на американской земле. Не упоминалось и о том, что США ускоряют выполнение принятого ранее решения о приспособлении своей артиллерии в Западной Европе к использованию как обычных, так и ядерных снарядов различного калибра для боя на ближних и средних дистанциях, готовятся начать производство нового, бинарного химического оружия, также предназначенного для заокеанских ТВД.

Администрация Рейгана фактически отказывает руководству западноевропейских стран в праве влиять на американские военные решения, прежде всего относящиеся к судьбам самой Западной Европы, к ее «выживанию». В то же время она ничем не ограничивает себя, интерпретируя и корректируя западноевропейские и натовские доктрины и соглашения исключительно в выгодном для себя духе.

Уайнбергер на прямой вопрос, не явится ли «неизбежным последствием применения атомного оружия ТВД» пуск баллистических межконтинентальных ракет, ответил: «Невероятно, чтобы выстрел одного из тактических орудий автоматически повлек за собой что-либо еще». 16 октября (и затем 10 ноября) 1981 г. в беседе с редакторами провинциальных газет президент Рейган заявил, что возможна ситуация, когда в Европе «произойдет обмен ударами с применением сторонами тактического (ядерного. — Ю. М.) оружия против воинских континентов на поле боя без того, чтобы какая-либо из больших держав нажала на кнопку (т. е. пустила в ход свои стратегические вооружения. — Ю. М.)»²⁴. Таким образом, Белый дом фактически сам подтвердил, что он вынашивает планы «европеизации»

ядерной войны. То, что «такая возможность для европейцев малоутешительна,— прокомментировала с иронией эти заявления «Зюддойче цайтунг»,— не пришло президенту в голову. Может быть, он просто ни разу не подумал о европейцах, делая свои высказывания. В конце концов он ведь президент сверхдержавы»²⁵.

Повышение ставки рейгановской администрации на ядерное оружие и его «практическое» применение в осуществлении имперских замыслов нашло отражение в стратегии «затяжной ядерной войны» на случай «глобального конфликта» с СССР (она была выработана к лету 1982 г.) с целью не только уничтожения «ядерных и неядерных вооруженных сил и промышленных объектов, имеющих решающее значение с точки зрения военной мощи» на территории СССР и его союзников, но и ликвидации «социализма как мировой системы». Эта стратегия исходит из стремления одержать победу над Советским Союзом, опираясь на количественное и качественное превосходство над ним в области стратегических вооружений, геостратегические, технологические и другие преимущества, которые США хотят получить в результате выполнения колоссальных программ перевооружения, принятых рейгановской администрацией.

Не случайно огромный размах, в частности, получили при администрации Рейгана планы распространения гонки вооружений и подготовки войны на космическое пространство. Так, уже используется в военных целях американский космический корабль «Шаттл». Не успел приземлиться летом 1982 года один из аппаратов этого типа — «Колумбия», как присутствовавший при его посадке президент объявил, что первостепенной задачей космических программ США является обеспечение их «национальной безопасности». С 1 сентября 1982 г. начало действовать единое космическое командование ВВС США со штаб-квартирой в Колорадо-Спрингс. В заявлении о создании этого командования подчеркивалось, что оно нацелено на «консолидацию деятельности в космосе военно-воздушных сил» и будет способствовать созданию более совершенных боевых космических систем, по мере того как вооруженные силы США «вступают в XXI век!»²⁶

В подготовленном Пентагоном 5-летнем стратегическом плане-руководстве подчеркивается, что операции в космосе «открывают новые направления» для американских военных возможностей. По признанию Р. Деллауэра, заместителя министра обороны в области исследовательских и

конструкторских работ, США широко осуществляют разработку и испытания «прототипов» различных видов оружия, предназначенного для «базирования в космосе», — лазерного, противоспутникового, противоракетного и др. В официальных американских заявлениях и документах откровенно говорится о том, что целью милитаризации космоса является выход США на позиции «военного превосходства» над СССР, обретение их вооруженными силами «способности более эффективно сражаться в длительной обычной или ядерной войне против СССР по всей планете»²⁷.

Выступая 23 марта 1983 г. с очередной речью, посвященной военным приготовлениям США, президент Рейган объявил о начале разработки широкомасштабной и высокоэффективной противоракетной обороны, связанной с военным использованием космоса, лазеров и т. д. «На первый взгляд, — заявил в связи с этим корреспонденту газеты «Правда» Ю. В. Андропов, — несведущим людям это может показаться даже привлекательным — ведь президент говорит вроде бы об оборонительных мероприятиях. Но это только на первый взгляд и только тем, кто незнаком с этими вопросами. На деле будет полным ходом продолжаться развитие и совершенствование стратегических наступательных сил США, причем по вполне определенному направлению — приобретению потенциала нанесения первого ядерного удара. В этих условиях намерение получить возможность уничтожать с помощью противоракетной обороны соответствующие стратегические средства другой стороны, т. е. лишить ее способности нанести ответный удар, рассчитано на то, чтобы обезоружить Советский Союз перед лицом американской ядерной угрозы»²⁸.

Курс правительства Рейгана на наращивание гонки вооружений и достижение военного превосходства над СССР, конфронтацию и подготовку войны против него оказал негативное влияние на позицию Вашингтона в отношении переговоров об ограничении вооружений и разоружении, значение которых для судеб человечества возросло, как никогда прежде, в современной крайне обострившейся обстановке.

Прежде всего республиканская администрация подтвердила и акцентировала принятую еще президентом Картером установку на то, чтобы «удовлетворение оборонительных потребностей» США, создание и развертывание новых систем вооружений имело приоритет над любыми переговорами и соглашениями о разоружении. Она также четко заявила о том, что такие переговоры и соглашения

возможны только с позиции «достаточной» американской силы, т. е. ее превосходства. Утверждая, что ей надо как следует «разобраться» с положением в области переговоров о контроле над вооружениями, назначая различные сроки начала этих переговоров (в зависимости от политической конъюнктуры), она фактически не скрывала, что до достижения удовлетворяющей ее «позиции силы» будут идти скорее разговоры о переговорах, чем диалог по существу проблем ограничения гонки вооружений.

Концепция «увязки» также опять была пущена в ход новой администрацией США. При этом делалась попытка ультимативно потребовать от Советского Союза фактически немедленной капитуляции перед Вашингтоном в обмен за его милостивое согласие возобновить переговоры о разоружении. На своей первой же пресс-конференции 28 января 1981 г. Хейг констатировал, что «президент Рейган неоднократно заявлял о том, что Соединенные Штаты не могут рассматривать переговоры или ратификацию соглашений о контроле над вооружениями без изучения поведения и активности СССР за пределами сферы контроля над вооружениями. Это — символ линкиджа («увязки». — Ю. М.)»²⁹. Если к этому еще добавить требования правительства Рейгана о сохранении технологического преимущества США, если учесть назначения на посты руководителей всех этих переговоров известных «ястребов» П. Нитце, Ю. Ростоу, К. Эделмана, генерала Роуни и др., то курс на всемерное их затягивание и затруднение вполне очевиден.

При утверждении в сенате Роуни откровенно заявил, например, что считает своей миссией уговорить (или заставить) Советский Союз сократить его ракетно-ядерный потенциал, сохранив в то же время в неприкосновенности или даже увеличив американские вооружения! «Одержат верх над Советским Союзом в гонке вооружений»³⁰ — так охарактеризовал подход Роуни к переговорам по разоружению бывший сотрудник Пентагона Т. Хунс.

Отношение Рейгана к любым переговорам и соглашениям по разоружению было достаточно ясно выражено в его выступлении в военной академии Вест-Пойнт в мае 1981 года. Президент сказал, что он «будет вести диалог с Советским Союзом об ограничении вооружений с позиции силы, а перспективы на достижение мира улучшаются с усилением Америки». И даже при этих условиях Рейган, по существу, не скрывал, что он отнесется к любым возможным соглашениям в результате такого диалога, как

к простому клочку бумаги, который не помешает Вашингтону и дальше стремиться к военному превосходству США. Подобные заявления президента свидетельствовали не только о полном игнорировании уроков истории, говорящих о том, что многие империи и государства гибли как раз в ходе подготовленных и развязанных ими самими войн, но и о его несерьезном отношении к международным договорам и соглашениям, в особенности в области разоружения.

Рейган «верит в то, что ОСВ — это западня, что Запад не должен идти на переговоры... до тех пор, пока он не продемонстрирует., что Соединенные Штаты способны и должны достичь стратегического превосходства и что Советский Союз может быть принужден примириться с позицией более слабой державы»³¹ — так характеризовал отношение президента США к переговорам по разоружению известный американский обозреватель Розенфельд.

Фактически первые «сражения» по вопросу о возобновлении новой администрацией США переговоров о разоружении она провела не с СССР, а с собственными союзниками, которые настойчиво требовали начать их. Со своей стороны Вашингтон проявил не меньшее, но достойное лучшего применения упрямство, не желая отступить ни на шаг от занятых им позиций, а, наоборот, стараясь столкнуть на них и западноевропейских членов Североатлантического союза.

На сессии группы ядерного планирования НАТО, состоявшейся в апреле 1981 года в Бонне, Уайнбергер совершенно недвусмысленно объявил 12 другим министрам обороны стран — членам НАТО, что «Вашингтон рассматривает переговоры по контролю над вооружениями как второстепенные (!) по отношению к потребности перевооружения союза»³². Главным достижением рейгановской администрации он назвал то, что она уже «подготовила свою собственную общественность к большому увеличению расходов на оборону», и потребовал от западноевропейских союзников «равных жертв» с США в области наращивания вооружений, чтобы противостоять «возрастающей советской угрозе». Настаивая на скорейшем осуществлении решения о развертывании в Западной Европе американских ядерных ракет средней дальности, Уайнбергер вместе с тем снова подтвердил свою оппозицию Договору ОСВ-2 и употреблению даже самого слова «разрядка», хотя это и противоречило декабрьскому (1979 г.) решению НАТО. Он отказался назвать западноевропейцам возможную дату на-

чала переговоров с СССР о ядерных вооружениях в Европе. Более того, он добился от союзников заявления о том, что такие переговоры вообще не состоятся, если Советский Союз «вмешается в польские дела».

Американская печать отметила имперский тон, который ярко проявился у Уайнбергера на сессии группы ядерного планирования. Такое обращение отражало откровенное стремление рейгановской администрации утвердить США в качестве неоспоримого лидера всего капиталистического мира, а Западную Европу поставить на свое «региональное» место. «В Соединенных Штатах, — писала «Интернэшнл геральд трибюн», — наблюдаются возрожденная готовность и даже стремление нести бремя (!) союзного лидерства и в то же самое время растущие признаки нетерпения в связи с нежеланием Европы признать императивы глобальной силы... Америка в конечном счете должна иметь дело с мировым балансом силы и глобальной стратегией. Европейские горизонты более узки»³³.

Будучи все-таки вынужденными под давлением общественного мнения и союзников дать на римской сессии совета НАТО в мае 1981 года обещание начать до конца года переговоры с СССР о ядерных вооружениях в Европе, представители республиканской администрации тут же выдвинули такие принципы в качестве основы этих переговоров, которые фактически заранее обрекли их по крайней мере на серьезные трудности, если не на полный провал. Выступая 15 июля 1981 г. перед Ассоциацией внешней политики Нью-Йорка, государственный секретарь США прежде всего опять подчеркнул, что «любое соглашение с Советским Союзом будет зависеть от его международного поведения (!) и рассматриваться в рамках общей стратегии по сдерживанию советских устремлений...» Перечисленные далее принципы состояли в следующем: контроль над вооружениями может быть лишь одним из элементов всеохватывающей структуры внешней и оборонной политики; все усилия по сокращению вооружений и контролю над ними должны являться частью взаимосвязанной союзной политики безопасности и не могут ее заменять; необходима возможность наблюдения и действенной проверки за выполнением заключенных соглашений; каждая система оружия США должна расцениваться «в рамках общей стратегии предотвращения военных акций СССР, а не просто как противовес сопоставимой системе противной стороны» и т. д. Эти принципы наглядно свидетельствовали о том, что для администрации Рейгана переговоры

по разоружению, как и гонка вооружений, призваны были служить достижению военного превосходства над Советским Союзом, навязыванию ему американских «условий поведения» и соглашений. Они никак не совместимы с основополагающими принципами равенства и одинаковой безопасности сторон, без признания которых невозможны никакие соглашения между СССР и США.

Разоружаться после или в крайнем случае параллельно с наращиванием вооружений — вот к чему в конечном счете сводилась позиция США. Правительство Рейгана, отмечала 16 июля 1981 г. «Интернэшнл геральд трибюн», решило сначала делать акцент на приобретении оружия, а потом уже беспокоиться о последствиях этого для контроля над вооружениями.

Вопреки обещаниям, данным союзникам, а также требованиям международной общественности Вашингтон оттянул начало переговоров с СССР о ядерных средствах средней дальности в Европе до конца 1981 года. Тем не менее никакой серьезной подготовки к этим переговорам с американской стороны проведено не было. Лишь за несколько недель до их начала под давлением Пентагона было принято решение выступить в Женеве с проектом «нулевого решения», хотя до этого в США неоднократно признавалось, что этот проект носит чисто пропагандистский характер и заведомо неприемлем для Советского Союза. «Нулевое решение» представляло собой попытку Вашингтона резко нарушить в свою пользу существующее примерное равновесие военных сил в Европе, а, следовательно, и глобальный паритет между СССР и США.

Когда непригодность «нулевого варианта» как основы для соглашения стала достаточно очевидной всему миру, президент объявил 30 марта 1983 г. о своей «гибкости» и готовности к «промежуточному решению» на переговорах о ядерном оружии средней дальности. Суть этого «промежуточного варианта» состояла в том, что США начнут развертывать в Западной Европе ракеты «Першянг-2» и «Томагавк» и будут продолжать делать это, пока не достигнут «равенства» с СССР, который должен был в то же самое время сокращать свои ракеты средней дальности. При этом опять-таки не учитывались бы ядерные ракеты Англии и Франции, исключалась бы из соглашения какая-то часть самолетов США и НАТО среднего радиуса действия — носителей ядерного оружия, базирующихся на аэродромах Западной Европы и на авианосцах, плавающих у ее берегов, и т. д.

«Промежуточный вариант», по существу, еще раз подтверждал, что правительство Рейгана стремилось не к достижению соглашения об ограничении или ликвидации ядерных вооружений в Европе, чего добивался Советский Союз, а к развертыванию здесь новых и крайне опасных средств ведения ядерной войны, что оно и начало делать с ноября 1983 года. «В Вашингтоне...» — заявил в связи с этим Ю. В. Андропов, — хотели бы думать, что, развертывая в Европе свои ракеты средней дальности и создавая тем самым дополнительную ядерную угрозу для социалистических стран, им удастся отвести от своего дома ответный удар. Что же касается безопасности западноевропейских союзников США, то она, похоже, интересует американских руководителей ровно настолько, насколько западноевропейцы смогут своими жизнями, своими городами уменьшить возмездие самим Соединенным Штатам, если бы Вашингтон поддавался соблазну развязать ядерную войну в иллюзорной надежде выиграть ее»³⁴.

Сорвав, таким образом, переговоры в Женеве по вопросам ограничения ядерных вооружений в Европе, США проигнорировали волю народов к миру, получили новые возможности для оказания военно-политического давления на своих западноевропейских союзников, вынудили Советское правительство приступить к осуществлению соответствующих мер по обеспечению безопасности Советского Союза и других стран социалистического содружества, чтобы не допустить военного превосходства НАТО над ОВД, США над СССР.

Заведомо неприемлемыми для СССР были и выдвинутые Рейганом в его речи в Юрике 9 мая 1982 г. предложения возобновить после полугодовой задержки переговоры с СССР, которым Вашингтон в демагогических целях дал теперь новое название — START (т. е. не только об ограничении, но и о сокращении стратегических вооружений). В действительности же эти предложения также нацелены на нарушение принципов равенства и одинаковой безопасности сторон, на получение важных стратегических преимуществ для США. Используя различия в структуре стратегических вооружений между СССР и США, президент предложил осуществить на первом этапе (весьма длительном) такие сокращения, которые касались бы в основном развернутых на советской территории межконтинентальных баллистических ракет и затрагивали бы в несравнимо меньшей степени американские вооружения, как существующие, так и запланированные на будущее, осо-

бенно тяжелые бомбардировщики. В результате советский стратегический ядерный потенциал (по числу боезарядов) оказался бы в три раза меньше американского. И к этому еще прибавилось бы несколько тысяч крылатых ракет большой дальности морского и наземного базирования, которые США уже разворачивают, но которые вообще не включены Рейганом в его план «сокращения вооружений». Замыслы Вашингтона были направлены на то, чтобы разоружить СССР и одновременно сверхвооружить США.

Несмотря на шумную рекламу, подлинные цели рейгановского предложения были быстро распознаны и подверглись обоснованной критике во многих странах, в том числе и самих США. Под давлением мировой и американской общественности, под угрозой сокращения конгрессом запрошенных Пентагоном военных ассигнований, если Белый дом не проявит большей гибкости на переговорах по ОССВ, президент вынужден был внести «коррективы» в свои первоначальные предложения, но их сущность осталась неизменной. Так, решив наряду с МХ развернуть в будущем еще одну новую межконтинентальную баллистическую ракету «Миджитмэн», администрация Рейгана согласилась несколько повысить лимит на ракеты этого типа, по-прежнему добываясь, однако, подрыва основы оборонительного стратегического арсенала СССР — его МБР. Она вынуждена была отказаться от своей абсурдной позиции не обсуждать вопрос о стратегических бомбардировщиках с самого начала переговоров. Но теперь Рейган добивался вопреки ранее достигнутому взаимопониманию, чтобы советский бомбардировщик ТУ-22М считался тяжелым и т. д.

Администрация Рейгана упорно настаивает на принятии собственных предложений, с ходу отвергает любые советские инициативы, направленные на ограничение гонки вооружений. Она отказалась последовать примеру СССР и объявить о том, что США не применяют первыми ядерное оружие; категорически отвергла получивший широкое распространение и поддержку во всем мире, в том числе в самой Америке, призыв к замораживанию на существующем уровне стратегических вооружений. Выступая на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению летом 1982 года, президент не смог предложить ничего другого, кроме своего «нулевого решения», в то же время отклонив или обойдя полным молчанием все направленные на предотвращение войны инициативы СССР и многих других государств.

Вашингтон занимает обструкционистскую позицию по многим вопросам, имеющим жизненно важное значение для ослабления международной напряженности, военной угрозы. Он отверг советское предложение о заключении Всемирного договора об отказе от применения силы; прервал переговоры об ограничении военной активности в Индийском океане, о международной торговле оружием, о противоспутниковых системах; блокирует выработку соглашения о запрещении размещения в космосе оружия любого рода и т. д.

То соглашаясь, то отказываясь вести переговоры с СССР о запрещении химического оружия, Вашингтон в то же время проводит жесткую линию на его модернизацию и дальнейшее накопление. Комментируя решение администрации Рейгана о производстве нового опаснейшего вида химического оружия—бинарного, лондонская «Таймс» отмечала, что Вашингтон, «вероятно, попытается парализовать очередную волну антиамериканизма в Европе, предложив продолжить диалог, касающийся договора о ликвидации всего химического оружия во всех странах. Такой подход — подготовка к производству оружия при одновременном выражении готовности к переговорам о его ликвидации — подобен американской тактике по вопросу об ограничении ракет средней дальности в Европе»³⁵.

Отказавшись ратифицировать Договор ОСВ-2, администрация Рейгана объявила летом 1982 года о своем решении не выносить на одобрение сената Договоры об ограничении подземных испытаний ядерного оружия (1974 г.) и о подземных ядерных взрывах в мирных целях (1976 г.), прервать дальнейшие переговоры между СССР, США и Великобританией о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Эти решения фактически были призваны ликвидировать все преграды и ограничения на пути реализации широкомасштабных программ Пентагона. Не случайно Уайнбергер назвал «переворужение Америки наивысшим приоритетом администрации Рейгана».

Вашингтон отрицательно относится к инициативам не только СССР, но и других стран, в том числе своих союзников, в области разоружения. В частности, республиканская администрация категорически отвергла попытку Норвегии обсудить вопрос о возможности ее присоединения к проекту создания безъядерной зоны в Северной Европе, выдвинутому президентом Финляндии У. К. Кекконеном. Более того, Вашингтон отказывается от своих же собственных предложений о контроле над вооружениями, как это

произошло с планом установления безъядерной зоны на Ближнем Востоке, о котором пошумели летом 1981 года и забыли.

Парадоксальный характер приняла при Рейгане деятельность американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, которое в первую очередь занялось оправданием всех новых колоссальных военных программ США как средства к достижению успехов на переговорах об ограничении вооружений. Более того, отдавая бесспорный приоритет перевооружению США, это агентство, по существу, высказывается за отказ от выполнения уже подписанных американскими правительствами и от заключения новых соглашений в области разоружения, если они расходятся с интересами «обороны» Америки, то есть выступает фактически за ничем не ограниченную гонку вооружений.

Вашингтон демонстративно игнорирует многочисленные резолюции ежегодных и специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, за которые голосует каждый раз подавляющее большинство участников. Так, в ходе XXXVI сессии ГА ООН представители США проголосовали против 12 и воздержались по 11 из 31 резолюции, касавшейся ограничения вооружений. Против продолжения переговоров о запрещении испытаний ядерного оружия вместе с США проголосовала лишь Англия.

Представители администрации Рейгана в той или иной форме неоднократно выражали свое убеждение в том, что война для них предпочтительнее, чем дальнейшее «отступление» Америки или утрата сфер влияния. И в связи с этим заявлялось, что задачи борьбы с мифической «советской угрозой» не позволяют США пойти на ограничение гонки вооружений, замораживание или нераспространение ядерного оружия и т. д. Вице-президент Буш, Уайнбергер и их коллеги не уставали повторять, что ядерная война не только мыслима и возможна, но и может быть выиграна США. Советскому Союзу фактически предлагается выбор: или мир ценою его отказа от своей принципиальной социалистической внешней политики, идеологии и вообще от социалистического строя, или перспектива рано или поздно столкнуться с американской военной силой. «Только наращивание военной мощи Соединенными Штатами приведет к тому, что русские пойдут на подлинные уступки»³⁶, — заявил Дж. Буш. Известный «ястреб» Ф. Икле, вторя ему, утверждал, что именно эта мощь является «становым хребтом дипломатии».

Правительство Рейгана делает все, чтобы милитаристский имперский ажиотаж охватил всю страну, стремится изгладить из памяти американцев воспоминания о позорной войне во Вьетнаме. «Времена сомнений прошли, — уверял президент. — Профессией солдата снова гордятся. Друзья и враги должны ясно представлять себе, каким духом преисполнена наша страна. Ибо этот дух означает, что мы выполним свой долг по отношению к свободному миру...»³⁷.

Воинствующие заявления и планы Рейгана и его окружения содержат определенный элемент шантажа, давления, запугивания. Они апеллируют к имперской силовой дипломатии, лжепатриотическим чувствам. Выполняя социальный заказ могущественных монополистических группировок, администрация выделяет колоссальные денежные средства (1,5—2 трлн. долл. на ближайшее пятилетие) на военные цели, принимает новые программы количественного и качественного наращивания обычных и стратегических вооружений, увеличивает бюджетные ассигнования ЦРУ и другим спецслужбам — мастерам «тайных операций», стремится укрепить и расширить систему военно-политических союзов Америки и т. д. Милитаристские агрессивные планы американских правящих кругов угрожают независимости, благосостоянию и миру народов.

Исходя из мыслимости любого вида войны в ближайшие годы: от небольшого обычного локального конфликта до длительной всеобщей ядерной войны, администрация Рейгана разработала и продолжает детализировать всесторонние планы подготовки к ним Соединенных Штатов. Они включают военную мобилизацию экономики и населения, перераспределение валового национального продукта и бюджета на военные нужды, форсирование научно-исследовательских работ в области «обороны» и т. д. На рубеже 1981—1982 годов было объявлено о создании «чрезвычайного совета мобилизационной готовности», призванного подготовить страну на случай возникновения «угрозы безопасности» США, т. е. войны. Более чем на 70% намечено увеличить к 1985 году ежегодное производство плутония и трития, идущих на изготовление ядерных бомб и боеголовок для ракет и артиллерийских снарядов³⁸.

В плане подготовки к длительной обычной войне против Советского Союза имелось несколько пунктов, в которых особенно заинтересован военно-промышленный комплекс США. Во-первых, «вложение огромных сумм в оружие, обмундирование, транспортные средства, оснащение и снаб-

жение..., обширная мобилизация человеческой силы и оживление (!) промышленности вооружений» в масштабах, дающих ей способность удвоить или утроить производство в течение года после начала военных действий. Во-вторых, значительное увеличение военной помощи другим странам, чтобы создать «тотальную военную силу, противостоящую Советскому Союзу». И, наконец, в-третьих, подготовка и развертывание вооруженных сил США, их вооружений и оснащения в таком объеме, чтобы они были в состоянии «защищать американские интересы так далеко от берегов самой Америки, как это только позволят их ресурсы»³⁹. За три первых года пребывания у власти администрации Рейгана Пентагон получил около 640 млрд. долл., на 1984 год ему было выделено 280 млрд., т. е. в 3 раза больше, чем в 1975 году.

О стремительном росте аппетитов американских «торговцев смертью» свидетельствует хотя бы то, что они не желали довольствоваться планировавшимся размещением в Западной Европе 108 ракет «Першинг-2», а хотели, чтобы их число было увеличено на 50—100% (западноевропейцы, опять же, узнавали о подобных планах из газет).

С имперским пренебрежением к чужеземным странам и народам Вашингтон принимает односторонние решения об их «обороне», которые лишь потом доводятся до их сведения, навязываются им постфактум, путем «выкручивания рук» или в качестве «дополнения» к экономической «помощи» и т. п. Так, в марте 1982 года правительства Колумбии и Гондураса были «уведомлены» государственным департаментом о принятом американской администрацией по собственному усмотрению решении построить новые и модернизировать существующие базы ВВС США на территории этих двух считающихся суверенными государствами⁴⁰.

Подобно тому как в области экономики правительство Рейгана добивается превращения всего капиталистического мира в свободное поле деятельности для американских корпораций, так и в военной сфере оно стремится получить возможность свободно посылать, размещать и перебрасывать американские войска в любые районы и страны этого мира. В дополнение к уже существующим соглашениям и договоренностям с десятками государств о предоставлении их территории для постройки баз и аэродромов, складов, радарных, радиолокационных станций и т. д., для «временной», транзитной или постоянной дислокации вооруженных сил США оно добивается все новых.

В 1981 — 1983 годах Вашингтон подписал соглашения с ФРГ о переброске на ее территорию «в случае кризисной обстановки или войны» дополнительно шести новых американских бронетанковых и моторизованных дивизий и подразделений воздушно-десантных войск, с Марокко, Филиппинами, Турцией, Таиландом и др. — об использовании их аэродромов, баз и т. д.

При этом, прорвавшись в какую-либо страну, американские милитаристы стараются закрепиться в ней всерьез и надолго, игнорируя часто ее законы, отказываясь считаться с ее политикой, с требованиями общественности, а иногда и правительства этой страны. Известны десятки случаев, когда США используют иностранные базы для переброски своих вооруженных сил по всему миру, в том числе в очаги кризисов и конфликтов, без ведома и вопреки протестам государств, на чьей территории эти базы находятся, причем речь подчас идет о боевых подразделениях, оснащенных ядерным оружием.

В Японии и Австралии постоянно проходят демонстрации против захода в их порты американских кораблей и подводных лодок — носителей ядерных ракет. Греция неоднократно заявляла протесты Вашингтону по поводу незаконных посадок американских самолетов на Крите без разрешения Афин, заходов американских атомных авианосцев в греческие порты, правительство Папандреу потребовало закрытия в конце 80-х годов американских баз на территории Греции.

Поскольку, однако, как заявил помощник президента по вопросам национальной безопасности У. Кларк, цель военной стратегии США заключается в «содействии такому мировому порядку, который соответствовал бы американским институтам и принципам», постольку их вооруженным силам нынче поручается оказывать такое «содействие» в глобальных масштабах, т. е. снова играть роль полицейского надзирателя американской всемирной империи. «Соединения сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, — разъяснял Кларк, — будут по-прежнему дислоцироваться в Европе, в западной части Тихого океана, в Юго-Западной Азии и во всех других районах, где это необходимо (американскому империализму. — Ю. М.). Подразделения ВМС будут по-прежнему присутствовать в Северной Атлантике и бассейне Карибского моря, в Средиземном море, в западной части Тихого океана и в Индийском океане. Будут также размещены на позициях силы передового развертывания, чтобы обеспечить быстрое реа-

гирование. Необходимость для нас быстро перебрасывать подкрепления в различные концы земного шара означает, что очень важно произвести улучшения в мобильности наших стратегических сил... Мы не можем сидеть сложа руки в надежде, что все наши желания осуществляются сами собой. Мы должны проявлять инициативу и настойчивость. Мы должны быть готовы энергично реагировать на любую представляющуюся возможность и сами создавать такие возможности там, где их раньше не было»⁴¹. Иначе говоря, военная сила США должна служить главным орудием подкрепления и распространения все шире глобальных имперских устремлений американского империализма.

Постоянным мотивом выступлений Вашингтона, обращенных к другим странам, является призыв вместе с США вооружаться, вооружаться и вооружаться. Дело доходит до того, что правительство Канады, например, было вынуждено публично осудить поведение американского посла П. Робинсона, который в своих «лекциях» в ряде канадских городов, грубо вмешиваясь во внутренние дела страны, называл усилия Оттавы в области обороны «недостаточными» и поучал ее, как сделать эти усилия «удовлетворительными», с точки зрения Вашингтона⁴².

Администрация Рейгана не только резко подстегивает гонку вооружений и мировую торговлю оружием, активизацию в капиталистическом мире военных союзов и своих союзников, но и предпринимает воинствующие провокационные действия, создающие угрозу безопасности народов. Это и крупнейшие в истории маневры НАТО на огромных просторах от Северного до Средиземного моря, и совместные американско-японские учения на Дальнем Востоке, и высадка морской пехоты США на Кубу в районе Гуантанамо, и маневры 7-го флота вблизи берегов Ливии, и концентрации американских ВМС в районе Персидского залива, Центральной Америки, и засылка разведывательных самолетов и судов в воздушные и морские территориальные зоны других государств, и т. д.

«Это — милитаристский курс, представляющий серьезную угрозу миру, — подчеркивалось в Заявлении Ю. В. Андропова. — Суть его — не считаясь с интересами других государств и народов, попытаться обеспечить Соединенным Штатам Америки доминирующие позиции в мире.

Именно этим целям подчинены невиданное наращивание военного потенциала США, широкомасштабные программы производства всех видов оружия — ядерного, химического, обычного... Под всякими надуманными предлога-

ми расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США. Создаются плацдармы для прямого вмешательства с помощью вооруженной силы в дела других государств, для использования американского оружия против любой страны, отвергающей диктат Вашингтона... Ради достижения своих имперских целей она (американская администрация. — Ю. М.) заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона вообще какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек»⁴³.

Ссылки на «советскую угрозу» и необходимость «борьбы» против нее давно уже стали главным и практически единственным «обоснованием» непрерывной гонки вооружений, роста активности вооруженных сил США. Однако в действительности постоянное усиление американского военного потенциала направлено не только на обеспечение материально-технической основы для проведения антисоветской политики, подрыв позиций СССР, подготовку войны против него, хотя это и является одной из важнейших целей Вашингтона. Далеко не ограничивается его роль и функцией поистине неисчерпаемого источника прибылей и сверхприбылей военных корпораций, искусственного стимулятора экономической и научно-технической активности в США. И, разумеется, спиральная гонка вооружений, создание все новых и более разрушительных орудий смерти ведет в современных условиях отнюдь не к укреплению «национальной безопасности» Америки, как это все еще пытаются утверждать апологеты милитаризма, а к ее прогрессирующему подтачиванию. Кроме того, наносится ущерб гражданским отраслям промышленности.

Силовое обеспечение глобальной имперской политики США, сохранения и расширения их мирового господства — вот на что практически в значительной мере нацеливается все время растущий американский милитаризм, вот для чего в первую очередь используются вооруженные силы и военный потенциал США. При этом диапазон направлений, объектов, средств и форм такого использования крайне широк и многопланов.

Вовлекая своих союзников в военные приготовления, американский империализм ограничивает с помощью соответствующих двусторонних и многосторонних договоров и блоковых организаций их политическую самостоятельность, размещает на их территории свои базы и гарнизоны, снабжает вооруженные силы и стандартизирует в значи-

тельной степени их вооружения по американским образцам, делает их вольными или невольными соучастниками своих интервенций, авантюр и т. д. В то же время, подерживая и увеличивая опережающий разрыв в военных потенциалах США и других капиталистических держав, Вашингтон закрепляет свое военно-стратегическое и техническое превосходство над ними, с помощью которого он подавляет их попытки конкурировать с США, бросать им «вызовы» в политической, экономической и научно-технологической сферах. Одновременно все возрастающий груз военных обязательств и расходов союзников-соперников Америки ослабляет их экономические позиции на мировой арене, чего также добиваются Соединенные Штаты.

Широко и часто США применяют военную силу и по отношению к развивающимся странам, проводящим независимую политику. Для оказания давления на непокорных вблизи их берегов или границ проводятся военные маневры, демонстрации силы. Предпринимают они и прямые военные интервенции. При этом наряду с собственно американскими вооруженными силами активно используются наемники, «рыцари удачи» и даже целые государства, например, ЮАР, Израиль, Гондурас.

Для оправдания своей глобальной имперской силовой политики в последние годы руководители и идеологи США пустили в ход утверждение о том, что западная цивилизация попала якобы в определенную зависимость от стран «третьего мира» — поставщиков энерго- и сырьевых ресурсов и что они, действуя по собственной инициативе или по «подстрекательству Москвы», могут подорвать эту цивилизацию, оставив ее без нефти, меди, титана и прочего жизненно важного сырья. И чтобы предотвратить столь «страшную» перспективу, США как главный представитель и защитник Запада готовы использовать единственно эффективное, с их точки зрения, средство — военную силу. Как заявил, в частности, Уайнбергер, многие энергетические ресурсы, необходимые Соединенным Штатам, и важнейшие стратегические полезные ископаемые находятся на расстоянии тысяч миль от берегов США, и чтобы обеспечить себе доступ к этим ресурсам, они «должны увеличить свою военную и военно-морскую мощь». При этом США не могут «позволить себе пренебречь каким-то одним районом ради укрепления другого», их интересы «носят всемирный характер», и их военную политику «необходимо рассматривать в глобальном контексте»⁴⁴.

В действительности, страны «третьего мира» — постав-

щики сырьевых и энергетических материалов не собираются организовывать «блокаду» империалистических держав, и Советский Союз, разумеется, никогда не подталкивал их к этому. Развивающиеся страны торгуют и будут торговать с этими державами, но добиваясь при этом равноправных и взаимовыгодных условий. И именно в нежелании идти на такие условия, в боязни утратить свои неокOLONиалистские приобретения, инвестиции, рынки сбыта и источники сырья во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки таятся подлинные причины попыток американского империализма сохранить и расширить эти приобретения колониалистскими методами — путем завоевания их вооруженной силой, установления военных протекторатов, интервенций и насильственного подавления национально-освободительных движений, военных переворотов, дестабилизации прогрессивных режимов.

Рейгановская администрация довольно явно перенесла акцент в своей глобальной политике на включение любых средствами стран «третьего мира» в «невидимую» американскую империю не только потому, что они являются источником сверхприбылей американского капитала, но и потому, что таким образом США стремятся усилить рычаги воздействия на другие империалистические государства, активизировать борьбу против стран социализма. Контроль над ключевыми энергосырьевыми ресурсами, стратегическими позициями и внешней политикой развивающихся стран, по расчетам Вашингтона, даст ему дополнительные возможности для ограничения экономического, политического потенциалов и независимости Западной Европы и Японии, для изоляции и ослабления СССР и других социалистических государств. Таковы далеко идущие замыслы современных крестоносцев и претендентов на мировое господство.

Как военные доктрины и планы администрации Рейгана, так и конкретные военно-политические акции ведут ко все более опасному обострению международной обстановки, увеличению риска конфронтации и войны. Не случайно, в частности, два видных американских специалиста в области контроля над вооружениями Д. Смит и П. Уорнке единодушно выразили мнение, что своей «политикой вооружений правительство Рейгана может спровоцировать атомную войну», что его военная программа — это «стратегия руководства атомной войной, а не ее предотвращения»⁴⁵. Фактически администрация Рейгана милитаризует в невиданных еще масштабах и темпах современные междуна-

родные отношения, всю американскую и мировую политику. «На капитанском мостике внешней политики Вашингтона; — отметил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — оказались сейчас представители кругов с ярко выраженными имперскими амбициями, проповедующие культ силы в международных отношениях, претендующие на то, чтобы переделать мир по своим меркам»⁴⁶.

3. «Новая волна» имперской политики

Отказ от разрядки и переход в контрнаступление с целью отвоевать утраченные и приобрести новые позиции на мировой арене, стратегические, экономические, политические, идеологические, были связаны с определенными изменениями в политике Вашингтона как внутри страны, так и за ее пределами.

В послевьетнамский период черты реализма все больше исчезали из внешней и внутренней политики США, а его сторонники отступали на задний план перед натиском реакционно-агрессивных сил Америки. С приходом к власти администрации Рейгана этот процесс заметно ускорился и продвинулся. Субъективистские взгляды и оценки, авантюристические устремления и планы явно возобладали в Вашингтоне.

Сама победа консервативных республиканцев рассматривалась как показатель почти полного преодоления «вьетнамского синдрома» в американском обществе и политике, хотя в действительности до этого еще было далеко. Последовательное проведение Советским Союзом и другими социалистическими государствами политики мирного сосуществования и интернационалистской поддержки борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс интерпретировалось как какой-то «новый поворот» в советской политике, вызванный якобы стремлением использовать ослабление Америки и ее отступление на мировой арене. Недовольство союзников эгоистической, недальновидной и непоследовательной политикой США, особенно при президенте Картере, трактовалось в Вашингтоне чуть ли не как их «ностальгия по твердому и решительному американскому лидерству». Подъем и успехи национально-освободительной борьбы народов стран Юго-Восточной и Юго-Западной Азии, Африки и Центральной Америки воспринимались как нарушение «мирового порядка», «анархия» и т. п.

Неудивительно, что при таких оценках внутреннего и международного положения США необходимость курса на «наведение дисциплины» в капиталистическом мире и борьбу с СССР и другими социалистическими государствами путем «сильных и решительных» действий Америки, осуществление ее извечной «исторической миссии» представлялась рейгановской администрации самоочевидной.

Выступая в феврале 1982 года на конференции национального консервативного комитета политических действий в Вашингтоне, Хейг, например, откровенно заявил, что все правительственные действия направлены на то, чтобы «создать такую международную структуру, которая была бы благоприятна для американских ценностей и идеалов». «Мы должны осуществлять международное руководство, оправдать ответственность, возложенную на наши плечи историей», — высокомерно заявил он. Причем эти действия, в которые включались возможные санкции и военные интервенции против других государств, давление на развивающиеся страны, выбравшие путь социалистической ориентации, обеспечение военных преимуществ США и т. п., намечались и проводились по усмотрению Вашингтона, без учета каких-либо норм международного права, договоров, обязательств (в том числе взятых самой Америкой), позиций других государств, общественного мнения и т. д.

Президент Рейган и его окружение, демонстрируя собственное понимание правил американского и международного «поведения», отказались ратифицировать Договор ОСВ-2, подписать важную конвенцию, выработанную на III Конференции ООН по морскому праву. Они заявили о своем намерении заново «изучить» и, возможно, пересмотреть Договор ПРО 1972 года, соглашение о рыболовстве с Канадой и т. д.

«Отношение Белого дома к конвенции по морскому праву во многом напоминает судьбу Договора ОСВ-2, — писала «Правда» 25 апреля 1983 г. — В обоих случаях перечеркнуты результаты многолетних поисков взаимоприемлемого сбалансированного компромисса. И там, и тут попытки урвать для себя преимущества за счет других. И там, и тут отказ от ранее достигнутых договоренностей противоречит принципу равноправия в международных отношениях... Нынешнему хозяину Белого дома, как видно, не по нраву, что конвенция провозглашает своей главной целью использование богатств Мирового океана в интересах всего человечества и предусматривает меры против бесконтрольного доступа частных компаний к их добыче. Наконец, по-

рядок принятия решений в международном органе по проблемам морского дна не сулит США той доминирующей роли, на которую они претендуют, скажем, во Всемирном банке...»

«Сила была, есть и остается правом», реальное содержание и значение любого соглашения определяются соотношением сил (прежде всего военных) его участников, «сильный диктует свою волю и закон слабому» — таких внешнеполитических установок придерживается рейгановский Вашингтон, несмотря на то что они все больше становятся опасным анахронизмом.

Преклоняясь перед свободой предпринимательства, ставя перед собой задачу «оздоровить» экономику США путем сокращения всех государственных расходов, кроме военных, делая главную ставку при проведении внешней политики на военную силу и относясь свысока к другим государствам и мировому общественному мнению, правительство Рейгана подчиняет военной стратегии все аспекты американской внешней политики и дипломатии. На место соревнования идей, культурных и других международных связей оно выдвигает «психологическую войну». Вместо торгового и научно-технического обмена оно организует блокады и бойкоты, пытается использовать экономические отношения и «помощь» в качестве прежде всего вспомогательного оружия своей военной политики.

Для идейного «обоснования» жесткой антикоммунистической позиции новая администрация Рейгана развернула кампанию «борьбы с международным терроризмом» и возвела ее в ранг государственной политики. Согласно лживому тезису, положенному в основу этой кампании, к «террористам», которых якобы направляют и поддерживают СССР и другие социалистические страны, причисляются национально-освободительные движения, прогрессивные режимы, ведущие антиимпериалистическую борьбу и тем самым якобы препятствующие «движению в направлении мирного разрешения международных проблем». Надевая на себя старую маску «миротворцев», Уайнбергер, Хейг, Кларк, сам Рейган обрушились с оскорбительными нападениями и угрозами на Кубу, Вьетнам, Ливию, Никарагуа, Анголу, Зимбабве, Эфиопию и другие страны, обвиняя их в «насильственном распространении марксизма», «подрыве стабильности» и т. д. Снова и снова лживо обвиняя Советский Союз в «тренировке, финансировании и оснащении» занимающихся «террором» отдельных лиц, движений и даже целых стран, Хейг заявил, что пришло время для за-

падных государств, так же как и для США, заняться «со всей решительностью проблемой международного терроризма»⁴⁷.

«Нет, не Советский Союз и не национально-освободительные движения несут ответственность за возникновение очагов напряженности, за культ силы, который насаждается определенными кругами на международной арене, за террористические акции, с которыми приходится сталкиваться тем или иным государствам, — говорилось в Заявлении ТАСС по поводу развязанной Вашингтоном кампании о «международном терроризме» — этой «сознательной политической диверсии». — Питательной средой для произвола, насилия, терроризма на международной арене является деятельность и политика тех, кто попирает законные права и интересы суверенных государств и народов, кто насаждает идеологию расовой и национальной ненависти, кто поддерживает реакционные диктаторские режимы, которые держатся у власти только с помощью террора, кто ведет линию на рост напряженности в мире и подхлестывающие гонки вооружений, кто нагнетает атмосферу военного психоза»⁴⁸.

Кампания «борьбы с международным терроризмом» имела много общих черт с кампанией «в защиту прав человека». По-своему объединив «антитеррористические» лозунги с «правозащитными», администрация Рейгана использовала их для того, чтобы отвлечь внимание других государств и народов от реальных, а не выдуманных источников международного терроризма — американского империализма и поддерживаемых им марионеточных диктаторских режимов. Кроме того, Вашингтон стремился придать видимость законности своей борьбе против национально-освободительных движений и подрывной деятельности против прогрессивных режимов.

Снова, как и во времена Даллеса — Маккарти, деля мир на «благочестивых» американцев и их союзников и «безбожных террористов и коммунистов», Вашингтон пытается сплотить для борьбы с СССР и его друзьями и союзниками самые различные силы, начиная от НАТО и кончая Центральноамериканским советом обороны. Не случайно, первыми «высокими» иностранными гостями президента Рейгана в Белом доме явились новый проамерикански настроенный премьер-министр Ямайки Сиага и очередной южнокорейский диктатор Чон Ду Хван, который незадолго до своего визита потопил в крови антиправительственные выступления в ряде южнокорейских городов и которо-

му была обещана всяческая, и прежде всего военная, поддержка со стороны США. Конкретизируя эти обещания во время своего визита в Южную Корею в апреле 1982 года, Уайнбергер объявил, что США распространяют и на нее свой «ядерный зонтик»⁴⁹.

Не случайно также первой крупной внешнеполитической акцией рейгановской администрации стали резкое усиление военной помощи правящей хунте Сальвадора, воюющей против своего народа, попытки превратить эту центральноамериканскую республику в «поле глобального боя с международным терроризмом и коммунизмом». Президент объявил, что через центральноамериканский и карибский регион проходит «третья граница» США*. «Интернэшнл геральд трибюн» констатировала, что правительство Рейгана «действует так, как будто судьба Сальвадора имеет глобальное значение. В действительности это впечатление, которое администрация пытается создать. Оно нацелено на демонстрацию смелости и решимости, которая заставит коммунистические страны и других понять, что Соединенные Штаты крепки, тверды и готовы сразиться»⁵⁰.

Правительство Рейгана хотело заручиться поддержкой своих западноевропейских и латиноамериканских союзников. В середине февраля 1981 года в Европу в качестве специального посла президента был направлен заместитель государственного секретаря Иглбергер, который должен был убедить правительства ФРГ, Франции, Великобритании и других стран в том, что в Сальвадоре якобы имеет место «интервенция» СССР, Кубы, Никарагуа, ГДР, Вьетнама, Эфиопии и др., которой «свободный мир» должен дать незамедлительный отпор, с тем чтобы защитить «свободу» и «демократию» в их вашингтонском толковании.

Эта миссия, как и аналогичные обращения к Мексике, Венесуэле и другим странам Латинской Америки, как и различного рода пропагандистские фальшивки, распространяемые по приказу Белого дома, потерпела, однако, провал. Вашингтону не удалось придать видимость законности своему вмешательству в гражданскую войну в Сальвадоре и поддержке кровавой диктатуры.

* Стремление проводить американские границы далеко за собственными пределами США буквально одолевает рейгановское руководство. «Берега Европы — это наши берега. Границы Европы — наши границы», — заявил, например, Рейган во время своего пребывания в ФРГ летом 1982 г. — См. Правда, 1982, 12 июня.

Курс на такое вмешательство вызвал возмущение во многих странах мира и тревогу у американской общественности, в конгрессе, где многие ставили под сомнение утверждения представителей администрации о «коммунистической агрессии» в Центральной Америке. «История иногда повторяется, хотя и не часто, — писала «Файнэншл таймс» 1 марта 1982 г. — Слово «Вьетнам» на губах у каждого в Вашингтоне в момент, когда партизанская война в Сальвадоре активизируется... Старая «теория домино» выкопана из прошлого для... «решающей битвы за Центральную Америку». Представители администрации (Рейгана. — Ю. М.) снова обратились к политике эскалации военного вовлечения путем серии почти незаметных сначала акций, подобных тем, которые втянули США во Вьетнам... Но становится ясно, что, несмотря на широко разрекламированный поворот избирателей вправо, который привел президента Рейгана к власти, Вьетнам породил стойкий страх перед любой подобной авантюрой среди американского народа». Кроме того, констатировал орган английских деловых кругов, «Вашингтон оказывается все более и более изолированным от своих союзников в Европе, которые почти все как один дали ясно понять, что они считают социальные условия в Центральной Америке... главной причиной волнений и восстания».

Игнорируя протесты мировой общественности и критическую реакцию некоторых союзников, правительство Рейгана упорно продолжало держать курс на кровавое военное подавление антиолигархического, антиимпериалистического движения в Сальвадоре и других странах Центральной Америки, посылая на помощь сальвадорской хунте американское оружие и советников, наемников и солдат Гватемалы и Гондураса, готовя собственную масштабную интервенцию «в случае чрезвычайных обстоятельств». Более того, Вашингтон с самого начала не исключал возможности военных действий против Кубы и Никарагуа, которые якобы помогают «сальвадорским террористам». При этом «обоснованием» подобных агрессивных действий, по словам Уайнбергера, может служить доктрина Монро. Не случайно американская и мировая пресса вынуждена была признать, что консервативные республиканцы в конце XX века все еще мыслят категориями XIX столетия.

Правительство Рейгана выступило в поддержку не только сальвадорской хунты, но и других самых реакционных режимов в Западном полушарии. Оно заявило, что

вполне удовлетворено «прогрессом» в области «прав человека» в таких латиноамериканских странах, как Гватемала, Чили и Парагвай, и возобновило им помощь, прежде всего военную. Оно подтвердило, что считает диктаторские режимы своими лучшими союзниками в «борьбе с коммунизмом», и не намерено воздерживаться от развития самых тесных отношений с ними. Фундаментальной предпосылкой подхода Рейгана к предоставлению американской помощи другим странам, отмечали американские обозреватели, служит убеждение, что «поддержка антикоммунистических деспотов укрепит позиции сил, противостоящих Советскому Союзу и, следовательно, отвечает интересам США и западного альянса. Подобным же образом отказ в помощи левым режимам будет ослаблять коммунизм повсюду в мире»⁵¹.

Вашингтон занимал все более откровенно враждебную позицию по отношению к прогрессивным режимам Латинской Америки, проводил курс на их дестабилизацию, отказывал им в помощи, прибегал к организации против них торговой и финансовой блокады, применению санкций, развязыванию подрывных кампаний, к организации контрреволюционных переворотов и интервенций. Так, весной 1981 года правительство Рейгана приняло решение прекратить экономическую помощь Никарагуа. С этого же времени на территории Гондураса, а также самих США началась подготовка отрядов из недобитых гвардейцев Сомосы для проведения диверсий, налетов, а в конечном счете и прямого вооруженного нападения на Никарагуа совместно с частями американских «зеленых беретов» и гондурасской армии. В конце 1981 года план «тайной войны» ЦРУ против никарагуанского народа, который фактически уже осуществлялся, был принят Советом национальной безопасности как директива № 17 и утвержден президентом. Дальнейшие детали этой войны, ее материально-технического и политико-дипломатического обеспечения были разработаны группой планирования СНБ в апреле 1982 года. Они предусматривали, в частности, «изоляцию» Мексики и другие меры, направленные на срыв политического урегулирования в Сальвадоре путем переговоров, возобновление поставок американского оружия Гватемале и т. д.⁵²

С интервенционистской политикой США против Кубы, Никарагуа, их вмешательством в гражданскую войну в Сальвадоре, во внутренние дела Гондураса, Гватемалы на стороне антинародных диктатур было непосредственно связано преобразование с 1 декабря 1981 г. штаба кариб-

ского оперативного соединения, являвшегося жандармом США в Центральной Америке, в новое региональное командование Пентагона.

Весьма примечательно, что все эти планы и мероприятия проводились в то самое время, когда палата представителей США единогласно приняла, а президент Рейган подписал «поправку Боулэнда» (председателя постоянной специальной комиссии палаты представителей по разведке). Эта поправка, приобретая силу закона, запрещала всякую деятельность США с целью свержения правительства Никарагуа и провоцирования военного конфликта между этой страной и Гондурасом. Лицемерно соглашаясь на словах с «поправкой Боулэнда», президент и его окружение на деле полностью игнорировали ее, в который раз проявляя имперское пренебрежение не только к международным, но и к собственным законам. Точно так же республиканская администрация саботировала усилия «контрадорской группы» (Мексика, Венесуэла, Колумбия и Панама), которые были призваны содействовать достижению путем переговоров между всеми заинтересованными сторонами мирного политического урегулирования напряженной и взрывоопасной ситуации в Центральной Америке.

Ввиду того что попытки Вашингтона решить с помощью военной силы острые социально-экономические и национально-политические проблемы Сальвадора и других стран Карибского бассейна встречали повсеместное осуждение, администрация Рейгана прибегла к стандартным приемам для прикрытия своей интервенционистской политики: организовала «демократические» выборы (в результате в Сальвадоре и Гватемале к власти пришли еще более террористические режимы); «санкционировала» аграрные и другие реформы, в ходе которых земля и богатство перераспределялись в основном среди самой правящей олигархии; приняла программы «региональной помощи»; назначила специального президентского представителя Р. Стоуна и двухпартийную комиссию под председательством Г. Киссинджера для «изучения положения», «посредничества» и т. п. Так, в частности, по совету Д. Рокфеллера Вашингтон разработал очередной «мини-план Маршалла» для стран карибского региона.

24 февраля 1982 г. Рейган выступил с «новой карибской инициативой» в штаб-квартире ОАГ в Вашингтоне. Он подчеркнул весомость «стратегических и коммерческих интересов» США в странах Мексиканского залива, центральной и северной части Южной Америки и объявил, что

его инициатива призвана обеспечить хозяйственное развитие, политическую стабильность и безопасность карибских государств. В действительности ставилась цель сохранить в них старые полуфеодальные, полуколониальные порядки, используя для этого американскую экономическую и военную «помощь», создавая «зоны свободной торговли», т. е. предоставляя этим государствам более открытый доступ на американский рынок в обмен за фактически неограниченную свободу торговой и инвестиционной экспансии монополий США в карибском регионе. При этом Рейган довольно откровенно указал, что США будут делать упор в своей карибской программе на «использовании магии (!) рыночной системы», т. е. частного предпринимательства, что они намерены «облагодетельствовать» только те страны, которые проводят приемлемую для Вашингтона внутреннюю и внешнюю политику (из 350 млн. долл. экономической и 60 млн. военной помощи Сальвадору выделялось соответственно 100 млн. и 35 млн. долл.). При этом в качестве одной из главных его задач было названо (в который уже раз!) «ограждение» карибского региона от «коммунистической угрозы». Империалистические планы сопровождались пышными фразами о «демократии, самоопределении, экономическом развитии и коллективной безопасности», о «дружеских», почти что «семейных» отношениях между США и латиноамериканскими странами, об «общности их судеб» и т. п.⁵³

Под прикрытием «новой инициативы» администрация Рейгана усилила свои агрессивные подрывные действия против прогрессивных режимов и движений в этих странах, во всей Латинской Америке. Не прошло и трех недель после речи президента в ОАГ, как помощник государственного секретаря по межамериканским делам Т. Эндерс выступил с заявлением (адресованным прежде всего к различного рода диктатурам в Западном полушарии) о возможности «совместных военных акций в Центральной Америке... под эгидой Организации американских государств и в соответствии с определенными положениями договора Рио-де-Жанейро»⁵⁴.

Восстановление Центральноамериканского совета обороны, т. е. военно-политического блока в составе Сальвадора, Гондураса, Гватемалы и др., кампания ЦРУ по подготовке заговоров и мятежей в Никарагуа, организация и поддержка нападений сомосовских банд и гондурасской военщины на сандинистскую республику, «психологическая война» и «тайные операции» Вашингтона против Кубы,

Гренады, Гайаны, Панама, Суринама, военный захват Гренады свидетельствовали о превращении Карибского бассейна в один из наиболее взрывоопасных регионов.

Пытаясь обосновать свою патерналистскую и интервенционистскую политику в Западном полушарии, Вашингтон неизменно ссылается на необходимость ограждения его от вторжения «неамериканских» сил. Однако, когда в апреле 1982 года возник конфликт между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов, администрация Рейгана быстро выступила на стороне союзника по НАТО против члена ОАГ, тем самым показав, что общеимпериалистические, колониалистские и милитаристские интересы для нее важнее «панамериканской солидарности», защиты суверенитета латиноамериканских государств.

Разумеется, Вашингтон в данном случае не забыл и о своих собственных интересах. Выдвигая на первом этапе конфликта предложения по «урегулированию» спора, Вашингтон предусматривал участие США (в той или иной форме) в управлении Фолклендами (Мальвинами). Помогая Англии в захвате островов, администрация Рейгана, судя по всему, рассчитывала на то, что, как и в случае с Диего-Гарсия, англичане со временем разделят использование и этого архипелага с США или передадут его целиком в американское распоряжение. Важным моментом для Вашингтона было также фактическое расширение зоны деятельности НАТО, поддержавшей Англию, на Южную Атлантику, чего он уже давно добивался.

В то же время, однако, открытая поддержка Великобритании еще больше подорвала позиции США в ОАГ, в развивающихся странах, возмущенных этим рецидивом старой колониальной политики.

Бурные протесты большинства латиноамериканских стран против проанглийской политики США, дальнейшее нарастание национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы в Центральной и Южной Америке, ослабление позиций американского империализма в Западном полушарии побудили президента Рейгана прибегнуть к «личной дипломатии», чтобы попытаться повернуть ход событий в желательном для Вашингтона направлении. В начале декабря 1982 года Рейган посетил Бразилию, Колумбию, Коста-Рику и Гондурас, где он имел также встречи с правителями Гватемалы и Сальвадора. Наряду с предоставлением Бразилии под высокие проценты крупного краткосрочного кредита президент США предло-

жил ей и другим латиноамериканским странам, переживающим серьезные экономические трудности (во многом связанные с грабительской деятельностью американских монополий), воспользоваться рецептами... «рейганомики» (сокращение расходов на социальные нужды, поощрение иностранных инвестиций, удорожание кредита и т. д.) для их преодоления. Кроме того, он призвал правительства этих стран к участию в борьбе с прогрессивными силами, увеличению закупок американского оружия, поддержке реакционно-агрессивного курса США, создающего угрозу не только независимости и прогрессу сальвадорского и других народов, но и миру в Западном полушарии.

В феврале 1983 года Вашингтон совместно с Лондоном выступил инициатором организации в Карибском бассейне нового милитаристского блока — «региональных сил безопасности и обороны» в составе пяти островных государств: Барбадоса, Антигуа и Барбуды, Сент-Винсента и Гренадин, Доминика, Сент-Люсии. Он должен был стать еще одним барьером на пути национально-освободительных движений в Центральной Америке, «изолировать» Гренаду и, как это стало вскоре ясно, активизировать подготовку агрессии против нее. Военно-материальное обеспечение нового блока и фактическое руководство им принял на себя Пентагон.

Инспирированное самим Вашингтоном в нарушение всех международных норм и принципов обращение этого блока за «помощью» послужило одним из фальшивых предлогов для разбойничьего военного нападения США на Гренаду в октябре 1983 года, когда там возник внутренний кризис в связи с разногласиями в партийном и государственном руководстве страны. Кроме того, чтобы придать видимость законности этому давно подготавливавшемуся нападению, Рейган приводил совершенно лживые и типичные для инициаторов империалистических интервенций доводы о необходимости «спасения жизни американских граждан», находившихся на Гренаде, ссылаясь на то, что на этом острове якобы строится военный аэродром и вообще Гренаде, мол, уготована роль «советско-кубинской базы» и т. д. Американского президента нисколько не смущала полная бездоказательность подобных заявлений.

Оккупировав Гренаду и занявшись наведением там своих «демократических» порядков, выразившихся прежде всего в арестах сотен гренадцев и формировании проамериканских марионеточных властей, правительство Рейгана снова продемонстрировало полное пренебрежение к мнению ООН, ОАГ, Содружества, мировой общественности,

требовавших немедленного прекращения агрессии, вывода американских войск с острова и предоставления самим гренадцам права решать собственную судьбу. Вашингтон еще и еще раз показывает, что империализм янки в Латинской Америке — это отнюдь не ушедшая в прошлое, а самая злободневная проблема в Западном полушарии и во всем мире.

В Африке правительство Рейгана позволяло себе бесцеремонно вмешиваться как во внутренние дела отдельных стран, так и в межафриканские отношения в целом. Так, в начале июня 1981 года, после фактического разрыва американо-ливийских дипломатических отношений, оно объявило, что окажет помощь любому государству Африки, которое выступит против Ливии или предпримет попытку свергнуть ее руководителя М. Каддафи⁵⁵. Спустя месяц Вашингтон обрушился с резкими нападками на Организацию африканского единства, когда та единодушно осудила сговор США с ЮАР, наметила в качестве места своей ежегодной встречи на высшем уровне Ливию и выдвинула Каддафи кандидатом на пост очередного председателя ОАЕ. Представитель госдепартамента заявил, что США будут очень «сожалеть», если это случится, умолчав, однако, о том, что США намеревались использовать все доступные им средства, чтобы сорвать намеченную встречу и расколоть ОАЕ, помешать избранию Каддафи на пост ее председателя и изолировать Ливию от других африканских стран.

Преследуя явно провокационные цели, Вашингтон организовал в августе 1981 года маневры 6-го средиземноморского флота США в непосредственной близости от ливийских берегов, в ходе которых американские истребители сбили два патрульных ливийских самолета. По признанию самих американцев, эта акция была заранее запланирована, с тем чтобы «проучить» Ливию за ее самостоятельную антиимпериалистическую политику, устрашить другие страны, проводящие независимый курс, продемонстрировать мощь вооруженных сил США. «Америка имеет мускулы, чтобы придать убедительность своим словам», — заявил по этому поводу Рейган. Весь инцидент, как писала английская «Файнэншл таймс», призван был подчеркнуть решимость «рейгановской администрации снова показать себя жесткой и бескомпромиссной, когда ей представляется необходимым защитить интересы Америки. Всеми миру объявлялось, что ничто и никто не сможет помешать США восстановить свою роль супердержавы № 1»⁵⁶.

Наращиванию и демонстрации американских «мускулов» в Африке Вашингтон уделяет все большее внимание, используя для этого любые возможности и плацдармы. В течение 1981 года в США, в частности, дважды побывал президент Сомали Сиад Барре, с которым были заключены соглашения об использовании для заблаговременного складирования американских вооружений и транзитного пребывания «сил быстрого развертывания» и ВМС баз в Бербере и порта Могадишо, о поставках Сомали на 40 млн. долл. военного снаряжения и т. д.

Происки против Ливии, против сплоченности стран ОАЕ, вооружение и натравливание одних африканских стран против других — Судана против Ливии, Сомали против Эфиопии, Заира против прогрессивных режимов в Западной Африке, организация вмешательства во внутренние дела и конфликты в этих странах, например в Чаде, стали основной линией поведения рейгановской администрации.

Особое место в африканской политике Вашингтона заняла расистская ЮАР, которая оказалась в лучших друзьях консервативных республиканцев, удостоилась похвал самого президента, назвавшего ее «верным союзником» США. Рейган похвалил Преторию за мнимые успехи в ликвидации апартеида и, признав большое стратегическое значение ее минеральных богатств для Запада, заявил о необходимости вовлечения ЮАР в «нормальные отношения с международным сообществом», т. е. отмены санкций ООН против нее, прекращения бойкота и т. д.

Ставка американского империализма на ЮАР как на один из важнейших опорных пунктов и источников богатств всемирной империи США действительно огромна. Как стало недавно известно, из 500 крупнейших американских корпораций 250 имели к 1983 году свои отделения или филиалы в ЮАР, и их инвестиции здесь составляли не 2,6 млрд. долл., как утверждали официальные лица обеих стран, а колоссальную сумму — 14,6 млрд. долл.⁵⁷ Совместная безжалостная эксплуатация чернокожего населения Южной Африки, многомиллионные прибыли от этой эксплуатации — такова материальная основа идейного родства американских империалистов и южноафриканских расистов, их взаимных симпатий, ярого антикоммунизма, ненависти к национально-освободительным силам, совпадения их политических, стратегических и прочих интересов.

Вполне понятно поэтому, что администрация Рейгана поспешила фактически отказаться от плана ООН по предоставлению независимости Намибии и выступила с собствен-

ным проектом, направленным на сохранение господства американских и других монополий на Юге Африки, спасение и укрепление позиций ЮАР, развитие тесных военно-стратегических, политических и экономических связей ее с Западом. Этот проект предусматривает, в частности, «уделение меньшего внимания расовому (т. е. главному. — Ю. М.) вопросу в Южной Африке и постановку нового акцента на потенциальную роль ЮАР как защитницы западных (т. е. прежде всего американских. — Ю. М.) интересов в Африке.., возвращение (Претории. — Ю. М.) в региональные рамки западных интересов безопасности». В нем также указывалось на необходимость найти приемлемое для южноафриканских расистов «решение» проблемы Намибии. Это «решение» искусственно связывалось с выводом кубинских войск из Анголы и включением в ее правительство вожака антигосударственной группировки УНИТА Савимби. Вашингтон предлагал также заменить части ООН «более ориентированными на Запад многонациональными силами» для наблюдения за возможным соглашением о прекращении огня в Намибии и вообще передать «намибийское урегулирование» из ведения ООН в руки так называемой контактной группы из пяти западных держав во главе с США (в нее также вошли Великобритания, Франция, ФРГ, Канада)⁵⁸. Наконец, для того чтобы обеспечить интересы белого меньшинства, западных монополий и ЮАР в Намибии в случае признания ее независимости, США предлагали до проведения возможных всеобщих выборов принять такую конституцию страны, которая гарантировала бы политические и экономические права, а точнее привилегии, белого меньшинства, т. е., по существу, в значительной мере законсервировала бы старые порядки.

Затягивая переговоры о Намибии, администрация Рейгана в то же время поддерживала принимавшие все более широкие и опасные масштабы агрессивные нападения военизированной ЮАР на Анголу, Мозамбик, Замбию и другие «прифронтовые государства» с явной целью не только сохранить Намибию и всю Южную Африку под контролем ЮАР и Запада, но и подорвать народно-демократические режимы в странах региона, прежде всего в Анголе, вернуть их в сферу империалистического влияния, изолировав от социалистических государств.

На Ближнем и Среднем Востоке администрация Рейгана взяла курс на дальнейшее наращивание здесь американского военного присутствия, мобилизацию стран этого региона на «совместную борьбу с советской экспансией»;

стремилась навязать арабским народам израильско-американские условия ближневосточного урегулирования.

Отправляясь в апреле 1981 года в поездку на Ближний Восток, государственный секретарь США Хейг сообщил о намерении добиться широкого «консенсуса стратегических интересов», который включал бы «Турцию и Пакистан, так же как арабские государства и Израиль»⁵⁹. Однако эта очередная попытка создать реакционный антисоветский военный союз и сосредоточить внимание на конфронтации с СССР в районе Персидского залива, а не на вопросе о прекращении израильской агрессии против арабов и ликвидации ее последствий, решении палестинской проблемы снова потерпела неудачу.

Тем не менее, ссылаясь на продолжение ирако-иранской войны и пребывание ограниченного контингента советских войск в Афганистане, США продолжали держать и усиливать свой военно-морской флот в соответствующих районах Индийского океана. Вашингтон не довольствуется также полученной возможностью использовать здесь отдельные порты, аэродромы и базы (в Омане, Кении, Сомали, а также в Австралии) для временного пребывания американских вооруженных сил, а добивается постоянных плацдармов для долговременной развертывания не только ВМС и ВВС, но и сухопутных американских войск. Одним из путей достижения этой цели стало создание «многонациональных», а фактически американских, «сил по поддержанию мира» между Израилем и Египтом, которые дислоцированы на Синайском полуострове вместо войск ООН, в обход этой международной организации и соглашения о демилитаризации Синая. На расширение американского присутствия в регионе была направлена и посылка «миротворческих» вооруженных сил США в полуразрушенный в результате израильской агрессии Бейрут — столицу Ливана. Действия этих сил привели к еще большему обострению напряженности на Ближнем Востоке.

Вооруженные силы США дислоцируются на Ближнем и Среднем Востоке, как и во многих других районах мира, не для «защиты» от «советской угрозы», а для охраны интересов американского империализма — обеспечения сфер приложения капитала, источников сырья и рынков сбыта. Чтобы не потерять их, США всячески поддерживают реакционные проамериканские режимы и рассматривают свое военное присутствие как фактор предотвращения или прямого подавления национально-освободительной борьбы народов данного региона. США не допустят, заявил Рейган,

чтобы Саудовская Аравия или какая-либо другая экспортирующая нефть страна на Ближнем Востоке стала «вторым Ираном». Похоже, комментировал это его заявление «Ньюсуик», что президент «обязался защищать саудовскую монархию не только от внешних сил, но также и от внутренних переворотов»⁶⁰.

Не случайно многие ближневосточные эксперты считают, что американским боевым частям вменены гораздо более обширные обязательства, чем поддержание мира между Египтом и Израилем. Они указывают, что 82-я воздушно-десантная дивизия является ключевым подразделением в «силах быстрого развертывания» США и сформирована для того, чтобы быть быстро брошенной в бой в случае какого-либо кризиса в Персидском заливе. По мнению одного западного дипломата, смысл американского участия в «многонациональных силах» состоит в том, что «теперь корпус быстрого развертывания находится на нужной позиции, тренируясь в условиях пустыни и готовясь устремиться в любой момент в любое место, где он понадобится на Ближнем и Среднем Востоке»⁶¹. Как это ни неприятно для американцев, отмечалось на страницах «Тайм», но арабский перевод названия «силы быстрого развертывания» можно понять как «силы быстрой интервенции»⁶².

Правительство Рейгана наметило в качестве одной из задач своей политики не только поддержку проамериканских консервативных режимов, но и дестабилизацию «недружественных» Америке государств, стремясь взять в ряде случаев реванш за потери, нанесенные американскому империализму национально-освободительными силами. Так, государственный секретарь США заявил на одной из своих пресс-конференций: «Мы стараемся проводить такую политику, которая бы привела к установлению в Иране умеренного режима, совместимого с интересами и ценностями Соединенных Штатов»⁶³.

Эти старания Вашингтона идут по двум основным направлениям. С одной стороны, США пытаются установить определенные связи с реакционерами из верхушки мусульманского духовенства, используя их антисоветские настроения, стремление к обогащению и т. п. С другой — они финансируют иранских эмигрантов, сведенных в военизированные отряды неподалеку от границы Ирана, деятельность иранских оппозиционеров в самом Иране и за его пределами, а также эмигрантскую радиостанцию, которая передает в эфир антиправительственную пропаганду»⁶⁴.

Вскоре после визита Хейга на Ближний Восток весной

1981 года израильские агрессоры, ободренные поощрительным отношением рейгановской администрации к своим антиарабским действиям, предприняли очередную интервенцию в Ливан с целью обескровить палестинское движение сопротивления и закрепить позиции своих ставленников в южноливанских районах, фактически отторгнутых от страны. Вслед за этим Израиль совершил пиратский налет на иракский ядерный центр в Багдаде, расширил сеть еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан, аннексировал Голанские высоты и т. д.

Время от времени осуждая на словах Тель-Авив и уверяя в своей «дружбе» умеренные и консервативные арабские режимы, правительство Рейгана продолжало в массовых масштабах поставки самого современного оружия, оказывало огромную, в том числе безвозмездную, помощь Израилю. В конце ноября 1981 года министры обороны США и Израиля Уайнбергер и Шарон подписали «меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества», направленного якобы против «советской угрозы». Меморандум предусматривал проведение совместных военных маневров (а возможно, и операций), использование американцами израильских баз и территории для размещения вооружений и переброски войск и т. д.

Массированное кровавое вторжение Израиля в Ливан в начале июня 1982 года явилось прямым следствием американо-израильского «стратегического сотрудничества». Опираясь на военную и дипломатическую поддержку США, а также используя разобщенность арабских государств, правительство Бегина решило разгромить Организацию освобождения Палестины, физически уничтожив ее руководителей и бойцов, подчинить себе Ливан. С беспримерной жестокостью, напомнившей миру о фашистских зверствах, израильская армия свирепствовала на ливанской территории, уничтожая мирные города и мирное население, осуществляя политику подлинного геноцида в отношении палестинцев и ливанцев. Однако Израилю и США снова не удалось достичь поставленных ими целей — ликвидировать ООП и «палестинскую проблему», навязать Ближнему Востоку свои условия мирного урегулирования.

В то время как весь мир выражал свое негодование и протестовал против оккупации Ливана и разбоя, учиненного израильскими агрессорами, в Вашингтоне цинично заявили, что кровавые расправы над мирным арабским населением, эвакуация боевых отрядов палестинцев из Бейрута, оккупация и фактический раздел Ливана открывают,

дескать, перспективы для мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Президент Рейган выдвинул очередной план такого урегулирования. Продолжив линию Кэмп-Дэвида, он оставлял за израильскими оккупантами значительную часть захваченных ими арабских земель и вместо осуществления законного права палестинцев на создание собственного государства опять предусматривал для них лишь «автономию», но на этот раз в рамках ассоциации с Иорданией.

По существу, план Рейгана стал дипломатическим прикрытием как для агрессивной политики Израиля, угрожающего новыми войнами против Сирии и других арабских стран, продолжающего оккупировать значительную часть территории Ливана и «осваивать» обширные арабские территории, в том числе на Западном берегу реки Иордан, так и для дальнейшей экспансии самих США на Ближнем и Среднем Востоке. Вашингтон разместил в составе «многонациональных сил по поддержанию мира в Ливане» значительные контингенты своих войск, расширил присутствие здесь «корпуса быстрого развертывания» и его жандармские функции. Американские солдаты неоднократно вмешивались в вооруженные столкновения в Ливане, пытаясь подавить борьбу национально-прогрессивных сил за освобождение и единство своей страны, запугать поддерживающие эти силы государства Ближнего Востока.

К условиям боевых действий в жарких странах (в буквальном и переносном смысле) приспособляются как американские вооружения, военная техника, в огромных масштабах поставляемая на Ближний Восток и проходящая здесь испытания в основном на мирном населении, так и советники, эксперты по различного рода военным операциям, «зеленые» и «черные береты», летчики, моряки и солдаты вооруженных сил США. Используя Израиль в качестве орудия своей экспансионистской внешней политики, США в действительности стремятся не к миру, а к установлению безраздельного господства в обширном районе от Марокко до Пакистана и от Турции до ЮАР.

Убедительным подтверждением этого явились учреждение с 1 января 1983 г. Центрального командования (Сентком) для обширнейшего региона «дуги нестабильности»; навязанный ливанскому правительству в мае 1983 года «мирный» договор с Израилем, фактически оставляющий обширные территории Южного Ливана под контролем израильской военщины; заключенное тогда же секретное американо-израильское соглашение, по которому США за-

ранее одобряют любые новые агрессивные акции Израиля («в случае необходимости») против арабских народов; наконец, подписанное Рейганом и новым премьер-министром Израиля Шамиром в ноябре 1983 года соглашение о создании американо-израильского военно-политического комитета, подводящее отношения между двумя странами к уровню прямого военного союза.

Особенно вызывающий характер со стороны американского империализма носило включение в сферу действия Сенткома 19 государств (без их предварительного уведомления и согласия): Афганистана, Бахрейна, Джибути, Египта, ИАР, Иордании, Ирака, Ирана, Кении, Катара, Кувейта, НДРЙ, Объединенных Арабских Эмиратов, Омана, Пакистана, Саудовской Аравии, Сомали, Судана, Эфиопии, а также значительной части Индийского океана, Персидского залива и Красного моря. Уже одно перечисление государств, взятых на прицел Сенткомом, показывает, что администрация Рейгана распространила империалистические притязания США не только на «защиту» проамериканских реакционных правительств, но и режимов, которые при всей своей консервативности категорически отвергают американское «покровительство»; на освободившиеся, в том числе избравшие путь социалистической ориентации, государства. Все это свидетельствует о поистине безграничном экспансионизме и авантюристичности правящих кругов США, об их стремлении сохранять как феодально-капиталистические отношения, так и «невидимую» американскую империю в обширных районах Азии и Африки, об их имперском подходе ко всем остальным государствам, об опасности, которую несет подобный подход суверенитету, благосостоянию, самому существованию этих государств, всеобщей безопасности и миру.

Администрация Рейгана сделала открытым то «тайное» вмешательство США во внутренние дела Афганистана, которое организовали Картер — Бжезинский. Она официально заявила, что оказывает и будет оказывать все возрастающую «помощь», прежде всего оружием, действующим с территории Пакистана бандам контрреволюционеров с целью свержения законного афганского правительства, ликвидации завоеваний Апрельской революции, а заодно и «оказания давления» на Советский Союз. «О том, что именно США вместе с некоторыми другими государствами являются организаторами необъявленной войны против правительства и народа Афганистана, известно уже давно, — говорилось в Заявлении ТАСС по этому поводу. — Но с

официальным подтверждением этого опасного курса американский президент выступил впервые. Тем самым США поднимают свое участие в вооруженном вмешательстве против Афганистана на новую ступень.

Подобные действия американской администрации еще больше осложняют обстановку в Юго-Западной Азии в целом... Есть здесь и другая сторона дела. США, создавая или усиливая напряженность в том или ином районе, сами же за нее хватаются в погоне за новыми военными базами, сегодня — в Индийском океане и Персидском заливе, завтра — где-либо еще. Они ссылаются на напряженную обстановку, вызванную их же собственными действиями, для наращивания своих вооруженных сил и вооружений за многие тысячи миль от американской территории. Они используют ее как предлог для проведения обструкционистской линии в отношении таких крупных мероприятий международного плана, как созыв конференции по превращению Индийского океана в зону мира»⁶⁵.

В соответствии с достигнутой с Пакистаном договоренностью Вашингтон обязался предоставить ему более чем 3-миллиардную военную и экономическую «помощь», в первую очередь для того, чтобы закрепить Пакистан в качестве плацдарма антиафганских сил и превратить его в опорную базу американского империализма в Южной Азии. Кроме того, в Вашингтоне рассчитывают поощрить таким образом усиление антисоветских настроений в Исламабаде, оказать с его помощью определенное давление на Индию, чтобы заставить ее отказаться от своей миролюбивой и антиимпериалистической политики неприсоединения, дружбы и сотрудничества с СССР.

Как стало известно из заявлений самих пакистанских деятелей, администрация Рейгана добивалась от них согласия на предоставление США военных баз на территории Пакистана. Включая эту страну в сферу своих «забот», Вашингтон готов бесцеремонно вмешиваться и в ее внутренние дела, так или иначе давая понять, что он «не потерпит (!), чтобы к власти в Пакистане пришла антиамериканская гражданская группировка»⁶⁶.

Распространяя сферу своих имперских интересов, военных приготовлений и политики силы от Южной Африки до Юго-Восточной Азии, Вашингтон стремится, по существу, превратить Индийский океан в район американского господства и плацдарм возможных конфликтов и войн.

Аналогичные действия администрация Рейгана предпринимает и в отношении Тихого океана. Во время очередных

диалогов США — АСЕАН в 1982 и 1983 годах американские представители прямо заявили делегациям Индонезии, Малайзии, Таиланда, Сингапура и Филиппин, что они должны искать выход из своих экономических трудностей на основе более широкого привлечения частного капитала и военной «помощи» США, но не рассчитывать на предоставление свободного доступа для своего экспорта на американский рынок или на поддержку Америкой государственного сектора в их народном хозяйстве.

Особенно настойчиво США добиваются превращения АСЕАН из экономической ассоциации в военно-политический блок и вступления ее в той или иной форме в более широкое «тихоокеанское сообщество» вместе с другими странами Восточной Азии и Океании, а возможно, и Западного полушария под эгидой Америки, для поддержания ее имперских притязаний и противодействия мифической «советской экспансии». На самом деле речь идет о противодействии любым освободительным, прогрессивным тенденциям на огромных просторах от Сингапура до Вальпараисо.

Планы Вашингтона, связанные с созданием «тихоокеанского сообщества» и превращением Тихого океана в «американское озеро», встречают, однако, весьма настороженное, а подчас и открыто отрицательное отношение со стороны неприсоединившихся и даже союзных с США государств. «Идея новой американской империи, — признавала «Балтимор сан», — не вызывает особенно восторженного отношения к себе, в частности, среди наших друзей... Некоторые страны, на которые мы рассчитываем, просто-напросто не склонны поддерживать подчеркнуто антисоветский курс, к которому в принципе сводится внешняя политика Рейгана»⁶⁷.

В рамках своей глобальной имперской политики администрация Рейгана явно идет на все большее ужесточение позиции США даже по отношению к своим ближайшим союзникам — Западной Европе и Японии, Канаде и Австралии. Во-первых, США усиливают наступление на них как на конкурентов, пытаясь за их счет разрешить свои экономические трудности, укрепить позиции американских монополий и доллара на мировом рынке. Во-вторых, Вашингтон требует от них не только полной поддержки, но и участия в «крестовом походе» против коммунизма, в наращивании гонки вооружений, в усилении всестороннего давления на СССР, в американских военных приготовлениях не только в сфере действия договора НАТО и «пакта безопасности» с Японией, но и далеко за их пределами, в част-

ности в Юго-Восточной Азии, Африке и на Ближнем Востоке.

Во время визита в Соединенные Штаты в мае 1981 года премьер-министра Японии Судзуки отношения между двумя странами впервые были охарактеризованы как «союзнические». Вашингтон, настоявший на такой формулировке, фактически приравнял «договор безопасности» с Токио к Североатлантическому договору. Белый дом усилил давление на Японию с целью заставить ее, во-первых, более энергично поддерживать глобальную антикоммунистическую стратегию США и, во-вторых, играть более активную роль «военно-морского стража Тихого океана». По планам Вашингтона, Токио должен взять на себя значительную долю расходов по содержанию американских вооруженных сил на территории Японии, увеличить ассигнования на «самооборону», колоссально — на тысячу километров — расширить сферу «патрулирования» своих ВМФ и ВВС в тихоокеанском бассейне и т. д. Несмотря на то что японская сторона в последующем пыталась представить формулировку «союз» как якобы выражающую лишь «философскую идентичность» взглядов Токио и Вашингтона, американцы совершенно недвусмысленно дали понять, что «администрация Рейгана исходит из того, что теперь открыт путь к прямому стратегическому и военному сотрудничеству в виде активного, направленного против Советского Союза альянса»⁶⁸.

В поисках новых путей вовлечения Японии в военные мероприятия Запада Вашингтон проявил интерес к идее развертывания на ее предприятиях производства отдельных высокотехнических элементов военной продукции для поставок Пентагону. Кроме того, он упорно добивался «права» разместить на территории Японии и в окружающих ее водах новейшие виды американских вооружений с дальним радиусом действия и с ядерными зарядами типа крылатых ракет.

Налаживая всестороннее военное сотрудничество с Японией, администрация Рейгана одновременно толкала ее к развитию военных связей со странами АНЗЮС, АСЕАН и особенно с Южной Кореей. Более того, предпринимаются попытки установить контакты между Японией и НАТО и объединить таким образом тихоокеанских и атлантических союзников США в «крестовом походе» против СССР, мирового социализма.

Используя приход к власти в Японии правительства Я. Накасонэ, откровенно милитаристски и антисоветски

настроенного лидера ЛДП, назвавшего собственную страну «непотопляемым авианосцем», и угрожая проведением более жесткой экспортно-импортной политики в отношении японской промышленности, Вашингтон сумел добиться дальнейших сдвигов Страны восходящего солнца в направлении милитаризации и развития военно-стратегического союза с США. Еще накануне визита премьер-министра Накасонэ в Америку в январе 1983 года в Токио было объявлено о повышении военных расходов Японии, предоставлении ею огромной «помощи» в сумме 4 млрд. долл. Южной Корее и ее согласии на передачу США наиболее современной технологии для использования в производстве новейших видов вооружений. Однако эти уступки привели лишь к дальнейшему усилению нажима Вашингтона на Японию в экономической и военно-политической областях. Летом 1983 года Пентагон, например, публично заявил о «крайне недостаточных военных усилиях Японии», назвал «не отвечающей духу времени» ее «оборонную» политику и т. п.

Правительство Рейгана добивалось, с одной стороны, сокращения ввоза японских товаров в США, уменьшения или отмены ограничений на экспорт американских капиталов и продукции в Японию, подрыва ее конкурентных позиций на мировом рынке, а с другой — более активного вовлечения Токио в военно-политические мероприятия США на Тихом океане, несмотря на значительную внутреннюю оппозицию росту японского милитаризма и его опасному сотрудничеству с американской военщиной.

Следуя примеру Рейгана, американские законодатели также нередко берутся диктовать другим странам, как им следует вести себя, в том числе и Японии — второй по экономической мощи державе капиталистического мира. В июле 1983 года сенатская комиссия по делам вооруженных сил США, где особенно сильны позиции «ястребов», одобрила законопроект, уполномочивающий Пентагон докладывать конгрессу, что предпринимает Япония в военной области, какое ей следует заказывать оружие, каков уровень ее бюджета «обороны». Милитаристский, антисоветский угар, страх перед иностранной конкуренцией, мания имперского величия, классово-националистическая ограниченность явно лишают и обитателей Капитолия всякого чувства не только реальности, но и простого приличия, уважения прав других стран и народов.

Во время визита в Японию и Южную Корею в ноябре 1983 года президент Рейган вновь потребовал от них уси-

ления военных приготовлений и более тесного сотрудничества друг с другом и с США в деле «обороны» Северо-Восточной Азии и Тихого океана от все той же «коммунистической угрозы» и проведения глобальной антисоветской стратегии. В рамках этого сотрудничества Пентагон, в частности, намеревается превратить юг Корейского полуострова в еще один рубеж развертывания американских крылатых ракет с ядерными боеголовками и нейтронного оружия.

Правящие круги США все более широко и откровенно используют свое военное преобладание в НАТО и союзническую дисциплину для того, чтобы принуждать другие государства следовать агрессивно-реакционной политике американского руководства. Как правило, Вашингтону удается навязывать в рамках НАТО и других военных блоков свои решения не только по вопросам, связанным с военной политикой, но и касающимся отношений с СССР, другими социалистическими, а также неприсоединившимися государствами.

Правительство Рейгана особенно упорно пыталось подавить всякую оппозицию в НАТО своей воинственно антисоветской политике, все попытки отдельных ее членов уклониться от выполнения обязательств по ежегодному 3-процентному увеличению военных расходов, модернизации вооруженных сил и т. д.

Вернувшись с первой после прихода консервативных республиканцев к власти сессии совета НАТО в Риме (май 1981 г.), Хейг выступил в Сиракузском университете с речью, посвященной ее итогам, под названием «НАТО и восстановление американского руководства». Он без церемоний заявил, что под предводительством правительства Рейгана США «преисполнены решимости восстановить свое лидерство в мире», что их целью является создание «такого мира, который благоприятствовал бы... американскому обществу и американским идеалам», и что союзники Америки якобы должны не только приветствовать эту их «решимость», но и всячески содействовать ей, координируя свои действия, наращивая вооружения, все больше вовлекаясь в конфронтацию с СССР, в адрес которого Хейг обрушил очередную порцию клеветы и ненависти⁶⁹.

На всех сессиях совета, комитета планирования и других органов НАТО в период 1981—1983 годов США добились, хотя иногда и с трудом, одобрения своих военных доктрин и акций, жесткой позиции на переговорах с СССР по разоружению, различных мероприятий по согласованию

союзнической политики, совместному производству некоторых видов вооружений и т. д. При этом возражения отдельных членов союза — Греции, Дании, Канады и др. по различным вопросам просто игнорировались.

Особенно настойчиво правительство Рейгана стремилось вовлечь НАТО в борьбу с национально-освободительными движениями и прогрессивными режимами, снова и снова ставя вопрос о расширении «зоны ответственности и деятельности» этого агрессивного блока далеко за пределы Атлантики.

Сессия комитета военного планирования НАТО в Брюсселе (май 1982 г.) и затем сессия совета НАТО на уровне глав государств и правительств в Бонне (июнь 1982 г.) под давлением американцев приняли решения о «праве» отдельных членов блока действовать за пределами его первоначально провозглашенных границ и одобрили планы США по использованию «сил быстрого развертывания» в различных районах мира, более того, обещали содействие им со стороны союзников. Эти решения были подтверждены на сессиях различных органов НАТО и в 1983 году.

Довольно бесцеремонное обращение США со своими партнерами по военным блокам распространяется не только на военно-политическую, но и на экономическую сферу и даже на их сугубо внутренние дела. Так, в июне 1981 года Вашингтон резко обрушился на новое правительство Франции и лично на президента Ф. Миттерана в связи с включением в него представителей Коммунистической партии. Администрация Рейгана открыто выразила недовольство результатами выборов в Греции осенью 1981 года, которые отразили существенный сдвиг влево в стране. С другой стороны, она не скрывала своих симпатий к реакционным силам, пытавшимся совершить военный переворот в Испании в феврале 1981 года, открыто отдавала предпочтение блоку ХДС — ХСС в ФРГ и т. д.

Гегемонистская имперская политика консервативных республиканцев преобладала и в организациях, и на конференциях капиталистических стран, занимавшихся экономическими, энергетическими и другими проблемами. Однако здесь она гораздо чаще встречала сопротивление других участников, носившее более твердый характер. Это довольно наглядно проявилось, например, на встречах «большой семерки» в Оттаве в июле 1981 года и в Версале в июне 1982 года. Растущая безрезультативность этих встреч выражается в том, что на них не столько принима-

ются конкретные решения, сколько создаются различные консультативные комиссии для дальнейшего рассмотрения обсуждавшихся вопросов и провозглашаются общие декларации, которые призваны продемонстрировать «единство и солидарность Запада». Однако эти декларации не только не могут заменить конкретных мер, но и все меньше соответствуют действительным отношениям между «лидерами свободного мира», каждый из которых старается интерпретировать содержащиеся в этих декларациях положения и обещания в собственных интересах.

Руководствуясь принципом «что хорошо для Америки, то хорошо и для остального мира», Рейган неоднократно подтверждал намерение проводить и проводил экономическую политику (включавшую, в частности, ограничение импорта, повышение курса доллара, высокие учетные ставки), наносившую серьезный ущерб экономике ближайших партнеров США. В то же время он требовал от них отказаться от мер по защите от натиска американских монополий, согласиться на введение новых ограничений на предоставление кредитов и торговлю с СССР и другими социалистическими странами. Президент высказал особое недовольство соглашением «газ — трубы» между западноевропейскими странами и Советским Союзом.

В ответ на решение Рейгана в начале 1982 года распространить запрет на поставки различного оборудования для газопровода Уренгой — Ужгород на филиалы компаний США за границей и на иностранные предприятия, использующие американские лицензии, Франция, ФРГ, Англия, Италия и Япония выразили резкий протест и обвинили Вашингтон в попытке распространить собственные законы на другие страны и в нарушении международного права. Они заявили об отказе подчиниться американскому диктату.

Большинство союзников-соперников США старалось избегать прямой конфронтации с СССР, социалистическим содружеством, участия в грубых нападках Вашингтона на освободившиеся страны и прогрессивные режимы, обвиняемые им в «терроризме», следовании «линии Москвы». Выразив, в частности, свое «неодобрение» правительствам ПНР и СССР в связи с временным введением в Польше военного положения, западноевропейские державы, однако, отказались фактически последовать за США во введении против них широких экономических санкций.

Встречая затруднения в попытках добиться от союзников желательных для США экономических и политических

уступок, Вашингтон неизменно апеллирует к общности классовых и военно-стратегических интересов США и других империалистических держав.

Особенно ярко это проявилось на очередной встрече «большой семерки» в Вильямсберге (США) 29—30 мая 1983 г. Рейган и его окружение предприняли все меры, чтобы добиться на ней признания США как бесспорного лидера и «защитника» капиталистического мира, его «старых и добрых порядков». Впервые за всю историю таких совещаний на высшем уровне семи крупнейших капиталистических государств ими была принята совместная «политическая декларация по вопросам безопасности». В этом сугубо военно-стратегическом по своему характеру документе под прикрытием пышных фраз о мире и переговорах с СССР подтверждался жесткий курс США на этих переговорах и в области вооружений, делался упор на «сохранение достаточной военной мощи» Запада, поддержку «двойного решения» НАТО 1979 года, на готовность к развертыванию в Западной Европе американских ядерных ракет средней дальности, если не будет достигнуто «удовлетворительное» соглашение в Женеве, и т. д. Администрация Рейгана, таким образом, не только добилась в Вильямсберге единства ведущих стран НАТО относительно дальнейшего форсирования гонки вооружений и проведения политики силы в отношении Советского Союза, но и расширила фронт такого «единства», втянув в него Францию, не входящую в военную организацию Североатлантического блока, и Японию, вообще не являющуюся его членом.

Отказавшись от ряда своих независимых позиций в военно-политической сфере в угоду США, Франция и другие американские партнеры снова, однако, не сумели добиться каких-либо уступок от них в экономической области. В заключительном коммюнике вильямсбергской встречи признавалось, что капиталистические страны по-прежнему стоят перед «суровыми испытаниями», начиная с безработицы и кончая угрозой «торговой войны» между ними. Но никаких конкретных и тем более «коллективных» мер по преодолению имеющихся трудностей не предлагалось, а говорилось лишь о желательности консультаций, искоренении протекционизма, преодолении экономического спада, разногласий стран Запада по валютным вопросам и т. д.

Рейгановская администрация, по существу, не отказалась от своей линии на решение экономических проблем США за счет интересов остальных как развитых, так и развивающихся капиталистических стран. Она заставила

своих партнеров принять формулу об «увязке» торгово-финансовых отношений Запада с Востоком с «интересами безопасности» и отклонила в то же время их предложения как-то откликнуться на требования освободившихся стран о проведении «глобальных переговоров» с целью установления нового мирового экономического порядка.

Хотя Западная Европа, Япония, Канада и Австралия достигли высокого уровня экономико-технического развития, хотя их сопротивление имперской политике США принимает подчас довольно упорный характер, хотя между Америкой, с одной стороны, и другими высокоразвитыми капиталистическими государствами — с другой, существует немало противоречий по самому широкому кругу вопросов, начиная с борьбы за рынки стали и кончая отношениями с СССР, тем не менее тенденция к объединению империалистических держав под эгидой наиболее сильной из них — Соединенных Штатов продолжает преобладать в современном капиталистическом мире. Тесное переплетение капиталов, обширные деловые связи, взаимозависимость в международной торговле, финансовых делах, научно-технических исследованиях, средствах массовых коммуникаций, идейно-культурной сфере и т. д. создают довольно стойкий материальный фундамент для этой тенденции. Классовая солидарность, антикоммунизм и антисоветизм, общность неокOLONиалистских интересов служат основой для координации военно-политической деятельности стран Запада. Пользуясь значительным превосходством в военно-стратегической, финансово-промышленной и научно-технической сферах, Соединенные Штаты часто придают отношениям с партнерами характер односторонней зависимости и используют ее в своих узкоэгоистических интересах.

Даже отставив свои наиболее важные интересы, другие империалистические державы, в том числе и члены «Общего рынка», редко объединяются и идут до конца в сопротивлении США. А любое проявление их слабости, нерешительности, разъединенности лишь поощряет Вашингтон к еще более пренебрежительному имперскому отношению к ним, к игнорированию их позиций и мнений, к бесцеремонному навязыванию своих условий «союза и сотрудничества». Приводя довольно длинный список западноевропейских «жалоб» на «грубый антисоветизм» Вашингтона, его попытки сорвать сделку «газ — трубы», поощрение кровавой хунты в Сальвадоре и др., известный обозреватель «Файнэншл таймс» Я. Дэвидсон подчеркивал, что вся про-

блема с этими «жалобами» заключается в отсутствии даже зародыша каких-либо идей у правительств стран Западной Европы, как им «оказать большее влияние на лидера атлантического альянса. Причитать и ворчать, — писал он, — легко, но, учитывая происхождение и предрассудки рейгановской администрации, едва ли неожиданно то, что она уделяет столь мало внимания Европе, когда сама Европа разобщена и непоследовательна»⁷⁰.

Важнейшим фактором, вынуждающим правящие круги западноевропейских стран подчиняться во многих случаях американскому руководству, стало вторжение доллара и вооруженных сил США в Западную Европу после второй мировой войны, ее завоевание американскими монополиями и Пентагоном, о чем так много и с самыми разными чувствами писали и пишут французские, английские и другие экономисты и политологи. В самом деле, насколько самостоятельным можно считать государство, если от 20 (в Англии) до 30% (в Бельгии) его промышленности контролируется американским капиталом; если на его территории находятся пользующиеся всяческими привилегиями военные базы и военные части США, размещаются их ракеты и самолеты — носители ядерного оружия, которое может быть пущено в ход только по приказу американского президента, но, вполне вероятно, даже без уведомления правительства этого государства; если 50% и больше информации, кинофильмов и другой идеологической продукции поставляется ему из американских источников и т. д.?

Подчинение американскому империализму, капитулянтство перед ним в ряде важнейших вопросов даже крупных и экономически развитых держав капиталистического мира лишь усиливают в правящих кругах США, рассматривающих обширные районы этого мира как свои частные владения, имперские настроения и притязания. В тех случаях когда партнеры США проявляют непокорность, Вашингтон пускает в ход всевозможные рычаги давления, включая и прямой шантаж.

Отсюда ожесточенные нападки политиков и идеологов американского империализма на широкие народные массы во многих капиталистических странах, выступающие против экономического, идеологического и военного господства США. Отсюда плохо скрываемое недовольство Вашингтона теми развитыми и развивающимися капиталистическими странами, которые отвергают американское лидерство и диктат, проводят политику нейтралитета или неприсоединения, в которых осуществляются меры по национализации

экономики, развитию всесторонних связей со всеми остальными, в том числе социалистическими, государствами:

Отсюда, наконец, особая ненависть правящих кругов США к СССР и другим социалистическим странам, которые не только сами твердо противостоят всем попыткам американского империализма навязать им свои условия существования, подорвать, ликвидировать социалистический строй, но и поддерживают справедливую борьбу народов за национальную независимость и социальный прогресс.

4. «Крестовый поход» против СССР, мирового социализма

В классово ограниченном, искаженном сознании правящих, особенно консервативных, кругов США интернационалистская политика Советского Союза интерпретируется как первоисточник всех революционных, прогрессивных перемен, антиимпериалистических, антиамериканских выступлений в мире. Но это такое же неверное утверждение, как и тезис о советском «военном превосходстве». Борьба народов за национальное и социальное освобождение порождается внутренними причинами, обусловлена историческими потребностями. Вмешательство внешних империалистических, прежде всего американских, сил направлено на консервацию уже изживших себя реакционных режимов. Именно эти действия превращают многие чисто внутренние конфликты в острые международные кризисы. Советский Союз и другие социалистические государства решительно выступают против такого вмешательства, против экспорта как контрреволюции, так и революции, за право каждого народа самому решать свою собственную судьбу, за строгое соблюдение Устава ООН, норм международного права, существующих договоров и соглашений.

Особенно злонамеренны и опасны реакционные представления нынешнего американского руководства о Советском Союзе как о «средоточии зла», как о могучей, может быть «временно», в военном отношении, но слабой в других областях державе, как о непримиримо настроенном «враге» Америки и всего «свободного мира», как о государстве, с которым можно и нужно разговаривать только «с позиции силы». Исходя именно из таких ошибочных представлений, администрация Рейгана с самого начала пыталась строить свои отношения с СССР.

В связи с этим весьма показательным является заявление члена СНБ, одного из ведущих американских «советологов» Р. Пайпса, которое, несмотря на официальное опровержение, по мнению многих обозревателей, отразило настроения в Вашингтоне. Пайпс заявил, что считает разрядку «мертвой» и не видит никакого смысла в переговорах с СССР по какому-либо вопросу до тех пор, пока он «не исправится». Он утверждал, что США готовы и способны якобы оказать такое давление на Советский Союз, на его экономику и политику, которое рано или поздно вынудит советское руководство либо «реформировать свою систему», т. е. отказаться от социализма, либо вступить в ядерную войну, вероятность возникновения которой, по его же оценке, весьма велика⁷¹.

Правительство Рейгана фактически попыталось свести в основном свои отношения с великой социалистической державой к «соревнованию» в гонке вооружений, в подготовке к войне, подменить военно-силовым обращением нормальную мирную внешнюю политику и дипломатию. В условиях стратегического паритета правящие круги США, однако, боятся перейти от «холодной» к «горячей» войне против СССР и братских социалистических стран. Но Вашингтон всячески пытается нарушить этот паритет в свою пользу, как наращивая военную силу США, так и стремясь любыми способами ослабить, «истощить» СССР.

Исходя из собственных лживых утверждений о том, что во всех «беспорядках», происходящих в мире, во всех проблемах и трудностях, стоящих перед Америкой, в «международном терроризме» и т. п. якобы виноват Советский Союз, представители республиканской администрации заявили о необходимости «большого пересмотра американо-советских отношений». Раскрывая конкретное содержание этого «пересмотра», «Вашингтон пост» писала, что «официальные лица, очевидно, имеют в виду мобилизовать силу США во всех ее аспектах, чтобы внушить Кремлю, что он должен вести себя очень сдержанно. Каковы же эти аспекты? Один из них — продемонстрировать способность покупать и производить все больше вооружений. Другой — показать, что Соединенные Штаты могут использовать силу, когда и где они пожелают. Третий — поддерживать местные элементы, противостоящие советской или поддерживаемой Советами силе. Четвертый — доказать, что Америка может обойтись без всяких соглашений и без правил также»⁷². Даже вашингтонская газета вынуждена была признать крайнюю жесткость и риск подобного подхода к

взаимоотношениям с такой великой державой, как Советский Союз.

Поставив перед собой задачу добиться подавляющего превосходства, прежде всего военно-стратегического, над СССР с помощью безудержного наращивания американской и «тотальной» силы мирового капитализма, правительство Рейгана надеется таким путем или «мирно отбросить» СССР и социалистическое содружество, подорвать их позиции и влияние в современной мировой политике, продиктовать им свои «условия поведения», или начать в той или иной форме, в том или ином месте и в подходящий момент против них «ограниченную» обычную или ядерную войну, которая, однако, может перерасти в конечном счете в большую ракетно-ядерную войну.

Выбросив из своего политического словаря термины «разрядка» и «сотрудничество»*, администрация Рейгана стала заявлять, что она собирается строить свои отношения с Советским Союзом на базе «сдержанности и взаимности». При более конкретном формировании позиции США в отношении СССР очень скоро стало ясно, что «сдержанность» повсюду, в том числе в непосредственно прилегающих к его границам регионах, и независимо от того, что в них делается или что делают сами США, должен всегда проявлять Советский Союз. Что же касается «взаимности», то здесь Вашингтон, очевидно, рассчитывал, что он будет «наградить» или «наказывать» СССР в зависимости от его «поведения». «Наша точка зрения, — с имперским высокомерием заявил, в частности, Хейг, — состоит в том, что нельзя продвигаться в развитии отношений с Советским Союзом по широкому кругу проблем — торговля, кредиты, передача технологии, сельскохозяйственная помощь или ограничение вооружений — до тех пор, пока не проявится климат большей взаимности и сдержанности (со стороны СССР. — Ю. М.)». А в одном из последующих своих выступлениях он договорился даже до того, что не только «хо-

* «В рейгановском Вашингтоне, — сообщал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», — «разрядка» является грязным словом (!)... Администрация Рейгана рассматривает отношения с Советским Союзом в терминах не сотрудничества, а противоборства. Некоторые высокопоставленные официальные лица выступают даже за своего рода экономическую и политическую войну (против СССР. — Ю. М.)..., внутри администрации существует единодушное относительно основной стратегии, в соответствии с которой Советский Союз рассматривается как опасный враг и разрядка отвергается как проигранная игра для Соединенных Штатов». — U. S. News and World Report, 1982, May 24, p. 26.

рошее поведение» самого Советского Союза, но также и действия его союзников и друзей окажут влияние на готовность США «к сотрудничеству и заключению договоров с ним»⁷³.

Вмешиваясь во внутренние дела других стран, провоцируя обострение международной обстановки, раздувая очаги кризисов и конфликтов, правящие круги США всегда стараются отыскать предлоги для «обвинения» в «несдержанности» Советского Союза, твердо отстаивающего свои законные интересы, безопасность своих союзников и друзей. Антисоветские кампании в США раздуваются одна за другой: то по поводу Кубы, то из-за Афганистана, то по причине революции в Никарагуа, то как следствие очередного провала контрреволюции в Польше, а заодно и обширных, связанных с ней планов американского империализма.

Продолжая и усиливая курс на раскол социалистического содружества и «эрозию» социализма, администрация Рейгана прибегла к беспрецедентному по своей наглости вмешательству во внутренние дела ПНР. Она ставила и обсуждала вопрос «о положении в Польше» на заседаниях американского кабинета и СНБ, встречах и переговорах с руководителями других капиталистических держав и НАТО.

Стремясь помочь прорваться к власти в Польше реакционному руководству «Солидарности», Вашингтон стал «предостерегать» страны ОВД, СССР и само польское правительство против принятия каких-либо мер по пресечению контрреволюционной деятельности со стороны этого руководства. Угрожая «санкциями», с одной стороны, и обещая различную «помощь» — с другой, правительство Рейгана добивалось компромисса между суверенным правительством ПНР и оппозиционными лидерами «Солидарности», который дал бы последним возможность совершить фактически государственный переворот, свергнуть страну в хаос и, возможно, гражданскую войну.

Когда же законные власти ПНР предприняли энергичные меры по пресечению этой опасности и временно ввели в стране 13 декабря 1981 г. военное положение, американские империалисты пришли в бешенство из-за очередного провала их планов ликвидации социализма в Польше и разрыва ее союзнических связей с СССР. Правительство Рейгана предъявило, по существу, ультиматум польскому правительству: или предоставить свободу контрреволюционерам и повернуть Польшу «лицом к Западу», или подвергнуться репрессиям Вашингтона. США ввели эмбарго

на поставку товаров в ПНР, в том числе продовольствия, развернули против нее широкую шпионско-подрывную деятельность, «психологическую войну», взялись активно поддерживать и руководить остатками разгромленных сил контрреволюционной оппозиции, подстрекая ее к продолжению саботажа, к актам насилия против социалистического государства. Специальная «кризисная группа» во главе с вице-президентом Бушем, разведка Пентагона, ЦРУ, госдепартамент, пропагандистские и другие органы и службы занялись организацией самой настоящей «тайной войны» против ПНР.

Оказавшись, однако, бессильными повернуть ход событий в Польше вспять, реставрировать капитализм в этой стране, правящие круги США использовали внутripольские дела для раздувания злобной антисоциалистической, антисоветской кампании, для дальнейшего обострения международной обстановки, резкого осложнения советско-американских отношений. Заявив, что якобы Советский Союз несет «тяжелую и прямую ответственность» за сложившуюся в Польше ситуацию, Рейган распорядился расширить круг антисоветских «санкций». В результате были прерваны полеты самолетов Аэрофлота в Америку, закрыты советское торговое представительство в Нью-Йорке, блокирован экспорт предметов передовой технологии в Советский Союз, американским фирмам запрещено продавать нефтяное и газовое оборудование СССР и т. д. Рейган «покаялся» не возобновлять соглашений об обмене в области энергетики, науки и техники и отложил переговоры о новом долгосрочном соглашении о продаже зерна СССР⁷⁴. Более того, он попытался распространить запрет на поставки различных машин и оборудования для газопровода Уренгой — Западная Европа на филиалы компаний США за границей и на иностранные предприятия, использующие американские лицензии. Однако, натолкнувшись на отпор со стороны даже ближайших союзников и на недовольство самих американских корпораций, снова понесших большие убытки в результате аннулирования их контрактов с СССР, Вашингтон вынужден был вскоре вообще отменить этот и ряд других своих запретов.

Кстати, следует заметить, что антисоциалистическая, антисоветская политика Вашингтона во многих случаях имеет и другой — антисоюзнический аспект. Подрывая связи американских партнеров с социалистическими государствами, он тем самым пытается ослабить их политические и экономические позиции, лишить емких и надежных рынков

сбыта, источников сырья, нужной им продукции, поставить их в еще большую зависимость от США. Ясно, что такого рода политика выгодна лишь американским монополиям.

Так, используя спад в добыче угля в Польше, вызванный саботажем «Солидарности», и добываясь в качестве «санкций» отказа Западной Европы от импорта польского угля, США одновременно направили в западноевропейские страны специальную торговую миссию с целью предложить им свои «услуги». Министр торговли США Болдридж откровенно заявил, что Польша, мол, больше не может служить стабильным торговым партнером, а в Америке забастовок в угольной промышленности почти не бывает, и поэтому она может стать «наиболее надежным и безопасным поставщиком угля Европе»⁷⁵. Результатом подобной активности Вашингтона явилось, в частности, то, что в 1981 году США экспортировали в западноевропейские страны в три раза больше угля, чем в предшествующие годы.

Развернув наряду с гонкой вооружений экономическую, «технологическую», «психологическую» и прочие войны против СССР, его союзников и друзей, правительство Рейгана в значительной мере перечеркнуло все те пункты советско-американских соглашений и договоренностей, которые касались развития всесторонних связей и обменов между СССР и США, их мирного, равноправного и взаимовыгодного характера, их пользы для народов обеих держав и международной обстановки в целом.

Соревнование в экономической и научно-технической областях, развитие культурных и других связей правительство Рейгана заменило различными диверсионно-подрывными кампаниями, «информационным наступлением» и т. п. Вместо торгового, научно-технического обмена оно стало организовывать блокады, бойкоты и «санкции», все больше пыталось использовать экономические отношения в качестве дополнительного фактора внешнеполитического давления. «Президент Рейган рассматривает торговлю как оружие в борьбе с коммунизмом», — отмечала «Файнэншл таймс». С его точки зрения, «Запад должен, во-первых, серьезно относиться к последствиям для своей безопасности торговли некоторыми предметами передовой технологии, которые он в настоящее время продает Востоку, и, во-вторых, знать, как торговые санкции могут быть использованы в качестве средства воздействия на Москву»⁷⁶.

Весной 1982 года правительство Рейгана попыталось дополнить торговые «санкции» против СССР и других социалистических стран финансовыми — путем ужесточения

условий предоставления им кредитов капиталистическими странами, в основном Западной Европой и Японией. Чтобы уговорить американских союзников последовать за Вашингтоном в этой «новой форме дипломатии твердой валюты», или, как выразился президент торговой палаты США, «стратегии экономической войны», в западноевропейские столицы в марте 1982 года был послан заместитель государственного секретаря Д. Бакли. «Цель его миссии, — писала лондонская «Таймс», — убедить европейцев присоединиться к систематической и координированной политике усиления давления на Советский Союз и Восточную Европу с помощью широкомасштабного ужесточения кредита... Это — попытка подорвать большую часть основ торговли между Востоком и Западом, заложенных в начале 70-х годов»⁷⁷.

Правительства ФРГ, Франции и Англии отреагировали, однако, на эту попытку «осторожно и холодно». Мистеру Бакли в Лондоне, например, было сказано, что «его планы нуждаются в длительном изучении и в них таится множество опасностей»⁷⁸.

Вашингтон не только сам все больше вступал на путь «экономической войны» против СССР, социалистического содружества, но и усиленно пытался вовлечь в эти и прочие враждебные действия другие развитые и даже развивающиеся капиталистические страны, используя для этого КОКОМ, международные финансовые учреждения, американскую «помощь». По мнению президента, она «должна употребляться исключительно как орудие внешней политики для приобретения влияния и борьбы с русскими»⁷⁹.

Не удивительно, что при таком подходе из 13,3 млрд. долл., запрошенных правительством у конгресса на иностранную помощь в 1983 финансовом году, 8,6 млрд. предназначались для военного и только 4,7 млрд. для экономического содействия «достижению целей, стоящих перед внешней политикой», дополнения обороны США и поддержания за границей «традиционных американских ценностей»⁸⁰. Еще более четкое определение задач американской «помощи» другим странам содержалось в секретном руководстве госдепартамента, принятом весной 1982 года. В нем указывалось, что эта «помощь» должна в основном предоставляться тем странам, где она «может непосредственно продвигать стратегические цели США или где они могут получить военные сооружения»⁸¹.

Как стало известно, в начале 1983 года президент Рейган одобрил очередную директиву № 75 об оказании та-

кого «экономического давления» на Советский Союз, которое привело бы к изменению... его внутренней политики, строя. Одним из авторов этой директивы явился тот же ярый антисоветчик Р. Пайпс. Из вынужденного признания того факта, что все применявшиеся и до сих пор применяющиеся против СССР торгово-финансовые «санкции» не оказывают желаемого для Вашингтона влияния на советскую внешнюю политику, рейганисты не сделали единственно разумного вывода о необходимости отказа от подобных «санкций», а, наоборот, пришли к заключению, что Западу нужно развернуть «тотальное» экономическое наступление против СССР, с тем чтобы «подорвать внутреннюю основу» его внешней политики.

В американскую печать проникли сведения о том, что директива № 75 является лишь одним из многих аналогичных документов, разработанных СНБ под руководством Кларка в 1982—1983 годах и предусматривающих всестороннее ужесточение американского курса в отношении СССР.

Начиная с первой пресс-конференции Рейгана, на которой он лживо обвинил СССР в стремлении к мировому господству и использовании для достижения этой цели любых «коварных» методов, кампания антисоветской, антикоммунистической клеветы и дезинформации, организованная Вашингтоном, продолжается с возрастающей интенсивностью. Своего рода кульминацией этой кампании явились выступления президента США в Лондоне, Бонне и Западном Берлине во время его визита в Европу (июнь 1982 г.). Он призвал весь «свободный мир» во главе с Америкой к очередному «крестовому походу» против СССР, мирового коммунизма, которому приписал все возможное зло, и угрожал оставить его на «пепелище истории». Выступая в марте 1983 года в Орландо (Флорида) перед христианами-евангелистами, Рейган снова назвал Советский Союз «средоточием зла в современном мире», «империей зла». Комментируя это выступление, Т. Уикер подчеркивал большую опасность взглядов Рейгана «на отношения между сверхдержавами как противостояние между добром и злом и провозглашения им священной войны... Если президент США объявляет миру, что Америка ведет с Советским Союзом смертельную борьбу как средоточием зла, то это неизбежно предполагает, что не может быть никакого реального компромисса с этим злом — ни в области контроля над вооружениями, ни в чем-либо еще»⁸². Действительно, делая подобные заявления, Рейган фактически сам

разоблачал чисто демагогическую сущность тех своих выступлений, где он пытался уверить американцев и союзников США, что Вашингтон-де готов к возобновлению конструктивного диалога с СССР, но препятствием этому якобы является политика Советского Союза.

Беспрецедентным событием во взаимоотношениях США с СССР и другими социалистическими государствами явилась созванная государственным департаментом в октябре 1982 года конференция с целью «обсуждения путей изменения структуры коммунистических стран». На открытии этой конференции, в дальнейшем проходившей за закрытыми дверями, государственный секретарь Шульц заявил, что США должны поддерживать различного рода диссидентов в социалистических странах, руководствуясь «моральными» и стратегическими соображениями⁸³. Что касается «морали», то это лишь привычная демагогическая уловка, а вот по поводу стратегических соображений госсекретарь не солгал. Использование антисоветчиков всех мастей действительно давно уже рассматривается в Вашингтоне как одно из средств осуществления политики антикоммунизма на международной арене.

Таким образом, фактически воскрешая провокационную «доктрину освобождения социалистических стран» Дж. Ф. Даллеса, администрация Рейгана пытается пойти еще дальше: она разрабатывает практические мероприятия по осуществлению этой доктрины объединенными силами американского империализма и контрреволюционной эмиграции.

Пытаясь оживить иллюзии о возможности «освобождения» социалистических стран от социализма и мобилизовать на борьбу с ними все реакционные силы — от западноевропейских консерваторов до кубинских эмигрантов — членов террористических организаций, президент лично объявлял один за другим «дни» Польши, Афганистана, «независимости Кубы», Сахарова (!) и т. п. Из недр Белого дома вышли многие проекты расширения деятельности радиостанций «Голос Америки» и «Свобода» и других информационно-пропагандистских служб, создания своего рода черного интернационала — «международного демократического союза» консервативных партий и организаций стран Запада, проведения ежегодных сборищ эмигрантов из социалистических стран, «программа демократии и публичной дипломатии» и т. д.

Многие из этих планов преследовали не только антикоммунистические, но и неразрывно связанные с ними импер-

ские цели. В частности, согласно «программе демократии и публичной дипломатии», СНБ, ЦРУ и некоторые другие американские органы и спецслужбы брали на себя финансирование и инструктирование проамериканских политических партий и деятелей, работников средств массовой информации и судебно-полицейских институтов, членов профсоюзных, религиозных и иных организаций, иностранных студентов и т. д. в желательном для Вашингтона духе и направлении с целью превратить их в обширнейшую агентуру, проводников интересов и влияния США во многих странах.

«То, что для США с их стремлением к гегемонизму стало нормой вмешиваться в дела суверенных государств, — это, конечно, не новость, — отмечалось в Заявлении ТАСС по поводу этой программы. — Примеров тому более чем достаточно: от тайных операций по дестабилизации неудобных Вашингтону правительств и организации покушений на прогрессивных политических деятелей до прямых вооруженных интервенций и актов геноцида. Новым является, пожалуй, то, что правительство США теперь в открытую — в качестве официальной государственной установки — заявляет о своем намерении навязать остальному миру американские порядки как единственно возможные и обязательные... Объявленный... президентом США в его лондонской речи «крестовый поход» против коммунизма мыслится теперь как поход против всех, кто не соглашается с навязываемой Вашингтоном политикой диктата и произвола. Злобными же выпадами в адрес Советского Союза и мира социализма, приправленными проповедями о своей «моральной исключительности», американская администрация как бы оправдывает свои претензии на вседозволенность»⁸⁴.

Имперской агрессивно-реакционной линии правящих кругов США в американско-советских и международных отношениях в целом неизменно противостоит принципиальная советская политика мирного сосуществования, сочетающая готовность к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству с решительным отпором любым посягательствам американского империализма на интересы, права и суверенитет других государств и народов. Программа мира для 80-х годов, принятая XXVI съездом КПСС, последующие мирные инициативы Советского государства открывают широкие возможности для улучшения международной обстановки, для всестороннего сотрудничества со всеми странами, в том числе с США.

СССР исходит из того, что основой для упрочения мира является сохранение военно-стратегического паритета между ним и США, ОВД и НАТО, последовательное ослабление военной конфронтации, неуклонное сокращение вооружений и вооруженных сил, установление доверия между государствами, принадлежащими к различным общественным системам, военно-политическим союзам. В достижении этих целей, а также в развитии экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, совместных усилиях в решении глобальных проблем экологии, энергетики, космоса, демографии и др. заинтересованы как советский, так и американский народы, все человечество.

В ходе встреч и переговоров между представителями СССР и США в 1981—1983 годах американская сторона неоднократно имела возможность убедиться в том, что Советский Союз, продолжая последовательно выступать за смягчение напряженности и улучшение как советско-американских, так и международных отношений в целом, в то же время отнюдь не испугался угрожающей риторики, силового давления и имперских жестов Вашингтона, бесполезных в отношениях с великой социалистической державой, ее союзниками и друзьями.

«В Советском Союзе, — подчеркнул в своих ответах корреспонденту ТАСС министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — делают надлежащие выводы как из все более нарастающей антисоветской пропаганды, попыток извратить наши мирные инициативы, так и из перспективы увеличения реальной угрозы для нашей страны, в случае, если эти планы США начнут осуществляться. Запугать СССР созданием «сверхзащищенных» стратегических ракет «МХ», размещением в Западной Европе «Першингов-2» и крылатых ракет американской администрации не удастся. Ей не следует гипнотизировать себя возможностью достижения военного превосходства над СССР. Из этого ничего не выйдет»⁸⁵.

В начале октября 1982 года в Нью-Йорке состоялись две встречи члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США Дж. Шульцем. Министры обсудили ряд двусторонних и международных вопросов и согласились в том, что для обеих стран важно продолжить обмен мнениями.

15 ноября 1982 г. в Кремле состоялась беседа Ю. В. Андропова с Дж. Бушем и Дж. Шульцем, в которой принял участие А. А. Громыко. Во время беседы Ю. В. Андропов подчеркнул, что «Советский Союз, последовательно прово-

дя политику мира, готов строить отношения с США на основе полного равенства, невмешательства, взаимного уважения в интересах народов обеих стран и оздоровления международной обстановки»⁸⁶.

Однако американская сторона шла на развитие контактов и переговоров с СССР в весьма ограниченных масштабах, проводила непоследовательную линию, используя эти контакты и переговоры в тактических целях и не отказываясь от прежней стратегии, строящейся на антисоветизме, милитаризме и гегемонизме. «Ястребы» и «суперястребы» в Вашингтоне все время выражали опасения, что даже малейшие признаки улучшения отношений с СССР могут пагубно отразиться на американских планах дальнейших крупных увеличений военных расходов.

Не случайно, высказывая на словах готовность к нормализации советско-американских отношений, вашингтонские официальные лица снова и снова выдвигали требования каких-то предварительных уступок со стороны СССР. Государственный секретарь Шульц заявил, например, что США ожидают изменений в «советском поведении» в отношении важных проблем как «существенного свидетельства желания Москвы улучшить отношения с Вашингтоном». В том же духе продолжают высказываться и другие американские деятели. Но каких уступок можно требовать от СССР, когда общеизвестно, что он никаких санкций ни против кого не вводил, от заключенных ранее соглашений не отказывался, переговоров не прерывал. Это делали и делают только США, пытающиеся к тому же вести любые дела с Советским Союзом «с позиции силы».

Во многих своих выступлениях президент Рейган, клеветая на Советский Союз, приписывает ему агрессивные устремления, разглагольствует о «советской военной угрозе», характеризует СССР как «империю зла» и т. п. «Эти крепкие слова, эти оскорбления, в которых упражняются и любят упражняться деятели в Вашингтоне, — заметил в связи с этим член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — они не увеличат возможности для внешней политики США, они только показывают, какой порог приличия в ведении дел с другими государствами, особенно с Советским Союзом, принят сейчас в Вашингтоне. Так не ведут дела»⁸⁷. Жесткая антисоветская политика правящих кругов США никогда не приносила и не принесет им дивидендов, а, наоборот, будет вести их ко все новым кризисам и поражениям.

Сведение внешней политики США в современную эпоху к ярому антисоветизму и антикоммунизму, ставка на военную силу и балансирование на грани войны, имперские претензии вызывают растущий протест и сопротивление во всем мире, в том числе и внутри самой Америки.

Несмотря ни на какие реакционные маневры Вашингтона, Советский Союз и другие социалистические государства успешно решают задачи своего внутреннего развития, последовательно проводят курс на мирное сосуществование, не позволяют и не позволят американским империалистам подорвать сложившийся военно-стратегический паритет между СССР и США, ОВД и НАТО, являющийся одной из надежнейших гарантий обеспечения всеобщего мира.

Потерпели провал попытки экспорта контрреволюции в Польшу, подрыва единства социалистических стран, противопоставления их друг другу. Перед растущей угрозой со стороны ультрареакционных и агрессивных кругов США, их интервенционистских авантюристических акций страны социализма теснее сплачивают свои ряды, укрепляют обороноспособность, повышают бдительность.

Усилилось сопротивление имперской неоколониалистской политике США со стороны развивающихся стран. Освободившиеся, неприсоединившиеся государства в своем подавляющем большинстве решительно осуждают как общий экспансионистский и интервенционистский курс Вашингтона, взвинчивание им гонки вооружений и военных приготовлений, так и конкретные проявления этого курса на Ближнем Востоке и в Центральной Америке, в Юго-Восточной Азии, в Южной и Центральной Африке.

Эксплуатируя людские и материальные ресурсы развивающихся стран, США полностью игнорируют их насущные потребности и интересы. Вашингтон фактически прервал диалог Север — Юг по большинству волнующих их вопросов — от разработки «кодекса поведения» ТНК до глобальных проблем. Вместо обсуждения и решения вопросов неэквивалентного торгового обмена, установления справедливых цен на экспортируемые этими странами товары, рефинансирования и облегчения их финансовой задолженности международными, американскими и другими крупнейшими банками правительство Рейгана предложило им «рейганомику», т. е. предоставление неограниченной свободы деятельности иностранному частному капиталу, военную помощь и репрессивно-полицейские мероприятия для стабилизации их положения,

Твердая линия администрации Рейгана в отношении союзников привела не только к определенному укреплению блоковой дисциплины и вовлечению их в ряд опасных военных приготовлений, но и усилила в то же время центробежную тенденцию в «атлантических» взаимоотношениях, вызвала открытое или скрытое обострение борьбы между США, с одной стороны, Западной Европой, Японией, Канадой и Австралией — с другой, по довольно широкому кругу вопросов. Все ожесточеннее становится конкуренция между капиталистическими державами, особенно в связи с переживаемыми ими всеми в той или иной степени экономическими, энергетическими и другими кризисами. Многие союзники США добиваются от них различных уступок не только в области межимпериалистических отношений, но и по линиям Запад — Восток и Север — Юг, опасаясь, что накапливающийся в мировой экономике и политике горючий материал может рано или поздно вспыхнуть, в первую очередь в результате провокационной, воинствующей имперской политики администрации Рейгана.

Многие американские союзники указывают Вашингтону на бесперспективность его односторонней произраильской политики на Ближнем Востоке, на опасность и бесперспективность попыток решать военно-силовыми методами социальные проблемы карибского региона или расовые проблемы в Южной Африке, на бесполезность и, более того, вред для самого Запада различных «санкций», бойкотов, угроз и т. п. Не выходя за рамки общей империалистической стратегии, не порывая своих военно-политических связей с США, они вместе с тем добиваются более равноправных и взаимовыгодных отношений для себя, а главное — стремятся избежать риска конфронтации и войны с СССР.

Давление западноевропейских и других капиталистических государств явилось одним из факторов, принуждавших администрацию Рейгана подчас отступать от некоторых своих «непримиримых» позиций на мировой арене, маневрировать, более изощренно маскировать или «обосновывать» свой агрессивно-реакционный курс.

Несмотря на все свое нежелание и попытки саботажа, американская дипломатия была вынуждена до конца участвовать в мадридской встрече (1980—1983 гг.) представителей 35 государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и принять вместе с другими ее участниками Итоговый документ, предусматривавший, в частности, созыв конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружения в Европе.

Резкому и неоднократному осуждению как на сессиях Генеральной Ассамблеи, так и в Совете Безопасности и других советах и комитетах ООН подвергались американская военная политика, а также политика и действия США в отношении Центральной Америки, Ближнего Востока и Юга Африки. Во многих случаях представители рейгановской администрации оказывались в почти полной морально-политической изоляции, ее агрессивные имперские акции единодушно осуждались мировым общественным мнением.

С каждым месяцем усиливалась критика политики консервативных республиканцев и внутри США. Реалистически мыслящие представители истеблишмента, общественных кругов, рядовые американцы, на плечи которых ложились социальные последствия «рейганомии» и бешеной гонки вооружений, выступали за то, чтобы приоритет был отдан многочисленным «большим» проблемам американского общества, а не внешним военно-политическим авантюрам, выгодным лишь американским монополиям, «торговцам смертью», фанатичным антикоммунистам. Многие из них отдавали себе отчет в том, что напыщенные имперские лозунги Рейгана и его окружения не имеют ничего общего с демократическими идеалами и традициями Америки, которыми они не устают манипулировать в чисто демагогических целях. «Конечно, деятельность американских корпораций и военных распространяется ныне на большую часть земного шара и даже на космос, — писал известный радикальный политолог и публицист М. Раскин. — Но может ли кто-нибудь сказать, что в результате этого улучшилась повседневная жизнь американцев? Мы продолжаем проводить политику, основывающуюся на предпосылке, будто бы то, что хорошо для «Экссон» (крупнейшая нефтяная монополия США. — Ю. М.) или для министерства обороны, в действительности хорошо и для страны. Но это — глупо». Безудержная гонка вооружений, отмечает Раскин, грозит Америке гибелью того, что эта гонка якобы должна защитить, то есть «страны, народа, общества»⁸⁸.

Особенно огромные масштабы, сравнимые лишь с антивоенным движением в период грязной войны во Вьетнаме, приняла в США кампания против угрозы «атомной смерти», за замораживание ядерных вооружений и разоружение, в которой приняли участие многие общественные, научные, религиозные, женские, студенческие и другие организации.

На выборах в конгресс США в ноябре 1982 года в пяти штатах страны был проведен своего рода референдум

по вопросу о взаимном замораживании Соединенными Штатами и Советским Союзом испытаний, производства и развертывания ядерных вооружений, а также ракет и других современных средств доставки ядерного оружия. Большинство избирателей (около 20 млн.) в 8 из этих штатов, включая Калифорнию, проголосовали за такое замораживание.

В поддержку замораживания выступили влиятельная организация «Врачи — за социальную ответственность», насчитывающая десятки тысяч членов, объединение «Бизнесмены, встревоженные опасностью ядерной войны», «Женское движение за ядерное разоружение» и др. Сначала (май 1983 г.) католические епископы, а затем (июнь) руководство пресвитерианской церкви в США приняли послания, в которых осуждалась ядерная война.

Хотя в результате действий администрации Рейгана опасность мировой ядерной войны резко возросла, заявил Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл в отчетном докладе XXIII съезду партии, «сама острота этой опасности привела к возникновению значительно более мощной оппозиции политике войны. Миллионы тех, кто участвует в нескончаемых массовых манифестациях в ФРГ, Голландии, Англии и Италии, — беспрецедентное явление. В США за всю историю никогда еще столь большое число американцев не выражало протест против политики войны, проводимой их правительством»⁸⁹.

Различные политические деятели, ученые, обозреватели указывали на примитивизм и анахронизм взглядов и подходов администрации Рейгана ко взаимоотношениям Америки с окружающим ее миром. «Предпосылки внешней политики США не изменились по сравнению с концом 40-х годов, — писала известная американская обозревательница Ф. Льюис, — ... решения, принятые после войны, остаются основными директивами для американской политики. Но мир резко изменился. Советский Союз стал ядерной сверхдержавой глобального масштаба. Западная Европа полностью восстановилась, хотя она еще слишком разделена, чтобы действовать как единая сила... В мире множество бедных стран, которые обнаруживают, что одной независимости мало, и отчаяние там доходит до взрывоопасной точки... Выросли новые поколения людей, и они больше не принимают на веру переданные им по наследству взгляды... Таким образом, пришло время для нового широкого взгляда на внешнюю политику... Это необходимо сделать, чтобы избежать катастрофы»⁹⁰.

Правящие круги США стремятся спасти, укрепить и расширить свою «невидимую» империю путем все большего «освоения», а точнее закабаления ее американскими транснациональными корпорациями, включения все новых частей в систему военно-стратегической зависимости от США и их политико-идеологического подчинения. Но безжалостная экономическая эксплуатация, возрастающее бремя военных расходов, американизация экономики, обороны, политики и морали стран, попавших в сферу «жизненных интересов», а точнее господства американского империализма, ведут к резкому ухудшению их социально-экономического положения, к обострению противоречий между национально-освободительными силами и проимпериалистическими кругами, к подъему революционной, антиимпериалистической борьбы. Причем эта борьба наиболее масштабна и интенсивна именно в тех странах, где американские империалисты хозяйничали наиболее «свободно и уверенно» (Эфиопия, Иран, Никарагуа, Сальвадор и др.).

Имперская политика США усиливает и ускоряет обострение не только внешних, но и внутренних противоречий американского империализма. В результате отпадения от капиталистической системы все новых государств, осуществления национализации многими освободившимися странами, роста конкуренции со стороны крепнущих других империалистических держав «свобода действий» и прибыли американских монополий ограничиваются, и подчас весьма значительно. И если раньше финансовая олигархия США могла за счет обильных заграничных сверхприбылей подкармливать рабочую и бюрократическую «белую аристократию» Америки, то теперь она все чаще вынуждена прибегать к возмещению своих потерь за рубежом усилением ограбления и эксплуатации собственного народа. К этому добавляется рост государственных, т. е. за счет налогоплательщиков, расходов на нужды Пентагона, на содержание «иностранных легионов», сооружение баз и т. д., на охрану «жизненно важных интересов и регионов», т. е. сфер активности монополий США, на «оборону» их империи. Чрезмерное разбухание статей военного бюджета ведет к резкому сокращению расходов на социальные и другие внутренние нужды, к снижению жизненного уровня американских трудящихся, к опасному и нежелательному для господствующих классов страны обострению классовой борьбы внутри самой Америки.

Под воздействием принципиальной миролюбивой советской политики, развернувшегося во всем мире массового

антивоенного движения, давления неприсоединившихся и даже ряда союзных государств, социально-экономических трудностей и ряда других факторов администрация Рейгана вынуждена была прибегнуть к различным маневрам, чтобы, не меняя сущности своей политики, в то же время обеспечить ей большую поддержку со стороны американских избирателей и союзников.

С одной стороны, президент и его окружение стали изображать из себя сторонников мира, переговоров и разоружения, утверждать, что их военные приготовления направлены якобы на обеспечение всеобщей безопасности и успеха переговоров по ограничению вооружений. Видный западно-германский журналист К. Бертрам следующим образом охарактеризовал цель подобных спекуляций: «Администрация Рейгана, чувствуя страстное стремление американцев к установлению контроля над вооружениями, сделала для себя открытие, что большие военные программы часто получают необходимую политическую поддержку только в том случае, если они могут быть представлены как первый шаг в направлении такого контроля»⁹¹.

Новейшей американской МБР МХ, являющейся оружием первого удара чудовищной разрушительной силы, Рейган, например, лицемерно присвоил название «хранитель мира» («peace-keeper») и представил ее конгрессу как средство давления на Советский Союз, с тем чтобы он пошел на соглашение о разоружении, которое давало бы США односторонние преимущества.

С другой стороны, правительство Рейгана стремилось использовать любую возможность для дальнейшего разжигания в стране милитаристской шовинистической истерии, лжепатриотических и антикоммунистических настроений. Позорное вторжение США на Гренаду было изображено, в частности, как славный боевой подвиг американских солдат, как демонстрация силы и решимости Вашингтона «защищать американские жизни и интересы», как «предупреждение» всем государствам и правительствам не затрагивать эти «интересы» и т. д. Одна за другой в США непрерывно развертывались воинствующие антисоветские, антикубинские, антипольские, антиникарагуанские, антивьетнамские и прочие подобные кампании, имеющие целью держать американцев в состоянии страха, готовности к войне, вражды и ненависти к другим странам и народам.

Инспирируя и возглавляя эти кампании, члены администрации США во главе с самим президентом неоднократно позволяли себе откровенно выражать имперское пре-

небрежение к мировому общественному мнению, борцам за мир, демократическим организациям, ООН, даже к союзникам и конгрессу США (Рейган, например, заявил, что он будет продолжать увеличивать военные ассигнования, несмотря на возможную оппозицию конгресса, несмотря на подъем антивоенного движения в стране).

Слепая приверженность администрации Рейгана к глобальной антикоммунистической, имперской политике обуславливалась в значительной мере не только все возрастающей мощью транснациональных корпораций и военно-промышленного комплекса, влиянием их агрессивно-реакционных устремлений, но и такими факторами, как ожесточенное сопротивление ультраправых любым «отступлениям от империи», от погони за военным превосходством, от «крестового похода» против СССР. Ставя своих людей у кормила власти, они и «программировали» их в соответствии со своими гегемонистскими идеями и планами, подстегиваемые паническим страхом, что если отступить от своей жесткой имперской линии, то может быть упущен последний шанс на «победу над коммунизмом», на завоевание мирового господства Америки. Причем эти страхи, очевидно, близки и понятны самому хозяину Белого дома и его ближайшему окружению, всячески уклоняющимся от внесения реалистических и давно назревших изменений в политику США.

Но в обострившейся в последние годы борьбе двух противоположных курсов и противостоящих сил на мировой арене — социализма и империализма историческая правда принадлежит тем, кто выступает за мирное и счастливое будущее всего человечества, а не тем, кто мечтает огнем, железом и кровью установить господство американской правящей элиты над всем миром. «Ход международных событий, — подчеркнул, выступая на восьмой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, А. А. Громыко, — определяется, если выделить главное, противоборством двух линий: одной — на сохранение и укрепление мира; другой, противоположной, — на подрыв его устоев. Советский Союз, другие социалистические страны, подавляющее большинство государств, в том числе из тех, которые принадлежат к иному общественному строю, однозначно выступают в пользу мира»⁹². Упорное игнорирование этого факта руководством одной из крупнейших и наиболее мощных держав мира — Соединенных Штатов Америки создает серьезную опасность для судеб человечества, в том числе и самих американцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истоки имперской политики США уходят в далекое прошлое — к моменту возникновения новой заокеанской республики. Рожденная в огне революционной национально-освободительной борьбы против английского господства, эта республика провозгласила передовые для своего времени идеи суверенитета и равноправия народов, заявила об их праве на свободу, счастье и свержение тирании. Эти идеи оказали большое влияние на подготовку французской буржуазной революции, развертывание войны латиноамериканских стран за освобождение от господства испанской монархии.

Однако как в области внутренней политики первая американская революция оказалась ограниченной и непоследовательной, провозгласив лишь формальное равенство всех людей, сохранив рабство негров, приведя к власти имущие классы плантаторов и буржуазии, так и во внешней политике она не пошла дальше освобождения, объединения и защиты 13 первоначальных штатов, образовавших молодую североамериканскую нацию.

Соединенные Штаты очень быстро не только втянулись в господствовавшую на рубеже XVIII — XIX веков феодально-буржуазную систему международных отношений, основывавшуюся на доктринах подчинения слабого сильному, экспансии, захвата чужих земель, создания огромных заморских империй, но и «незаметно» стали одним из активнейших ее членов. Они не просто предали освободительные, демократические идеалы собственной революции, но извратили их, поставили на службу своим классово-националистическим, экспансионистским, имперским устремлениям.

Мифы и иллюзии о «примере» Америки и ее «ответственности» за «защиту свободы и демократии» и распространение их по всему миру помогли и помогают господствующим классам США маскировать подлинные цели: создание сначала территориальной, континентальной и панамериканской, а затем «невидимой» мировой империи.

Оборотной стороной этих иллюзий являются великодержавный шовинизм и джингоизм, самонадеянность силы и высокомерное отношение к другим странам и народам, пренебрежение к международным законам и договорам, игнорирование общественного мнения, наконец, искаженное восприятие реальной действительности.

Быстрое наращивание экономической, а затем и военной силы США способствовало дальнейшему развитию американской имперской идеологии и политики. Великая американская «демократия» развязала в 1898 году против Испании первую в истории локальную империалистическую войну за передел мира и приняла самое активное участие в подготовке и ведении первой мировой империалистической войны за установление мирового господства.

Противодействие других империалистических держав, победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, подъем освободительной революционной борьбы народов в условиях начавшегося общего кризиса мирового капитализма нанесли серьезный удар по расчетам американского империализма продиктовать свои условия мира в 1918 году. Появление государства новой, социалистической формации, его активная миролюбивая интернационалистская политика, рост антивоенной, антиимпериалистической, антиколониальной борьбы народных масс стали непреодолимым препятствием для любых претендентов на мировое господство. Итоги второй мировой войны свидетельствовали о росте сил, противодействующих их имперским притязаниям. В борьбе за мир и социальную справедливость объединили свои усилия Советский Союз и другие социалистические страны, революционные, национально-освободительные, прогрессивные движения и режимы. Лишь Соединенные Штаты, единственная империалистическая держава, укрепившая свою мощь в результате второй мировой войны, не отказались от претензий на мировое господство.

Апеллируя к империалистическим доктринам «защиты национальной безопасности», «поддержания мирового порядка», ценой огромных усилий и средств американскому империализму удалось занять господствующие позиции в рамках капиталистического мира, опутать большую его часть сетями экономической, военно-стратегической, политико-дипломатической, идеологической и прочей «взаимозависимости», создать последнюю неокOLONиалистского типа «невидимую» американскую империю.

Видя в СССР и других социалистических странах глав-

ное препятствие на пути реализации этих агрессивных устремлений, они развернули против них «холодную войну», повели яростное наступление на революционные, национально-освободительные движения, взяли курс на достижение военного превосходства с помощью гонки вооружений, подготовку «малых» и больших войн, организацию блокад и интервенций. Таким образом господствующая элита США рассчитывала сохранить целостность капиталистического мира под американским господством, «отбросить коммунизм», насильственно ликвидировать социалистическую систему. Этот курс привел к росту напряженности в международных отношениях и военной опасности, к возникновению все новых кризисов и конфликтов, к попыткам экспорта контрреволюции и вмешательству американского империализма во внутренние дела других стран, к вооруженной агрессии США против Вьетнама.

Глобальная антикоммунистическая имперская политика США, однако, не только не привела к «сдерживанию» и «отбрасыванию коммунизма», но и не предотвратила прогрессирующей эрозии, распада мировой американской империи. Успехи СССР и других стран в строительстве социализма, рост числа государств, сбросивших колониальное иго, развитие и укрепление антивоенного движения, подъем борьбы народов за национальную независимость и социальный прогресс означали серьезные поражения американского империализма. Ликвидация стратегической неуязвимости Америки и достижение Советским Союзом военно-стратегического паритета с США, крах американской агрессии против вьетнамского и других народов, общее изменение соотношения сил в пользу социализма на международной арене, ослабление позиций США внутри капиталистического мира свидетельствовали о том, что курс господствующей элиты Америки на установление «Pax Americana» терпит провал.

Осознание необходимости определенного «отступления от империи», приспособления к окружающей действительности, уменьшения опасности возникновения войн, особенно всеобщей ядерной, нормализации отношений с СССР и другими государствами заставило Вашингтон проводить более реалистическую политику, явившуюся важным фактором общего улучшения международной обстановки, особенно в конце 60 — первой половине 70-х годов.

Однако наиболее воинствующие, антикоммунистически настроенные шовинистические круги американского истеблишмента остались верны своим консервативным воззрени-

ям, не захотели извлечь должных уроков из провалов имперской политики США, не смогли отказаться от нее. Эти круги развернули мощную кампанию против политики равноправных переговоров и соглашений с другими государствами, в первую очередь с СССР. Они выступили за проведение нового раунда борьбы за превосходство и господство Америки на мировой арене. Им удалось вновь резко ужесточить внешнюю политику США, привести к власти своих прямых ставленников — консервативных республиканцев во главе с президентом Рейганом.

Имперские притязания и иллюзии, антисоветизм и антикоммунизм, ставка на гонку вооружений и военную силу вновь стали наиболее характерными и вызывающими чертами внешней политики США, очередного «крестового похода» американского империализма за мировую гегемонию. Неизбежными результатами этого явились резкое обострение международной обстановки, возникновение все новых кризисов и конфликтов, усиление военной угрозы. И эта опасность тем более велика, что американское руководство, проводя имперскую силовую политику, принимает волюнтаристские решения, игнорирует сложившееся соотношение сил, не считается с позициями других стран, в том числе своих ближайших союзников. Ведущую империалистическую державу, обладающую огромным ядерным потенциалом, способным уничтожить все живое на Земле, возглавляют люди, не отдающие себе в этом отчета, с постыдным легкомыслием манипулирующие в своих планах судьбами народов.

«Опасность империалистической политики непрерывного нагнетания напряженности стала очевидной, — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, выступая на встрече с избирателями 2 марта 1984 г. — Чем большую угрозу создает она человеческой цивилизации, тем активнее становятся силы самосохранения человечества».

Американские претенденты на мировое империалистическое господство, продолжающие накапливать и создавать все новые средства массового уничтожения, разрабатывать человеконенавистнические теории для обоснования необходимости защиты своих «жизненно важных интересов», должны быть остановлены раньше, чем они в своем классово-националистическом ослеплении и безумии развяжут войну за такое господство. К этому должны стремиться, ради этого должны объединиться все миролюбивые и прогрессивные силы на нашей планете.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 48.
- ² A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897, vol. I. Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1900, p. 322.
- ³ The Shaping of American Diplomacy. Readings and Documents in American Foreign Relations, 1750—1955. Ed. by W. Williams. Chic., 1956, p. 103.
- ⁴ Weinberg A. Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 19.
- ⁵ Ibid., p. 22.
- ⁶ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 342.
- ⁷ Там же, с. 345.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 276.
- ⁹ Jefferson T. Memoirs, Correspondence and Private Papers, vol. I. L., 1829, p. 435.
- ¹⁰ Foster J. A Century of American Diplomacy, 1776—1876. Boston, 1900, p. 204.
- ¹¹ The Shaping of American Diplomacy..., p. 158.
- ¹² См. История дипломатии, т. I. М., 1959, с. 512.
- ¹³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 453.
- ¹⁴ Hamilton A. The Federalist. N. Y., 1934, p. 50.
- ¹⁵ Beard C. A. and M. R. The Rise of American Civilization, vol. I. N. Y., 1944, p. 435—436.
- ¹⁶ Wertenbaker C. A New Doctrine for Americas. N. Y., 1941, p. 58, 62.
- ¹⁷ Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897, vol. II. Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1900, p. 218—220.
- ¹⁸ Annals of congress, 17-th congress, 2-nd session, p. 682—683.
- ¹⁹ Beard C. A. and M. R. Op. cit., vol. I, p. 582.
- ²⁰ The Shaping of American Diplomacy..., p. 332.
- ²¹ The Record of American Diplomacy. Documents and Readings in the History of American Foreign Relations. Ed. by R. Bartlett. N. Y., 1950, p. 356.
- ²² Цит по: Beard C. A. and M. R. Op. cit., vol. II, p. 358.
- ²³ House Executive Documents. 33-th congress, 2-nd session, vol. 2, p. 180.
- ²⁴ Dulles F. America in the Pacific. Boston, 1938, p. 62—63.
- ²⁵ См. Beard C. A. and M. R. Op. cit., vol. II, p. 35.
- ²⁶ Fiske Y. American Political Ideas. N. Y., 1885, p. 151; The Shaping of American Diplomacy..., p. 332.
- ²⁷ Schlesinger A. The Rise of Modern America 1865—1951. N. Y., 1954, p. 171.
- ²⁸ Ibid., p. 172.

- ²⁹ The Record of American Diplomacy..., p. 343—345.
- ³⁰ Ibid., p. 345.
- ³¹ Цит. по: **Vagts A.** Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. II. L., 1935, S. 1380.
- ³² Congressional Record, 1900, Jan. 9, p. 704 and oths.
- ³³ Цит. по: Harper's, May 1976, p. 39.
- ³⁴ Цит. по: **Beard C. A.** and **M. R.** Op. cit., vol. II, p. 205.
- ³⁵ **Huberman L.** America Incorporated. Recent Economic History of the United States. N. Y., 1940, p. 76—77.
- ³⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 27, с. 382—383.
- ³⁷ The Evolution of Our Latin-American Policy. A Documentary record. Comp. and Ed. by J. Gantenbein. N. Y., 1950, p. 362.
- ³⁸ **Wertebaker C.** Op. cit., p. 64—65.
- ³⁹ **Baker R.** Woodrow Wilson, Life and Letters, vol. IV. N. Y., 1931, p. 85.
- ⁴⁰ Harper's, May 1976, p. 40.
- ⁴¹ **Denny L.** America Conquers Britain. A Record of Economic War. N. Y., 1930, p. 32.
- ⁴² Congressional record, v. 57, p. 3915.
- ⁴³ Цит. по: **Beard C. A.** and **M. R.** Op. cit., vol. II, p. 682.
- ⁴⁴ **Denny L.** Op. cit., p. 63.
- ⁴⁵ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1940. N. Y., 1941, p. 6.
- ⁴⁶ The Moffat Papers. Selections from the Diplomatic Journals of Jay Pierrepont Moffat 1919—1943. Ed. by N. Hooker. Cambridge, 1956, p. 333.
- ⁴⁷ The Economic Defense of the Western Hemisphere: A Study in Conflicts. Wash., 1941, p. 13.
- ⁴⁸ **Luce H. R.** The American Century. N. Y., 1941, p. 27.
- ⁴⁹ **См. Shoup L., Minter W.** Imperial Brain Trust. The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N. Y., 1977, p. 163—164.
- ⁵⁰ **Culbertson E.** Total Peace. What Makes Wars and How to Organize Peace. Garden City, 1943, p. 208—209.
- ⁵¹ **Miller D.** You can't Do Business with Hitler. N. Y., 1942, p. 160—167.
- ⁵² The Private Papers of Senator Vandenberg. Ed. by A. Vandenberg Jr. Boston, 1952, p. 267.
- ⁵³ Department of State Bulletin, 1946, Oct. 13, p. 679—681.
- ⁵⁴ **Burnham J.** The Struggle for the World. N. Y., 1947, p. 183—184.
- ⁵⁵ Ibid., p. 177—181.
- ⁵⁶ Documents on American Foreign Relations, vol. IX, Jan. 1—Dec. 31, 1947. Ed. by R. Dennett and R. Turner. Princeton, 1949, p. 409.
- ⁵⁷ Ibid., p. 410.
- ⁵⁸ **Fleming D.** The Cold War and its Origins 1917—1960, vol. I. L., 1961, p. 446—447, 475—476.
- ⁵⁹ The Forrestal Diaries. Ed. by W. Millis. N. Y., 1951, p. 272.
- ⁶⁰ **Swomley J.** American Empire. The Political Ethics of Twentieth Century Conquest. N. Y., 1970, p. 116.
- ⁶¹ Documents on American Foreign Relations, 1956. Ed. by R. Zinner. Princeton, 1957, p. 103—104.
- ⁶² **Stebbins R.** The United States in World Affairs 1957. N. Y., 1958, p. 46.
- ⁶³ U. S. News and World Report, 1960, March 14, p. 68—70.
- ⁶⁴ Department of State Bulletin, 1962, Febr. 12, p. 238.
- ⁶⁵ Worker, 1961, Nov. 19.

- ⁶⁶ См. American Foreign Policy: Current Documents, 1962. Wash., 1966, p. 28—29.
- ⁶⁷ Department of State Bulletin, 1967, July 3, p. 22.
- ⁶⁸ Beyond Containment. U. S. Foreign Policy in Transition. Ed. by R. Tucker and W. Watts. Wash., 1973, p. XXV.
- ⁶⁹ International Herald Tribune, 1976, Sept. 30.
- ⁷⁰ См. **Osgood R.** and oths. Retreat from Empire? First Nixon Administration. Baltimore, 1973.

Глава II

- ¹ См. International Economic Report of the President 1976. Wash., 1976, p. 64—65.
- ² Hearings before the Subcommittee on Security Agreements and Commitments Abroad... U. S. Senate, 1970, Nov. 24, p. 2417.
- ³ **Shoup L.** and **Minter W.** Op. cit., p. 254.
- ⁴ См. Foreign Policy, Summer 1976, p. 65—96.
- ⁵ U. S. News and World Report, 1976, March 15, p. 25.
- ⁶ Harper's, May 1976, p. 38.
- ⁷ Los Angeles Times, 1974, March 4.
- ⁸ New York Times, 1974, March 10.
- ⁹ Правда, 1974, 19 дек.
- ¹⁰ Washington Star-News, 1974, March 12.
- ¹¹ The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 1024.
- ¹² International Herald Tribune, 1973, Oct. 29.
- ¹³ Правда, 1975, 21 мая.
- ¹⁴ См. **Conquest P.** Present Danger. Toward a Foreign Policy. Stanford, 1979, p. 85.
- ¹⁵ Reader's Digest, June 1975, p. 9.
- ¹⁶ См. U. S. News and World Report, 1975, Dec. 8, p. 20; Dec. 22, p. 26—27.
- ¹⁷ New York Times, 1976, Febr. 28.
- ¹⁸ Правда, 1974, 9 марта.
- ¹⁹ Newsweek, 1976, Nov. 29, p. 48.
- ²⁰ Цит. по: **Smith H.** and oths. Reagan the Man, the President. Oxford, 1980, p. 17.
- ²¹ Harper's, May 1976, p. 38, 50.
- ²² Правда, 1976, 3 окт.
- ²³ Newsweek, 1976, Oct. 18, p. 53.
- ²⁴ American Foreign Relations 1977. A Documentary Report. Ed. by E. Adam with an intr. by R. Stebbins. N. Y., 1979, p. 151—152.
- ²⁵ American Foreign Relations 1977., p. 153.
- ²⁶ New York Times, 1977, Febr. 6.
- ²⁷ См. International Herald Tribune, 1976, Oct. 14.
- ²⁸ International Security, Winter 1978, p. 91.
- ²⁹ American Foreign Relations 1977, p. 154—155, 157.
- ³⁰ См. U. S. News and World Report, 1977, March 28, p. 24.
- ³¹ International Herald Tribune, 1979, Dec. 19.
- ³² Правда, 1978, 24 июля.
- ³³ Foreign Policy, Summer 1976, p. 86—87.
- ³⁴ См. International Security, Winter 1978, p. 97.
- ³⁵ См. American Foreign Relations 1977., p. 173.
- ³⁶ New York Times, 1978, Febr. 19.
- ³⁷ News Bulletin. American Embassy. Moscow, 1978, Jan. 24.
- ³⁸ Department of State Bulletin, 1977, Dec. 5, p. 832.

- ³⁹ Newsweek, 1977, May 2, p. 48.
- ⁴⁰ Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. N. Y., 1982, p. 142.
- ⁴¹ Foreign Policy, Summer 1976, p. 92.
- ⁴² Foreign Affairs, Oct. 1976, p. 9—10.
- ⁴³ Цит. по: Правда, 1976, 24 июля.
- ⁴⁴ International Herald Tribune, 1977, Jan. 25.
- ⁴⁵ Department of State Bulletin, July 1978, p. 21.
- ⁴⁶ News Bulletin. American Embassy. Moscow, 1978, Apr. 11, p. 2.
- ⁴⁷ Цит. по: Правда, 1977, 12 авг.
- ⁴⁸ См. International Herald Tribune, 1978, May 31.
- ⁴⁹ См. Правда, 1978, 22 июня.
- ⁵⁰ Global Political Assessment, No 6, 1978, Apr.—Oct., p. 3.
- ⁵¹ Washington Post, 1978, Nov. 26.
- ⁵² Official Text. American Embassy. Moscow, 1977, Dec. 29, p. 6.
- ⁵³ Цит. по: Правда, 1978, 23 марта и 11 апр.
- ⁵⁴ См. Правда, 1977, 27 марта.
- ⁵⁵ International Herald Tribune, 1978, May 31.
- ⁵⁶ Official Text. American Embassy, Moscow, 1977, Dec. 29, p. 2.
- ⁵⁷ См. News Bulletin. American Embassy. Moscow, 1978, Jan. 3, p. 1.
- ⁵⁸ Washington Post, 1976, Aug. 6; News Bulletin. American Embassy. Moscow, 1978, Jan. 12, p. 1—2.
- ⁵⁹ Newsweek, 1978, May 8, p. 14.
- ⁶⁰ Правда, 1979, 9 марта.
- ⁶¹ International Herald Tribune, 1977, July 7.
- ⁶² См. Правда, 1977, 2 и 3 апр.
- ⁶³ Правда, 1977, 1 апр.
- ⁶⁴ См. International Herald Tribune, 1977, June 13.
- ⁶⁵ См. Newsweek, 1977, Febr. 28, p. 8.
- ⁶⁶ U. S. News and World Report, 1977, May 30, p. 35.
- ⁶⁷ International Herald Tribune, 1978, Febr. 14.
- ⁶⁸ Правда, 1977, 2 окт.
- ⁶⁹ См. International Herald Tribune, 1978, March 2.
- ⁷⁰ Foreign Policy, Fall 1978, p. 64—67.
- ⁷¹ См. Internews, 1978, Dec. 4, p. 4.
- ⁷² American Foreign Relations, 1978. A Documentary Record. Ed by E. Adam. N. Y., 1979, p. 209.
- ⁷³ Правда, 1978, 31 мая.
- ⁷⁴ Foreign Affairs, Fall 1978, p. 14—15.
- ⁷⁵ New York Times Magazine, 1978, Dec. 31, p. 9.
- ⁷⁶ См. Правда, 1978, 16 июня.
- ⁷⁷ См. Правда, 1978, 1 сент.
- ⁷⁸ U. S. News and World Report, 1977, Dec. 26 (1978) — Jan. 2 (1979), p. 48.
- ⁷⁹ См. Правда, 1978, 8 марта.
- ⁸⁰ Washington Star, 1978, Nov. 10.
- ⁸¹ International Herald Tribune, 1977, Oct. 10, Dec. 17—18.
- ⁸² American Foreign Relations 1978., p. 163—169.
- ⁸³ См. Правда, 1978, 19 марта.
- ⁸⁴ Правда, 1978, 26 июня.
- ⁸⁵ International Herald Tribune, 1978, March 23.
- ⁸⁶ Правда, 1978, 9 авг.
- ⁸⁷ Правда, 1978, 16 авг.
- ⁸⁸ Washington Post, 1978, Nov. 4.
- ⁸⁹ Times, 1979, Dec. 14.
- ⁹⁰ Washington Report, Oct. 1978, p. 5.
- ⁹¹ См. Правда, 1978, 24 авг.

- 92 Washington Post, 1978, Dec. 2.
 93 New York Times, 1979, Apr. 6.
 94 См. U. S. News and World Report, 1978, Nov. 13, p. 36.
 95 New York Times, 1978, Nov. 15.
 96 См. Правда, 1980, 5 июня.
 97 New York Times, March 16, 1979.
 98 См. New York Times, 1979, Febr. 6.
 99 New York Times, 1979, Febr. 26.
 100 См. International Herald Tribune, 1979, Apr. 21—22.
 101 New York Times, 1979, Febr. 21.
 102 New York Times, 1979, March 16.
 103 См. New York Times, 1979, March 7.
 104 U. S. News and World Report, 1978, Dec. 25 (1979) — Jan. 1 (1980), p. 37.
 105 International Herald Tribune, 1979, June 23.
 106 См. New York Times, 1978, Nov. 15.
 107 Remarks of dr. Zbigniew Brzezinski... Office of the White House Press Secretary. Wash., 1978, Dec. 20, p. 6.
 108 См. New York Times Magazine, 1978, Dec. 31, p. 11.
 109 Washington Post, 1978, Nov. 19.
 110 См. Süddeutsche Zeitung, 1979, Sept. 27.
 111 См. Time, 1979, Sept. 17, p. 18.
 112 См. Neue Zürcher Zeitung, 1979, Oct. 23.
 113 Newsweek, 1979, May 21, p. 16.
 114 International Herald Tribune, 1979, Oct. 12.
 115 Süddeutsche Zeitung, 1979, Oct. 12.
 116 U. S. News and World Report, 1979, July 30, p. 27.
 117 См. International Herald Tribune, 1979, Dec. 19.
 118 International Herald Tribune, 1980, Febr. 16—17.
 119 Цит. по: Правда, 1981, 3 янв.
 120 International Herald Tribune, 1981, Apr. 21.
 121 Time, 1980, Febr. 4, p. 10—11.
 122 Цит. по: Правда, 1980, 9 февр.
 123 Foreign Affairs, Spring 1979, p. 791—792.
 124 Times, 1980, Apr. 14.
 125 Правда, 1980, 26 июля.
 126 Financial Times, 1980, June 24.
 127 International Herald Tribune, 1980, Aug. 14.
 128 New York Times, 1978, Nov. 30.
 129 См. Washington Post, 1978, Nov. 19.
 130 Internews, 1978, Dec. 18, p. 3.
 131 Fortune, 1979, Apr. 23, p. 73.
 132 См. Правда, 1980, 30 июля.
 133 Defense Secretary Speech at the Naval War College. — Official Text. American Embassy. Moscow, 1980, Aug. 21.
 134 См. Правда, 1980, 28 сент.; 1981, 9 марта.
 135 См. Правда, 1980, 29 сент.
 136 Newsweek, 1980, Aug. 18, p. 33.
 137 Цит. по: Правда, 1980, 22 авг.

Глава III

¹ International Security, Winter 1978, p. 95.

² Times, 1982, March 19.

³ Smith H. and oths. Op. cit., p. 23.

- 4 Ibid., p. 85.
- 5 Ibid., p. 97.
- 6 Ibid., p. 81.
- 7 Ibid.
- 8 Ibid., p. 87—88.
- 9 Newsweek, 1981, Febr. 2, p. 5.
- 10 Neue Zürcher Zeitung, 1980, Juli 17.
- 11 International Herald Tribune, 1980, July 21.
- 12 International Herald Tribune, Jan. 21, 1981.
- 13 См. Financial Times, 1980, June 25.
- 14 Times, 1981, Jan. 6.
- 15 См. Times, 1981, Jan. 10 and 26; Financial Times, 1981, Jan. 10.
- 16 International Herald Tribune, 1981, Jan. 30.
- 17 Цит. по: Правда, 1981, 7 марта.
- 18 См. Newsweek, 1981, March 16, p. 4; Time, 1981, March 23, p. 45.
- 19 Annual Report to the Congress. **Caspar W. Weinberger** Secretary of Defense. Fiscal Year, 1983. Wash., 1982, p. 1—16.
- 20 Times, 1981, May 6; International Herald Tribune, 1981, May 7.
- 21 Frankfurter Allgemeine, 1981, June 19.
- 22 Правда, 1982, 12 июля.
- 23 См. Frankfurter Allgemeine, 1981, Juni 13.
- 24 Правда, 1981, 21 окт., Frankfurter Allgemeine, 1981, Oct. 22.
- 25 Süddeutsche Zeitung, 1981, Nov. 12.
- 26 См. Известия, 1982, 22 июня.
- 27 International Herald Tribune, 1982, Oct. 20.
- 28 Правда, 1983, 27 марта.
- 29 Department of State Bulletin, Febr. 1981, p. 14.
- 30 Цит. по: Правда, 1981, 12 июля.
- 31 International Herald Tribune, 1981, May 11.
- 32 Financial Times, 1981, Apr. 8; Neue Zürcher Zeitung, 1981, Apr. 9.
- 33 International Herald Tribune, 1981, Apr. 20.
- 34 Правда, 1983, 25 нояб.
- 35 Times, 1982, Febr. 5.
- 36 Цит. по: Правда, 1982, 12 дек.
- 37 Financial Times, 1981, May 28; Frankfurter Allgemeine, 1981, Mai 29.
- 38 См. International Herald Tribune, 1981, Oct. 12.
- 39 International Herald Tribune, 1981, Apr. 20.
- 40 См. Правда, 1982, 18 марта.
- 41 Цит. по: Правда, 1982, 24 мая.
- 42 См. Правда, 1982, 30 апр.
- 43 Правда, 1983, 29 сент.
- 44 Правда, 1981, 30 апр.
- 45 Süddeutsche Zeitung, 1981, Nov. 16.
- 46 Правда, 1983, 17 июня.
- 47 Department of State Bulletin, Febr. 1981, p. j.
- 48 Правда, 1981, 3 февр.
- 49 См. U. S. News and World Report, 1982, Apr. 12, p. 32.
- 50 International Herald Tribune, 1981, March 2.
- 51 International Herald Tribune, 1981, March 19.
- 52 См. International Herald Tribune, 1982, Apr. 12.
- 53 См. Department of State Bulletin, Apr. 1982, p. 1 7.
- 54 Financial Times, 1982, March 10.
- 55 См. Süddeutsche Zeitung, 1981, Juni 4.
- 56 Financial Times, 1981, Aug. 21.
- 57 См. Правда, 1983, 10 авг.
- 58 См. Times, 1981, June 6.

- ⁵⁹ Times, 1981, March 31.
- ⁶⁰ Newsweek, 1981, Oct. 12, p. 8.
- ⁶¹ U. S. News and World Report, 1982, Apr. 12, p. 26.
- ⁶² См. Time, 1982, Oct. 25, p. 25.
- ⁶³ Цит. по: Правда, 1981, 31 окт.
- ⁶⁴ Правда, 1982, 15 марта.
- ⁶⁵ Правда, 1981, 19 марта.
- ⁶⁶ Красная Звезда, 1981, 12 июля.
- ⁶⁷ Baltimore Sun; 1981, July 5.
- ⁶⁸ Neue Zürcher Zeitung, 1981, Mai 12.
- ⁶⁹ См. Правда, 1981, 11 мая; Frankfurter Allgemeine, 1981, Mai 11.
- ⁷⁰ Financial Times, 1982, Febr. 22.
- ⁷¹ См. International Herald Tribune, 1982, Apr. 24—25.
- ⁷² Washington Post, 1981, Febr. 17.
- ⁷³ Times 1981, March 3; Süddeutsche Zeitung, 1981, Aug. 25.
- ⁷⁴ См. Newsweek, 1982, Jan. 11, p. 8.
- ⁷⁵ Financial Times, 1982, May 20.
- ⁷⁶ Financial Times, 1981, July 17.
- ⁷⁷ Times, 1982, March 15.
- ⁷⁸ Financial Times, 1982, March 18.
- ⁷⁹ Financial Times, 1981, July 20.
- ⁸⁰ Правда, 1982, 16 марта.
- ⁸¹ International Herald Tribune, 1982, May 7.
- ⁸² International Herald Tribune, 1983, March 17.
- ⁸³ См. International Herald Tribune, 1982, Nov 17.
- ⁸⁴ Правда, 1983, 18 февр.
- ⁸⁵ Правда, 1982, 7 дек.
- ⁸⁶ Правда, 1982, 16 нояб.
- ⁸⁷ Правда, 1983, 3 апр.
- ⁸⁸ International Herald Tribune, 1983, Aug. 27—28.
- ⁸⁹ Правда, 1983, 12 нояб.
- ⁹⁰ International Herald Tribune, 1982, March 1.
- ⁹¹ International Herald Tribune, 1983, Aug. 22.
- ⁹² Правда, 1983, 17 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ США	8
1. Формирование имперской идеологии и политики буржуазно-рабовладельческой Америки	8
2. Вступление американского империализма в борьбу за мировое господство	25
3. Расцвет и крах доктрины и политики «американского века»	44
Глава II	
ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРСКИХ НАСТРОЕНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ АМЕРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ	65
1. Обострение борьбы по внешнеполитическим вопросам	65
2. Внешнеполитическая программа Картера. Курс на «возрождение мирового морального лидерства» Америки	81
3. Трехсторонняя стратегия борьбы за «новый мировой порядок»	94
4. «Двойная» политика «национальной безопасности»	123
5. Доктрина Картера и президентская директива № 59	136
Глава III	
ИМПЕРСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА	166
1. Предвыборная кампания и программа Р. Рейгана	166
2. Ставка на военную силу как главное орудие внешней политики	176
3. «Новая волна» имперской политики	197
4. «Крестовый поход» против СССР, мирового социализма	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
ПРИМЕЧАНИЯ	249

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА США:

ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В книге рассмотрены исторические истоки имперской политики США, разоблачается агрессивный курс американского империализма второй половины 70 – начала 80-х годов. Убедительно показано, что именно авантюристическая гегемонистская политика Вашингтона привела к резкому обострению международной обстановки, возрастанию угрозы войны. Автор подчеркивает, что имперским притязаниям США противостоят твердая миролюбивая политика СССР, других социалистических стран, могучий фронт всех прогрессивных сил на нашей планете.